ПЛАТОН СУМРАК

Яков брюс - на службе царю и дьяволу

КОЛДУН ПЕТРА ВЕЛИКОГО

(Полемическая биография)

Человек - это животное, обладающее чувством истории. Понимаете? В отличие от всех других, оно знает, что было до него, и думает о том, что будет после.
А.Крон

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Легендарный совсем не значит прославленный или знаменитый. Для возникновения легенды должны быть два необходимых условия - общественный интерес и недостаточность информации. Тогда легенда рождается естественно.
А.Крон

Не так еще давно, несколько лет назад, на выставке в Третьяковской галерее, посвященной эпохе Петра I, эта небольшая гравюра 60-х годов XVIII века работы И.М.Бернигерота, извлеченная на свет божий из фондов Государственного Исторического музея, не обращала на себя особого внимания публики. Между тем, человек, на ней изображенный, даже внешне был весьма примечателен.
Пронзительный взгляд больших глаз из-под широких бровей, под глазами мешки, не то по причине хронической болезни, не то вследствие сильнейшей усталости и бессонных ночей; высокий лоб перерезан на переносье глубокой морщиной; крупный прямой нос, волевой рот с выступающей нижней губой, на подбородке отчетливая ямка. Правая рука человека, облаченного художником в латы (дань отмиравшей традиции барокко), из-под которых видны кружевные манжеты, покоится на орудийном стволе, в цепких тонких пальцах сжата подзорная труба; левая картинно уперта в бок.
Посетители, передвигаясь от экспоната к экспонату, у портрета не задерживались. Фамилия человека большинству из них ничего не говорила. Раз только аккуратная сухонькая старушка, сама живой исторический экспонат, лет семидесяти пяти-восьмидесяти, привстав на цыпочки, долго и пристально всматривалась в изображение, и то только потому, что с трудом складывала в слова буквы пояснительной надписи, используя в качестве лупы очки с толстенными стеклами - непременный атрибут неизбежной старческой дальнозоркости: «Я-к-о-в-Б-р-ю-с»...

В Москве на Немецкой (ныне Баумановской) улице стояла некогда лютеранская кирха святого Михаила. В начале 30-х годов, когда Москва начала расти и строиться, церковь разобрали, чтобы на ее месте выстроить авиационный НИИ (сейчас это Государственный научный центр авиационных материалов РФ).
Разбирая церковь, рабочие обнаружили несколько надгробий. По виду догадались - погребены не простые люди. Сообщили куда следует. Приехала авторитетная комиссия и произвела эксгумацию останков.

Оказалось, что под двухсотлетними каменными плитами покоились петровский генерал-фельдмаршал Яков Вилимович Брюс, его жена и две дочери. На хорошо сохранившемся камзоле Брюса тускло поблескивала шитая серебром звезда ордена Андрея Первозванного.
Говорят, прах фельдмаршала передали знаменитому профессору Герасимову, который специализировался на создании скульптурных изображений исторических деятелей по их черепам. В его лаборатории след останков Брюса и затерялся.

Есть в российской истории личности, экзотичность и самобытность которых сделали бы честь перу Вальтера Скотта, а, может быть, даже и Густава Майринка. Их имена на слуху, вошли в легенды и поговорки, но на самом деле о них мало что известно широкой публике. В этом ряду может быть упомянут и сподвижник Петра Великого, русский шотландец Яков Брюс.
Часто путают его со старшим братом, Романом Брюсом. Но если последний известен в основном тем, что возглавлял оборону новорожденного Санкт-Петербурга от шведов в годы Северной войны и руководил строительством Петропавловской крепости, где и был похоронен, то образ Якова Брюса в народной памяти приобрел особые черты. Для нескольких поколений русских людей, особенно москвичей, Яков Брюс - человек, который одновременно состоял на службе царю и дьяволу.

Якову Брюсу повезло с биографами гораздо менее прочих сподвижников Петра. По несколько скупых строк у Соловьева и других маститых отечественных историков, две-три биографические статьи в военно-справочной литературе, редкие газетные и журнальные публикации, кое-что у москвоведов. На таком материале едва ли составишь целостное представление о личности. Тем более, если эта личность одновременно и реально существовавший человек, и персонаж "преданий старины глубокой".
Благодаря возросшему вниманию к истории Отечества вспомнили в последние годы и о Якове Брюсе. Появилось несколько значимых статей и книг, авторы которых предложили собственные трактовки известных фактов и версий, достаточные для первоначального знакомства как с личностью Брюса, так и с окружившим его имя ореолом тайны.
Исторические и сенсационные материалы о Я.В.Брюсе периодически публикует центральная и местная, краеведческая и желтая печать. Именем его, как хоругвью, освящают свои труды российские астрологи. И, тем не менее, все это – несколько капель в море. Таких публикаций – множество, а скудные факты, преподносимые в них, тиражируются, как крапленые тузы из замусоленной колоды. Во имя скромного гонорара великое множество авторов переписывают друг друга своими словами (каемся, и один из нас грешил в былые годы тем же, зарабатывая на хлеб насущный во множестве школьных стенгазет, боевых листков и заводских многотиражек).
Характеристики, даваемые Брюсу писавшими о нем авторами, зачастую полярны: "Несмотря на чрезвычайную занятость государственными делами, Брюс находил время и для научных занятий, породивших легенду о том, что он был алхимиком, астрологом, масоном и т.п., хотя до сих пор нет сколько-нибудь убедительных доводов в пользу этих версий, включая упоминание его имени в названии знаменитого "Брюсова календаря"... Можно без преувеличения сказать, что Брюсу принадлежит заслуга распространения в России передовых для того времени научных идей - гораздо раньше открытия Санкт-Петербургской Академии наук. Он был одним из просвещеннейших людей эпохи и

выделялся своей неординарностью даже среди ярких личностей "птенцов гнезда Петрова" (В.И.Синдеев).
«В судьбе Брюса действительно есть что-то загадочное. Неясно, где и как сын служилого дворянина, на четырнадцатом году записанный в «потешные», сумел получить такое блестящее образование, которое позволило ему затем овладеть глубокими познаниями в самых различных областях науки? Непроницаемыми для постороннего взгляда остались его внутренний мир и домашняя жизнь, особенно в последние годы, проведенные почти в отшельническом уединении. Брюс несомненно проявил интерес к тайноведению, но не вполне известно, как он это оценивал» (И.Грачева).
"Яков Брюс, которого при дворе считали химиком, астрологом и инженером, а в народе - колдуном, не имел ничего общего ни с Ньютоном, ни с Лавуазье, но скорее смахивал на простого плута... Знания этого мошенника, хотя были знаниями самоучки и дилетанта, имели, однако, в глазах царя неотразимую притягательность, и по отношению к данной среде представляли известную ценность" (К.Валишевский).
«Брюс не дождался и биографа; его роль в культурной и творческой работе русского общества нам до сих пор неясна. В народной легенде этот точный ученый нового времени сохранил облик чародея и астролога… В действительности Брюс был первым русским экспериментатором и первым наблюдателем-астрономом, о котором сохранились у нас исторические данные» (В.И.Вернадский).
Вот такой разброс суждений! И это спустя столетия, а кажется, будто речь идет о современнике, впечатления о жизни и деятельности которого еще не устоялись, а мнения не сложились.
Объяснить это можно, кажется, не только тем, что крайне скудны и отрывочны имеющиеся сведения. Сама личность Якова Брюса у занимавшихся ею исследователей как бы распадается на две составляющие: человека и легенду. Говоря о человеке, историки напрочь отказываются всерьез анализировать легенду. Рьяные сторонники сверхъестественого упиваются легендой, ничуть не пытаясь хоть как-то соотнести ее с реальными историческими событиями. Историкам не хватает специфических знаний в области так называемых "тайных наук", знатокам чернокнижия – профессиональных исторических сведений.
Между тем, только совместив два образа нашего великого соотечественника, можно попытаться увидеть подлинную суть личности Якова Брюса. Как ни громко это прозвучит, именно это мы и пытаемся сделать в этой работе. По крупицам добывая информацию из десятков пыльных фолиантов, мы не стремились втиснуть ее в заранее заданные рамки. Напротив, любая деталь, любой незначительный штрих заставляли по-новому взглянуть на героя повествования. Так постепенно и прорисовывался его благородный силуэт на писанном грубыми мазками необъятном фоне петровской эпохи.
Мы не хотели делать свою книгу "ареной для сенсаций", в первую очередь для нас было важно свести воедино все ранее написанное о Брюсе, превратить драгоценный золотой песок в весомый слиток. Смеем надеяться, что в нем будет и несколько намытых нами крупинок. Мы старались не пересказывать слишком уж детально известные материалы о его деятельности в качестве военного и государственного руководителя и дипломата, более сосредоточившись на темных пятнах в его биографии. В известной степени к анализу событий «седой старины» мы привлекли и свою фантазию, предусмотрительно поставив в подзаголовке определение «полемическая биография». Однако, ступая на зыбкую почву допущений, мы стремились не превратить их в домыслы. Поэтому о любой

странице нашего повествования мы смело можем сказать, что в основе ее лежат факты, а не содержимое пальца. Возможно, для кого-то все это покажется не более чем повторением пройденного. Но мы уверены, что таких наверняка окажутся единицы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
РАЗДВОЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

I. FUIMUS

За столом были и не одни худородные: по левую руку Петра Алексеевича сидел Роман Брюс - рыжий шотландец, королевского рода, с костлявым лицом и тонкими губами, сложенными свирепо, - математик и читатель книг, так же как и брат его Яков; братья родились в Москве, в Немецкой слободе, находились при Петре Алексеевиче еще от юных его лет и его дело считали своим делом.
А.Толстой

Яков должен подписываться Якушкой, а не Яковом, ибо москвитяне полагают, что было бы неуважением со стороны просителей к высочайшему сану особы, облеченной царским достоинством, не засвидетельствовать прилично государю своего почтения, именуясь покорно уменьшительным именем.
И. Корб

Традиционно принято считать, что Яков Брюс происходит из шотландского королевского рода. На самом деле это не совсем так. Современный отечественный исследователь В.И.Синдеев опубликовал документы XVIII века, содержащие родословную Брюса, обратив при этом особое внимание на существующие разночтения.

Род, к которому принадлежал Яков Вилимович, происходит из французской Нормандии. На Британские острова Брюсы попали вместе с Вильгельмом Завоевателем. Один из них, Роберт Брюс, безуспешно претендовавший на шотландскую корону в конце XIII века, стал родоначальником двух ветвей многочисленного клана Брюсов. Его внук, знаменитый Роберт, в 1306 г. стал-таки шотландским королем, другой, Эдуард, был королем ирландским. С его незаконнорожденного сына Томаса и начинается история семьи, через несколько сотен лет ознаменовавшаяся рождением в России Якова Брюса.

Сын Томаса Брюса Роберт положил начало роду баронов Клакмэннанов. Королевская династия Брюсов после смерти сына Роберта I короля Дэвида II пресеклась. Внук Роберта I Роберт II Стюарт (сын его дочери Майории и графа Уолтера Стюарта) основал новую династию шотландских королей, с которой Клакмэннаны, естественно, также состояли в родстве.

Род баронов Клакмэннанов, как это водится у знати (так же, как, к примеру, и наши Рюриковичи и Гедиминовичи), благодаря бракам своих многочисленных отпрысков обоего пола породнился практически со всеми знатнейшими шотландскими фамилиями: Огильви, Мюрреями и другими. Их родовой герб так описан в копии родословия Я.Брюса (перевод с латинского сделан в первой четверти XVIII в.): "Сии есть на поле златом крест Святаго Андрея, и верх щитовый краснорожовыя. Над шлемом же тогожде степени приличным плащем красным серебром раскрашенным и венцем от тех же цветов украшенным, место периа нарисуется плечо въоруженное, булаву в руце держащее. Поддержат, от десныя страны лев краснорожовый, от левыя же единорожец природного

цвета с щитовым сим написанием: БЫХОМ". "Быхом" - славянский перевод латинского "Fuimus", означающего многозначительное "Мы были".

Прадед Якова Брюса Джеймс был четвертым сыном Роберта, седьмого барона Клакмэннана. Очевидно, ему и его потомкам только и оставалось, что служить венценосным особам. Английская революция застала отца Я.В.Брюса Вильяма на службе Карлу I, который в борьбе с Оливером Кромвелем потеря трон, а потом и голову. В поисках нового сюзерена многие англичане и шотландцы предпочитали новую жизнь на чужбине. Свой выбор сделал и Вильям Брюс. Превратности судьбы забросили его в 1647 г. в Архангельск. Так он оказался в Московском государстве.

Россия при царе Алексее, отце Петра, охотно привечала иноземных мастеров - обладателей всевозможных профессий, а также и военных специалистов из голландцев, немцев, шотландцев и англичан. За их опыт и добросовестное служение новому отечеству в воинском деле, науке, ремеслах и искусстве русское правительство денег не жалело. Карьера Вильяма Брюса в России, хоть и не сразу, сложилась вполне успешно. В 1658 г. он уже был полковником, а жизнь свою окончил в звании генерал-майора. В периоды, когда боевые действия не велись, полк его квартировал во Пскове. Вильям Брюс поддерживал связи с шотландской колонией в Немецкой слободе на московской реке Яузе, где тогда должны были селиться москвичи-иностранцы.
Не известно достоверно, сколько лет было Вильяму Брюсу, когда он попал в Россию, не известно имя его жены, матери Романа, Якова и их сестры, не известно, где и когда Вильям Брюс женился. Его первый сын Роман (Роберт) родился в 1668 г., сам Вильям Брюс умер в 1680 г., так что, можно предположить, что выехал он из Англии в еще достаточно молодом возрасте и, по-видимому, еще не женатым человеком.

Версия событий, предшествовавших рождению Якова Брюса, которую мы только что изложили, базируется на современных исследованиях архивных материалов. Но есть и другая, гораздо более старая, возможно, не подтвержденная достоверными документами, но достаточно логичная. Родственник нашего героя, выходец из прусской ветви рода Питер Генри Брюс, основываясь на семейных преданиях, рассказывает историю двух семей иначе.
Братья Джеймс и Джон Брюсы, спасаясь от революции, решили попытать счастья за границей, договорившись пересечь Балтику на корабле, отплывающем из порта Лит. Но в дело вмешался нелепый случай. Владельцами двух кораблей в порту оказались однофамильцы, причем оба корабля отплывали в страны с весьма похожими названиями. В то время как семья Джеймса уже садилась на корабль, идущий в Архангельск, Джон со своими домочадцами ступил на борт парусника, отправлявшегося в Кенигсберг. Поскольку Russia - Россия и Prussia - Пруссия по-английски звучат практически одинаково, в результате этого досадного казуса обе семьи разъехались в разные страны, а братья больше никогда не виделись... Джеймс Брюс, по утверждению канадского исследователя Валентина Босса, и был тем самым генерал-майором в Пскове, скончавшимся в 1680 г. А его сын Вильям, родившийся в Шотландии и ребенком вывезенный в Россию, будучи полковником, погиб в Азовском походе в 1695 г. Интересно, что и современники Якова Брюса, которые, надо полагать, владели достаточно достоверной информацией, своими воспоминаниями подтверждают версию Босса. Так,

Христофор-Генрих Манштейн, в продолжение нескольких царствований после кончины Петра I служивший в русской армии, упоминает о «Брюсе, шотландце по происхождению, дед которого приехал в Россию после несчастной кончины Карла I».
Вся эта история, во многом противоречащая ныне известным документам, но принятая большинством дореволюционных авторов, любопытна тем, что отвечает на многие вопросы, возникающие от некоторой несообразности фактов, в том числе, в связи с появлением детей у Вильяма Брюса почти через двадцать лет после его приезда в Россию, хотя он должен был быть в это время в достаточно почтенном возрасте… Словом, полной ясности в родословной Брюса нет до сих пор.

С рождением Якова связаны новые споры и разночтения. Он появился на свет, как уже очевидно, в 1669, хотя чаще (и до сих пор) называют 1670 год. Все точки над i, очевидно, должен расставить траурный штандарт семьи Брюсов, хранящийся в фондах Государственного исторического музея и представленный глазам широкой публики на уже упомянутой выставке в Третьяковке. На нем по-немецки перечислены титул и звания Якова Вилимовича (граф, русского царя генерал-фельдмаршал и генерал-фельдцейхмейстер) и по-латыни указаны даты рождения и смерти (1 мая 1969 г. и 19 апреля 1735 г.) и общее количество прожитого им времени (65 лет 11 месяцев 18 дней). Местом его рождения называли Псков, место службы его отца; однако гораздо больше аргументов в пользу того, что это произошло в Москве. Родители нарекли его Джэкобом Дэниэлом (Jacob Daniel), для русских он стал Яковом Вилимовичем, «старым иноземцем», по тогдашней терминологии (то есть потомком иностранцев, родившимся в России).
В гороскопе Якова Брюса, составленном современными отечественными астрологами, отмечается, что, по их мнению, ярко выраженное сочетание Солнца со звездой Алгол означало для него способность одерживать победы, используя свои неординарные способности. Вместе с тем, полное название звезды «Капут Алголь» (Голова ведьмы) напоминает о том, что с влиянием этой самой зловещей звезды Зодиака связывают возможность потери хорошей репутации.
Традиционно считается, что оба брата получили неплохое домашнее воспитание и образование, а Яков с раннего детства проявил большую склонность к изучению широкого круга научных предметов. Однако, судя по всему, занимался наукой он исключительно по собственной инициативе: из того, что мы знаем о жизни Романа Брюса и его потомков, можно сделать вывод, что родители не ставили перед собой задачи добиться, чтобы дети хватали звезды с неба. Оба сына должны были пойти по отцовскому пути, что они и сделали. Роман стал бравым воякой, «слуга царю, отец солдатам», в таком же духе воспитал и собственного сына. Но Якову, видимо, от рождения уготовано было великое будущее. Знания, жадно получаемые в юности, весьма пригодились Якову Брюсу впоследствии. Петр Великий в своих начинаниях не был обделен талантливыми, разносторонними сподвижниками. Бешеный ритм эпохи, высота и всеохватность петровских замыслов не терпели серых людей у трона. Меншиков, Толстой, Шафиров, Остерман - эти люди далеко превосходили по уму и природному дарованию своих современников. Но, пожалуй, единственным человеком, не уступавшим Петру ни в широте кругозора, ни в глубине мысли, ни в разнообразии интересов, был именно Яков Вилимович Брюс. Человеком "высокого ума, острого рассуждения и твердой памяти" называл Брюса знаменитый ученый XVIII века Василий Никитич Татищев. Мы знаем Якова Брюса как астронома и математика, артиллериста и инженера, ботаника и

минералога, географа и сфрагиста, автора научных сочинений и их переводчика, издателя и государственного мужа, как компанейского человека, наконец (а каким же еще мог быть приближенный великого царя и великого кутилы)!

Безусловно, ранняя потеря отца (если он действительно умер в 1680 г.) должна была стать для юных Романа и Якова огромной и невосполнимой утратой. Но Вилим Брюс успел снискать уважение и благосклонность при русском дворе. К тому же, наверняка, свою роль в судьбе его детей сыграл один из безусловных авторитетов Немецкой слободы Патрик Гордон. Как писал о нем саркастичный Казимир Валишевский, "родившись в 1635 году в семье мелких лордов, роялистов и католиков, Патрик Гордон прозябал уже 30 лет в России, занимая мелкие должности, которые ему совсем не нравились. Прежде чем приехать сюда, он уже служил императорам; шведам против поляков и полякам против шведов...

От природы умный и деятельный, с хорошими связями на родине, он думал, что имеет право на более высокое положение. Лично известный королям Карлу и Иакову английским, двоюродный брат графа Гордона, бывшего губернатором Эдинбурга в 1686 году, он был признанным представителем роялистской шотландской колонии слободы. Говоря по-русски и любя выпить, он пользовался известной популярностью среди самих москвичей". Добавим также, что Патрик Гордон считается основателем и руководителем первого в России подобия масонской ложи. Так что, по-видимому, его протекция для молодых Брюсов при дворе малолетнего царя Петра могла быть нелишней.

По общепринятому мнению, оба брата с 1683 г. состоят в так называемых потешных войсках Петра I. Петр привлек к своим воинским забавам целую толпу сверстников и ребят постарше, создав два батальона примерно по 300 человек. На Яузе была выстроена специальная "потешная фортеция" Пресбург, которую одни обороняли, а другие осаждали по всем правилам военного искусства. Так зарождалась военная опора юного царя в его борьбе с властолюбивой сестрой Софьей и ее сторонниками, которые противились возвышению родни Петра, Нарышкиных. Вокруг Петра и Нарышкиных начинают сплачиваться все недовольные режимом правительницы Софьи и ее фаворита Василия Голицына. Но именно в войсках, возглавлявшихся князем Голицыным, в двух Крымских походах 1680-х годов прапорщик Яков Брюс и участвует впервые в настоящих боевых действиях. Оба похода закончились безрезультатно для государства, но не прошли даром для Брюса. Царевна щедро наградила как неудачливого полководца Голицына, так и ряд участников походов. Для Якова это означало получение поместья и денежных наград – впервые в жизни.

Не будем подробно останавливаться на перипетиях династической борьбы в семействе Романовых, которая, как известно, закончилась в 1689 г. отъездом Петра в Троицкий монастырь и поражением Софьи, от которой из Москвы в Троицу ушли большинство полков и царедворцев. Яков Брюс, в составе своего полка пришедший в Троицу, вновь был награжден, как тогда принято было говорить, "дачами".

Для Брюса победа Петра в схватке с сестрой была и естественной и желанной. Не говоря уже о влиянии службы в "потешных", сама фигура и образ мыслей и действий юного царя не могли не импонировать московским иноземцам, которые ясно видели разницу между возможно даже более прогрессивным в мыслях, но абсолютно безвольным в поступках двором Софьи и пока еще достаточно консервативным, но деятельным и схватывающим все новое на лету Петром и его окружением.

Потешные войны окончились в 1694 году "Кожуховским походом". Разыгранные в подмосковном Кожухове двухнедельные баталии были уже настоящими военными маневрами, имелись раненые и убитые, даже генерал Гордон был ранен. Яков Брюс участвовал в походе в роли поручика второй роты второго рейтарского полка армии могущественного и ужасного князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского, главы Преображенского приказа, где следствие по наиболее важным преступлениям велось по всем правилам тогдашнего пытошного искусства. Ромодановский, как всегда, выступал в роли непобедимого генералиссимуса, Пресбургского короля, которому противостоял шутейный польский король Бутурлин, никогда, впрочем, не побеждавший - таковы были законы игры.
Суровость и жестокость в воинских потехах петровского двора (убитые за несколько лет исчисляются десятками, да и сам Петр не раз бывал ранен) сочетались со своеобразным комизмом, который проходит через всю жизнь Петра, и о котором мы еще не раз будем говорить применительно ко многим сферам жизни русского общества первой четверти XVIII века. В данном случае этот комизм проходил через все стадии от простого ребячества к абсолютной бесшабашности. Так, в 1692 г. в маневрах участвовал эскадрон карликов, в 1694 г. церковные певчие воевали с писарями.
Вдоволь натешившись ратными забавами, Петр затевает серьезное воинское и внешнеполитическое дело: войну с Турцией. Он пытается отвоевать выходы к Черному морю, и со второй попытки, в 1696 г., русские войска берут Азов. Для Якова Брюса две эти кампании означали значительный служебный рост. Если в первом Азовском походе он занимался инженерными работами в чине капитана, то, после командования боевыми действиями девятой флотской роты в 1696 г. при адмирале Франце Лефорте (любимце Петра, родом из абсолютно сухопутной Швейцарии) Брюс был произведен в полковники.
Азовские походы не прошли даром и для научных склонностей Брюса: в 1696 году он совместно с Ю. фон Менгденом составил карту части России от Москвы до Малой Азии, которая впоследствии была напечатана в Амстердаме (часть съемок местности проводил сам Петр). Его астрономических познаний, как свидетельствует переписка, уже в то время оказалось вполне достаточно для того, чтобы разъяснять молодому царю основы наблюдения за небесными явлениями.
Итак, Петр добился первого внешнеполитического успеха, который показался ему достаточным, чтобы предпринять давно задуманное им путешествие в Европу. За ним, немного погодя, отправился и наш герой. К 1697 году мы видим Брюса вполне сложившимся взрослым мужчиной, который приобрел значительный жизненный опыт, неплохо делает карьеру, обладает определенным количеством знаний и навыков. Все это ему предстояло закрепить и развить в ходе путешествия.

II. ПАТЕНТОВАННОЕ БЕССМЕРТИЕ ФРЕДЕРИКА РЕЙСХА

- Так почему Вы выбрали это место?
- Потому что мертвые - лучшие советчики.
- В каких вопросах?
- В вопросах, стоящих перед живыми.
- И что они советуют?
- Только одно - жить!

Теннесси Уильямс

Петр I впервые в истории России отправился за пределы страны с так называемым Великим Посольством. Вместе со свитой и обслугой в его состав входило более двухсот пятидесяти человек. Официально посольство возглавлял генерал-адмирал Франц Лефорт, честолюбивый швейцарец, ставший волею судьбы любимцем царя, человек светский и галантный, знавший европейские нравы и обычаи. Фактически же руководил всей деятельностью послов сам царь, ехавший инкогнито, в качестве унтер-офицера Преображенского полка Петра Михайлова. 15 марта 1697 г. посольство тронулось в путь из Москвы.

Послы намеревалось искать в Европе союзников в борьбе против Турции и Крымского ханства. Но, в первую очередь, русские намеревались ознакомиться с политической и культурной жизнью Европы, с ее нравами и ремеслами, воинским искусством. Сам царь планировал ознакомиться на Западе с кораблестроительным мастерством и морской наукой, а также с самыми разнообразными сторонами европейской жизни, которые должны были попасть в поле его зрения. В.О.Ключевский писал, что Петр "ехал за границу не как любознательный и досужий путешественник: чтобы полюбоваться диковинками чужой культуры, а как рабочий, желавший спешно ознакомиться с недостававшими ему надобными мастерствами: он искал на западе техники, а не цивилизации." Тем не менее, уровень его знакомства с жизнью европейских стран вышел далеко за рамки притязаний подмастерья-недоучки.

Брюс выехал из Москвы значительно позже посольства: Петр уже летом был в Голландии, а Брюс только в декабре приехал в Амстердам. Одно из писем Петра к Ромодановскому в это время касается житья-бытья Якова после отъезда послов из Москвы: "Зверь! Долго ль тебе людей жечь? И сюда раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкой (Хмельницким, то есть, проще говоря, пьянствовать - авт.). Быть от него роже драной". "Раненым" этим был Брюс. Некоторые исследователи на основании этого письма делают вывод, что по какой-то причине Брюс подвергся пыткам в Преображенском приказе. Но, скорей всего, оставшиеся на хозяйстве в России Ромодановский сотоварищи действительно несколько месяцев обретались в беспробудном пьянстве, и Брюс «по пьяной лавочке» вступил в конфликт с Ромодановским. Не следует забывать, что в тогдашней России слыхом не слыхивали о дуэлях, и все вопросы, которые между западноевропейскими дворянами решались при помощи удара шпаги или выстрела, у нас улаживались кулаками. Велик ли был урон для чести? Едва ли. Для здоровья? Так ведь это смотря с кем схватишься. Ромодановский был весьма привычен к поединкам кулачным, а, может, и подручные помогали. Причем досталось Якову крепко: по всей видимости, со следами свойского обхождения князь-кесаря он так и явился в Амстердам.

Самоуверенному князь-кесарю не составило большого труда дать ответ на послание царя. "В твоем же письме, - без тени сомнения писал Ромодановский, - написано ко мне, будто я знаюся с Ывашкой Хмельницким, и то, господине, не правда: некто к вам приехал прямой московский пьяный, да сказал в беспамятстве своем. Неколи мне с Ывашкою знаться - всегда в кровях омываемся! Ваше то дело на досуге стало знакомство держать с Ывашкою, а нам недосуг! А что Яков Брюс донес будто от меня руку обжег, и то сделалось пьянством его, а не от меня". Петру ничего не оставалось другого, кроме как завершить спор успокоительным письмом: «Писано, что Яков Брюс с пьянства своего то сделал; и то правда, только на чьем дворе и при ком? А что в кровях, и от того, чаю, и

больше пьете для страху. А нам подлинно нельзя, потому что непрестанно в ученье».

Вряд ли стоит вспоминать хрестоматийные сюжеты о царе-плотнике, вкалывающем на саардамских верфях. Все это сотни раз описано. Поговорим лучше о научно-познавательной стороне поездки, тем более что это поможет нам понять становление характера и интеллекта Якова Брюса.
Хмель от московских попоек и драки с князем-кесарем уже давно покинул голову нашего героя, но пьянили новые впечатления, навстречу которым открыл свое сердце молодой полковник. Проезжая через города и деревни Польши и Германии, он жадно впитывал все увиденное и услышанное, алчно ища знаний. Жизнь в Немецкой слободе по сравнению с настоящей европейской казалась прозябанием в пряничном домике. А здесь все было внове, все было в диковинку и все-таки этого было еще недостаточно, надо было еще учиться и учиться. И Брюс был готов это делать.

Мы с большой долей уверенности можем говорить, что в путешествии и Брюс и Петр видели по большей части одни и те же достопримечательности, да и заинтересовать их могло практически одно и то же.
В России к тому времени уже создавалась сеть аптек, находившихся в подчинении Аптекарского приказа под руководством А.А.Виниуса. Московская аптека являлась во многом своего рода прообразом будущей петровской Кунсткамеры, где собирались разнообразные травы, препарированные чучела животных, другие "антиквитеты и куриозности". Различные европейские музейные собрания того времени (все те же кунсткамеры) были, по сути дела, бессистемными скоплениями всех мыслимых раритетов: картин, дворцовых сокровищ, анатомических препаратов, оружия и т.д., только в гораздо более крупных размерах, нежели в Москве. Поэтому наряду со старинными соборами, оружейными арсеналами, дворцами и парками кунсткамеры и подобные им собрания стали основными объектами внимания русских путешественников.
В Голландии в первую очередь интерес царя и его спутников был привлечен собраниями научных приборов, китайских безделиц, ост-индских раритетов, этнографическими и археологическими редкостями. В Амстердаме русские путешественники, в частности, посетили так называемый Гортус Медикус (медицинский сад) - сад лекарственных растений и животных препаратов; на подворье ост-индской компании любовались дрессированным слоном; в Делфте царь долго беседовал со знаменитым биологом ван Левенгуком; в Лейдене не остались без внимания ни анатомический музей, ни ботанический сад, ни этнографические коллекции. Петр со своей свитой устремлялся на лесопильни, в типографии, на мельницы. Он учился владеть столярными инструментами, брал уроки рисования и гравирования по меди, приобрел инструменты для удаления зубов. Вся эта калейдоскопическая смена впечатлений и познаний едва ли могла составить четкую систему в уме царя, но его спутники по возможности стремились не отставать от своего повелителя. Правда, и их хватало далеко не на все. В Лейденском анатомическом театре, видя скривившиеся брезгливые лица своих приближенных, Петр заставил их по очереди кусать зубами труп, приготовленный для препарирования. По-видимому, незапланированное появление Брюса в составе посольства и было вызвано тем, что он был, пожалуй, единственным, кто мог извлечь максимальную пользу от хаотичных набегов царя на достопримечательности.

Более всего в Амстердаме внимание охочего до диковинок царя и его спутников привлекло собрание знаменитого голландского анатома Фредерика Рюйша (Рейсха), в которое входили не только препараты различных животных и насекомых, но и людей, обрамленные изящными латинскими надписями и цветами, скоплениями морских раковин и живописных изображений. Талант Рюйша-препаратора заключался в том, что он умел сохранять как на отдельных частях тела, так и на целых телах естественный цвет кожи. Один из спутников Петра отмечал: "Видел 50 телец младенческих в спиртах от многих лет нетленны. Видел мужеское и женское четырех лет возраста нетленны и кровь знать, глаза целы и телеса мягки, а лежат без спиртов... Видел также кожу человеческую выделанную, толще бараньей". В коллекции Рюйша были представлены несколькими препаратами все стадии развития человеческого эмбриона. Впервые посетив собрание Рюйша, царь был настолько потрясен увиденным, что, не удержавшись, поцеловал в губы труп ребенка.

Между Москвой и Амстердамом вскоре завязалась оживленная переписка. Так, в 1701 г. от знаменитого анатома пришло письмо, фрагменты которого, по причине их показательности для всей этой околонаучной истории, мы и воспроизводим (в переводе XVIII века):
"Профессор Фридерикус Рюйш желает царскому величеству всякого здравия и многолетия... послал я к вашему царскому величеству: 1) вельми удивительную ящерицу с острыми чечуями; 2) малый лигван, имея зеленое брюхо из западныя Индеи; 3) рыбка из острова Каракуас, имея черное пятно на хвосте; 4) двоеглавную змию оттуды ж; 5) восточной Индеи сверчок; 6) выпороток рыба Гай, Каракауса ж острова; 7) золотой жучек из шпанских западных Индей; 8) вельми удивительная птица из восточныя Индеи; 10) еще ящерица; 11) две змеи из восточныя Индеи.
Ныне же есть мое униженное прошение, дабы вы, всемилостивейший государь, изволили обещание свое напамятовать по своей записке в памятной книжице и прислать мне две человеческих кожи выделанные - их гораздо бо желаю. А я потщуся вашему царскому величеству по вашему желанию и еще таких же удивительных вещей обрати... Желал бы аз, дабы к нам прислали всяких жучков, прузии, великия мухи, оводы, дивныя лягушки, змии, крысы, белки летучия и иные зверки в хлебном вине; также всякия маленькия рыбки, длиною с перст до пяди... Сим кончаю и остаюся вашего величества покорнейший раб Фридерикус Рюйш. Писано из Амстердама, июля в 16 день 1701 году".
"Вызывающая противоречивые чувства "художественная" экспозиция, где выставлены настоящие человеческие тела, с которых снята кожа, чтобы было видно анатомическое строение, оказалась настолько популярной среди немецкой публики, что организаторы решили продлить ее еще на месяц... Экспонаты - тела, с которых сняты кожа и жировой слой, чтобы были видны кости, органы, нервы и мышцы, выставлены в разных позах, например "за шахматами" или "на пробежке". Одна из них - беременная женщина с распоротым животом, в котором виден пятимесячный плод, который она носила... "Изобретением"... автора выставки... является замена в теле воды и жиров силиконом и полиэстром. После подобной процедуры тела становятся "сухими и без запаха" и выглядят абсолютно естественно".
Вышеприведенный пассаж не имеет, дорогой читатель, ни малейшего отношения ни к Лейденскому музею, ни к анатомическому театру Рюйша. Цитата взята нами не из околонаучного трактата XVIII века, а из московской газеты 1998 года (Капитал, 11-17 февраля 1998 г., с.32). Так в современной Германии увлекающиеся натуры делают

современной былью предания трехсотлетней давности. Начиная с 1998 г. победное шествие трупоглядства в Западной Европе не прекращается. Выставка переезжает из страны в страну, собирая толпы созерцателей и десятки желающих завещать свои тела для экспонирования. По иронии судьбы, Россия и триста лет спустя опять оказалась втянута в это дело, на сей раз чередой судебных разбирательств, связанных со скандальным экспортом трупов для немецкого «доброго доктора».

Посетив Амстердам в 1717 г., Петр купил у Рюйша его знаменитый кабинет, а также и способ бальзамирования трупов. Рюйш долго торговался. "Не думайте, - жаловался он царю, - чтобы мне было легко дойти до открытия моего способа: ежедневно вставал я в четыре часа утра, тратил все, что получал, и перебрал до тысячи трупов не только людей, недавно умерших, но и таких, которые были уже покрыты червями, отчего мог схватить опасную болезнь". По легенде, в конце концов, он скостил цену, с условием, что Петр один будет владеть этим секретом. Но царь нарушил данное обещание, сообщив тайну своему лейб-медику Лаврентию Блюментросту (который, кстати, был учеником Рюйша), а с его легкой руки секрет в конце концов сделался общедоступным. За несколько тысяч лет до того, как царь Петр в припадке восхищения поцеловал безымянный детский трупик, ловкими руками препаратора лишенный естественного биологического права сгнить в сырой земле, египетские жрецы в совершенстве владели зыбким секретом безмолвных мумий. Не тогда ли, в Рюйшевом кабинете, Петр впервые задумался о собственной мумификации? Не тогда ли впервые отдал поручение Брюсу вплотную заняться изучением бальзамирования? Как всякий уважающий себя абсолютный владыка, он был не прочь соприкоснуться с бессмертием…

Еще в 1697 г. Рюйш обращался к Петру с просьбой прислать ему несколько кож. Виднейшие ученые-анатомы той эпохи были абсолютно уверены, что пояса из выделанной человеческой кожи служили средством против истерии, судорог и эпилепсии. Откуда брались человеческие экспонаты и пояса из человеческой кожи? Материалом для них служили тела казненных преступников. А название «анатомический театр» еще и на протяжении почти всего XIX века понималось буквально, и зеваки приходили поглазеть на вскрытия с таким же интересом, с каким отправлялись в оперу или на премьеру комедии. Спутник Петра сообщает, что они, посещая Лейден, "...были все в академии, в саду ее и в анатомии, которая в кирхе; тут видели кости совокупленные вместе казненных людей обоих полов, которые одеты зело смешно, а сидят на всяких зверях. Некто иностранный, видя столько воров, разбойников и убийцов в том театре анатомическом, сказал из Евангелия: что церковь была храмом молитвы, а сделали ее вертепом разбойников". В Лейдене на скелете осла сидел скелет женщины, убившей свою дочь; на скелете быка сидел вор, еще один молодой вор висел повешенным. В этом городе Петр познакомился со своим будущим лейб-медиком, племянником знаменитого эскулапа Готфрида Бидлоо Николасом, который имел впоследствии возможность услужить царю изготовлением набальзамированного чучела его любимой собачки Лизетты.
Всех диковинок, увиденных русскими в Голландии, не перечислить. Петр успевал осматривать музеи, позировать художникам, обучаться ремеслам, нанимать специалистов, закупать анатомические препараты и восточные редкости, осматривать коллекции картин и монет. Значительная часть осмотренных Великим посольством коллекций была приобретена для организации Кунсткамеры в Петербурге двадцатью годами позже, между

Россией и Голландией был организован активный обмен препаратами и растениями, раритетами и художественными ценностями.
Посещение Голландии оставило неизгладимый след и в судьбе Якова Брюса. Позже он прославился, как знаток и собиратель старинных рукописей, монет, восточных редкостей и всевозможных прочих диковин.

III. НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

- Как же Вы не видите, достопочтенный, что Ньютон был не в здравом уме, когда писал свои комментарии к Апокалипсису? - говорил Брюс. - Он, впрочем, в этом и сам признается в письме к Бентлею от 13 сентября 1693 года: "я потерял связь своих мыслей и не чувствую прежней твердости рассудка" - попросту, значит, рехнулся... Так вот что, говорю я, всего любопытнее: в этих апокалипсических бреднях крайний Запад сходится с крайним Востоком и величайшее просвещение - с величайшим невежеством, что действительно могло бы, пожалуй, внушить мысль, что конец мира приближается и что все мы скоро отправимся к черту!..
Он опять засмеялся своим резким, деревянным смехом...
Д.Мережковский

Впервые в жизни в Амстердаме русские отпраздновали Рождество и Новый год по-европейски. 11 января 1698 г. Петр с несколькими приближенными, среди которых был и Брюс, по приглашению Вильгельма III Оранского, который, являясь голландским штатгальтером, одновременно был и английским королем, прибыл в Лондон. Голландия несколько разочаровала русских. Увиденное ими было достаточно хаотичным, кораблестроительное мастерство голландцев было слишком преувеличенным. Расцвет наук, искусств и ремесел для Голландии был уже в прошлом. То ли дело Англия! Ее уже тогда называли «мастерской мира». Она стремительно развивалась как страна с бурно растущей экономикой, процветающей торговлей и передовым общественным устройством, как страна великих культурных ценностей и всемирно-известных научных учреждений.
Наш герой, конечно, должен был испытывать особые эмоции, ступая на британскую землю. Стараясь не углубляться мыслями в «дела давно минувших дней», он, тем не менее, помнил, что еще сорок лет назад его дед, до конца верный королю Карлу I офицер, бежал отсюда с женой и малолетним сыном, по несчастной случайности разминувшись во времени и пространстве с семьей брата, и оказался в конце концов в Архангельске, откуда и началась российская история дома Брюсов.
Дед, а впоследствии и отец до конца оставались истинными британцами и истовыми протестантами, регулярно посещая собрания англо-шотландской колонии и протестантскую церковь, если и то, и другое имелось в наличии. Но если они и не теряли надежду когда-либо вернуться на острова, объединенные под скипетром Стюартов, то младший сын Вильяма Брюса не мог, да теперь уже и не хотел, наверное, похвастаться подобными устремлениями. С каждым годом, с каждым днем своей жизни, особенно теперь, вдалеке от России, ему все более приходилось ощущать себя русским.
С первых же шагов по английской земле это чувство только должно было усилиться, ибо, очевидно, уверенно говорить по-английски ему на первых порах было достаточно сложно. Непонятные фразеологические обороты лондонцев, собственный легкий, но все-таки достаточно заметный акцент - все это на первых порах должно было давать о себе знать.

Чувство же отчужденности от людей, близких по крови, но таких далеких по образу жизни и мышлению осталось навсегда. Ему даже не пришло в голову испросить у Петра разрешения съездить в Шотландию, чтобы повидаться с очередным бароном Клакмэннаном - потомком старшей ветви рода, к которому он сам принадлежал и который всегда гордился своим происхождением от знаменитого Роберта Брюса, положившего начало трем королевским домам.

Русских на берег высадилось всего несколько человек, но шуму они наделали предостаточно. Бахус мог быть доволен своими ревностными учениками, которые и в чопорной английской столице находили время предаваться бесшабашному разгулу посреди экскурсий, визитов и ученых занятий. Веселый король Вильгельм едва не упал в обморок, посетив пристанище русских вояжеров, но ничего - выдержал, только натужно улыбался, прижимая к носу надушенный платок. Британский адмирал, опрометчиво предоставивший свой особняк в распоряжение посольства, не был столь деликатен. Оценив обращение со своей собственностью со стороны русских как полное разрушение, он впоследствии добился от своего правительства возмещения всех убытков. Впрочем, полагаем, размеры причиненного ущерба лукавый адмирал все-таки преувеличил, решив за государственный счет обновить дом.
Вечерами верховодил Лефорт, без его разухабистого веселья так не ударяло в голову вино, так не прожигали платные поцелуи лондонских шлюх. Даже Меншикову за ним было не угнаться. Но утром великий государь выгонял из постели дешево доставшуюся ему актрису Летисию Кросс (дармовое никогда не ценится, посему государь весьма критически отзывался о прелестях англичанки). Наскоро перекусив и пропустив рюмку, Петр уже безраздельно поступал в распоряжение Брюса. Мог ли не оценить "золотое" молчание бесстрастного по виду Якова молодой русский царь, который предпочитал скорее "переживать" приключения, нежели "попадать" в них? Джентльмен до мозга костей, Брюс унес с собой в могилу не только секрет "философского камня", но и летопись своих едва ли заурядных сердечных эскапад. Правда, от зоркого простонародного глаза утаить удалось далеко не все; Москва кое-что видела, многое додумала, сверх того присочинила - и сберегла в легендах глухие намеки о Якушкиных возлюбленных. Впрочем, всему свое время…

О, Англия, Англия конца XVII века!.. Еще совсем недавно умер великий композитор Генри Пёрселл, удалился в поместье друзей доживать свой век патриарх английской философии Джон Локк, а молодые Джонатан Свифт и Даниэль Дефо только пишут свои первые произведения. Лондон заполонили ученые, писатели, торговцы, политиканы… И Петру с приближенными предстояло в короткий срок разобраться в жизни нового Вавилона, чтобы за кратчайший срок попытаться извлечь из всего увиденного максимальную пользу.
Русские большую часть времени провели на верфях и в портах Англии, изучая кораблестроение, наблюдая за маневрами английского военного флота. Вместе с Якушкой Брюсом Петр (как отмечалось в его "Журнале") посетил ряд фабрик и заводов, побывал в Королевском научном обществе, Оксфордском университете, Гринвичской обсерватории, Хэмптон-Корте, Вулвичском арсенале, Монетном дворе, в лондонских театрах, собраниях квакеров, в дептфордских доках, в Палате Общин.
Послушав прения на совместном заседании палат парламента, Петр заявил: "Весело

слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан".
Увы, эти слова были всего лишь красивой фразой для хрестоматии. Начинания Петра, деспотичного и беспощадного владыки и недюжинного популиста. Его начинания, как оценил их Маркс, "должны были вымуштровать русских, придав им тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних". "Английская вольность здесь не у места, как к стене горох", - любил говаривать царь.

В отличие от Голландии, с ее традиционно сильной научной школой биологии, Англия славилась своими математиками, физиками, астрономами и географами. Брюс добросовестно обложился книгами. К прежде веденным им в Германии и Голландии рукописным тетрадям с конспектами и собственными размышлениями на естественнонаучные темы, писанным на немецком языке, добавились теперь несколько на английском. Астрономия, физика, геометрия, алгебра, тригонометрия, начатки химии - здесь было все. На бумаге - вперемешку, в голове молодого полковника - понемногу складывалось в стройную картину мироздания.
Яков Брюс поступил в Лондоне в распоряжение преподавателя математики из круга Исаака Ньютона Джона Коулсона. За шестимесячный курс обучения тот получил немалые по тем временам деньги, 48 гиней. Еще полтораста гиней были позже оставлены Брюсу на приобретение книг и научных приборов и инструментов. По поручению Петра он знакомился с системой образования в Англии и присматривался к научным кадрам, выбирая, кого бы можно было пригласить в Россию. Так, астроном Эдмонд Галлей, открывший знаменитую комету, через Брюса пытался получить в России какой-нибудь значительный пост. Но последнее слово всегда оставалось за царем. Он беседовал с целым рядом ученых, среди них были и Галлей и еще один астроном Джон Флемстед. Царь также продолжал скупать естественноисторические редкости и инструменты.

Как мы уже говорили, редкая поездка Петра обходилась без Брюса. Их тогдашние отношения едва ли можно назвать дружескими, истинно царского расположения Брюс добился гораздо позднее. Тем не менее, близость молодого полковника к царю незамедлительно обратила на себя внимание многих в Лондоне. Сделанные из взаимоотношений царя и московского шотландца выводы имели весьма далеко идущие последствия и существенно повлияли на судьбу нашего героя. Но об этом в свой срок…
В числе прочего путешественники вместе детально осмотрели Тауэр, где наряду с тюрьмой для особо важных преступников имелось и обширное собрание оружия, которым, как считали современники, можно было бы вооружить тысяч 12 войска. Здесь же они познакомились с обширным собранием артиллерийских орудий и никогда прежде на Руси не виданной пожарной машиной, с помощью которой можно было тушить пожары в многоэтажных зданиях. Единственным, что англичане решили не показывать Петру, были топоры, обагренные кровью Марии Стюарт и Карла I.
В Тауэре же они посетили и Монетный двор, которым в то время руководил знаменитый Исаак Ньютон. Говорят, Петр встречался с Ньютоном и долго беседовал с ним. Но если это и не находит достаточного подтверждения, факт личного знакомства с Ньютоном Брюса не подлежит сомнению, и мы еще вернемся к вопросу их взаимоотношений.

Во время своей европейской поездки царь убедился, что союз против Турции в обозримом будущем невозможен. Европейские страны готовились к войне за владения испанской короны, самые обширные в мире. 18 апреля 1698 г. Петр и его спутники нанесли прощальный визит королю, а уже 25 апреля отплыли из Англии. Покидая Лондон, Петр увозил с собой начатки необходимых научных и дипломатических познаний, договоренности с крупными учеными и умелыми мастерами об их приезде в Россию.
Брюс оставался в Англии больше года. Здесь застало его прекрасное известие о рождении в Москве в феврале 1698 г. дочери Маргариты. Здесь же узнал он о том, что первенец его скончался, прожив не более месяца.
Он знакомился не только с научным миром, но и с законодательством, общественными порядками и государственным устройством. В сентябре 1698 г. он писал Петру: «Милостивый государь! Перед отъездом твоим государским был мне твой государский указ, чтоб мне пробыть в Лондоне только до первых чисел сентября месяца. И я зело желал, чтоб к тому времени докончить свое учение, да воистинно не мог, хотя по всяк день над тем прилежно сидел. И аще Бог изволит, чаю сего месяца сентября в последних числах докончить и ехать отсюда. А инструменты серебряные, такожде которые для своего употребления изволил сделать приказывал, привезу с собою». Но до отъезда было еще далеко. Это были бесценные для развития духа и интеллекта Якова Брюса месяцы, когда он всецело отдавал себя интеллектуальной деятельности.
Многие авторы, основываясь на том, сколь тепло принят был Яков Брюс в научных кругах Британии, делают (из чувства ложного патриотизма) вывод о том, что это свидетельствует о его признании как крупного ученого. Это не совсем так. Не следует забывать, что ученый мир Англии был в высшей степени неоднороден, да и сама наука была далека еще от привычного нам состояния. Ученое сообщество, хоть и именовалось Королевским, на деле во многом держалось лишь благодаря инициативе входивших в этот круг людей. Все они были детьми своей эпохи, в чем-то весьма передовыми, но в полной мере сохранившими воззрения и предрассудки своего времени. Так, любимцем Королевского общества был старший современник Брюса Джон Обри, человек образованный, но, в сущности, ученым не являвшийся. Его излюбленной для изучения темой были суеверия английской глубинки, ко многим из которых он относился вполне серьезно, впрочем, как и большинство его ученых собратьев. Известный современный английский писатель Джон Фаулз в своем эссе о Джоне Обри так оценивает его заслуги перед научным миром: «Несмотря на то, что он был далеко не столь учен, как большинство выдающихся представителей этой группы, он вполне соответствовал - возможно, даже более, чем кто-либо другой, - самой существенной из практических целей вновь созданного института: стать центром сбора, обсуждения и распространения знаний». Думается, в какой-то мере эти слова можно отнести и к той роли, которая уготована была в научном мире Якову Брюсу.

Он переступил уже рубеж 28 лет. Знаменитый британский оккультист и шпион XVI в. Джон Ди утверждал, что именно в этом возрасте человек делает окончательный выбор между движением по пути познания материальной стороны жизни и стремлением к духовному совершенствованию и изучению тайн мироздания. Можно только догадываться, какую стезю избрал бы для себя Яков Брюс, не чувствуя себя стесненным внешними обстоятельствами. Однако его жизненное поприще было предопределено еще до рождения: он должен был посвятить себя военной службе. К этому его обязывали не

только традиции семьи и пример отца. Ученый в истинном смысле этого слова еще не нужен был петровской России. Гораздо больше она нуждалась в офицерах и ремесленниках. И это, пожалуй, самое трагическое противоречие в биографии Брюса, противоречие между природными склонностями к наукам и реальными потребностями общества. Генерал Брюс был Петру нужнее ученого. В результате Брюс так и не стал в полной мере ни тем, ни другим.
Впрочем, мы немного забежали вперед. А пока Яков Брюс, покинув Англию, попадает в Россию как раз накануне великой войны со Швецией, получившей впоследствии название Северной.

IV. БЭКОН, ЛОКК, ЛЕЙБНИЦ?.. НЬЮТОН!

Был этот свет глубокой тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон.
Но сатана недолго ждал реванша -
Пришел Эйнштейн, и стало все как раньше.
С.Маршак

От большинства деятелей Петровской эпохи история не потрудилась сохранить достаточного числа документов, посредством которых могли бы обратиться они к пытливым умам потомков, поверяя им мысли, чувства и страсти свои, наделяя опытом и познаниями. Голоса минувшего, которые разбирает чуткое ухо исследователя в пожелтевших от времени бумагах - на самом деле не что иное, как слабое эхо, исказившее первоначальную ясность слов и дел, помыслов и поступков… Тем интереснее и завиднее участь «книжного червя», в окружении пыльных фолиантов предающегося беседам с тенями великих мужей; пытливость ума и безграничность фантазии Провидение вознаграждает счастливой возможностью явственно разобрать целые фразы и даже монологи доверительно ответствующих ему бессмертных собеседников…
Герою нашему не удалось избегнуть общего жребия своих сверстников и соратников. Наследие его большею частью заключается в документации хозяйственного и административного порядка, в писаниях к подчиненным офицерам и коллежским «чернильным душам», к высшим чинам империи и самому государю. Малочисленные и немногословные рукописи научного характера, с тщанием подобранная библиотека - вот все, что так или иначе позволяет нам судить о воззрениях Якова Брюса на мир окружающий и мир внутренний.
И все же, в который уж раз рискнем впасть в ученую ересь и попытаемся понять на основании косвенных свидетельств истинную природу его убеждений, проникнуть в корневую систему тех его суждений, которые современная наука с присущей ей легкостью разделила бы на истины и заблуждения. Для этого призовем Вас, читатель, последовать за нами в самую сердцевину бытия ученого мира семнадцатого века…

Для человека, поставившего в 1698 г. своей целью изучение наук, ничего лучшего, чем длительная поездка в Англию, и пожелать было нельзя. Мастерская мира была в течение XVII в. также и пристанищем лучших европейских умов, расширявших горизонты познания в сферах философии и естествознания.

Фрэнсис Бэкон, барон Веруламский, переживший век шестнадцатый на добрую четверть,

заложил для своих младших современников основы новой философии, философии опыта, философии изобретения, реальной философии, идущей к обобщениям и аксиомам от исследования явлений природы, а не подгоняющей их под воззрения ученого и устоявшиеся предрассудки. Он первым из ученых Нового времени наиболее определенно провозгласил необходимость знакомиться с вещами «не на словах, а в действительности, не так, как они являются в ходячих представлениях, а так, как они есть в природе», «устранить раскол между опытом и разумом».
Будучи по мировоззрению и обстоятельствам судьбы человеком сугубо прагматическим и в чем-то даже циничным, Бэкон не уделил в своей философии достаточного места явлениям духовной жизни, полагая ее лежащей всецело в области религии (сверхъестественное познается через откровение) и не являющейся предметом исследования науки. Рассматривая сквозь эту призму вопросы естествознания, Бэкон вводил понятие «натуральной магии», которое, по его мнению, означает умение пользоваться знанием законов природы, и, в подражание природе, воспроизводить ее явления. Бэкон утверждал: «Если магия соединится с наукой, то эта натуральная магия совершит дела, которые к прежним суеверным опытам будут относиться, как действительные подвиги Цезаря к вымышленным деяниям короля Артура, то есть как действительные события - к сказкам. Действительность со временем превзойдет наши ожидания и даже мечты».

В числе последователей Бэкона, перенявших и развивших его философию, первейшее место по праву принадлежало Джону Локку. Один из наиболее уважаемых ученых Англии, повидавший в своей жизни и немилость, и благосклонность сильных мира сего, прожил долгую жизнь и скончался в возрасте 73 лет в 1704 г.
Джон Локк творчески развил эмпирические взгляды Бэкона, поэтому потомки с полным на то основанием признали его отцом современной материалистической философии. У человека нет врожденных идей, источником его познания служит опыт - такова вкратце суть философской теории Локка. При этом знание наше не выходит за пределы опыта, поскольку мы имеем дело только с теми идеями, которые возникают в нас исключительно при помощи внутреннего и внешнего опыта.
Эмпиризм Локка подразумевал и отсутствие у человека врожденного понятия о Боге, отсутствие каких-либо общих законов нравственности, но сам философ был глубоко религиозным и нравственным человеком. Христианскую религию он признавал самым разумным учением о нравственности, примирение философии с религией стало главной задачей его жизни. Будучи оптимистом и в жизни, и в своих философских воззрениях, полагающим, что волей людской движет исключительно стремление к счастью, Локк, однако, полагал пределы познанию окружающего нас мира в строгом соответствии со своим пониманием вопросов религии. «Наша способность познавания соразмерна с нашими потребностями, - писал он. - Наш разум дает нам возможность составить себе необходимое понятие о добродетели и устроить земную жизнь так, чтобы она вела к лучшей жизни. Мы не в силах постигнуть сокровенных тайн природы; но того, что мы можем понять, совершенно достаточно, чтобы составить себе понятие о благости Творца и о наших собственных обязанностях… Нам нет надобности знать все, а только то, что непосредственно относится к жизни. Человек напрасно забирается в глубины, теряя почву под ногами; он не должен переступать круга, отделяющего светлое от темного, доступное нашему уму от недоступного.

Неразумно также сомневаться во всем, если многое в точности нам известно».

Знаменитый немецкий ученый Готфрид Лейбниц был младшим современником Локка и старшим - нашего героя. Ему довелось сыграть не только большую роль в истории науки, но и определенную - в истории России. Ученый с широким кругозором и обширными интересами, философ и математик, историк и правовед, он в течение жизни своей успел поработать не у одного государя, осыпал советами в письмах и при личных встречах Петра I (некоторые из них воплотились в жизнь), но служил в конечном счете только науке.
Философия Лейбница достаточно сложна и запутанна, в ней причудливо переплелись его знания математики и юриспруденции. «Я докажу, - говорил он, - что причиною всякого движения является дух, что конечною причиною всех вещей является всемирная гармония, т.е. божество, что эта гармония не есть причина грехов, но грехи все-таки неизбежны и принадлежат гармонии, подобно тому, как тени оттеняют картину, а диссонансы придают приятность тону». Его идею «предустановленной гармонии», его высказывание о том, что «все к лучшему в этом лучшем из миров» высмеял Вольтер в своем «Кандиде». Лейбниц создал монадологию, которая является первой попыткой построить теорию эволюции, т.е. постепенного развития. Мир состоит из монад (неделимых, самостоятельных и развивающихся единиц), божество - высшая монада, выступающая в роли творца по отношению к остальным.
Существенную часть своей жизни Готфрид Лейбниц посвятил безжалостной и непродуктивной полемике с Джоном Локком – по всему спектру философских проблем, с Исааком Ньютоном - из-за авторства метода дифференциального исчисления, с Самюэлем Кларком - из-за богословских разногласий. Несмотря на это, он занял прочное место в истории науки.
Биография Лейбница изобилует событиями, которые можно было бы назвать едва ли не авантюрными, во всяком случае, достойными пера романиста. Среди них, к примеру, вступление в тайное общество розенкрейцеров в Нюрнберге. Молодой ученый не слишком близко к сердцу принимал тайные науки, но желание разобраться в загадках посвященных было слишком велико. Посему Лейбниц не пожалел времени на изучение алхимических трактатов, составил, используя их, собственное сочинение, благодаря которому и был принят в общество. С младых лет отличавшийся основательностью во всем, что бы ни делал, Лейбниц настолько добросовестно вжился в образ истинного розенкрейцера, что не только с готовностью был принят в ряды общества и допущен к производству алхимических опытов в лаборатории, но и за определенную плату поручено ему было вести протоколы заседаний общества. Лейбниц уверял в дальнейшем, что в короткое время постиг всю премудрость розенкрейцеров, впрочем, не слишком много уделяя внимания разъяснению этого темного предмета в своих сочинениях.
Вспоминая позднее о времени своих активных занятий алхимией, философ писал: «Я не раскаиваюсь в этом. Впоследствии я, не столько по собственному влечению, сколько по желанию монархов, не раз предпринимал алхимические опыты. Моя любознательность не уменьшилась, но я сдерживал ее в пределах благоразумия. А сколь многие споткнулись на этом пути и сели на мель как раз в то время, когда воображали, что плывут при попутном ветре!»
Лейбниц имел все основания с таким скептицизмом отозваться о неистовых поклонниках алхимии, поскольку ему доводилось сталкиваться с результатами их трудов, которые

совершенно не совпадали с изначально поставленными задачами. Одна из таких ситуаций даже вошла в историю.
По приказанию ганноверского герцога Лейбниц не только сам предпринял ряд алхимических опытов, но и должен был, сведя знакомство с гамбургским алхимиком Брандтом, организовать повторение его опытов. Брандт вошел в историю, но не как изобретатель «философского камня», а как человек, открывший фосфор, добытый им из мочи! Герцог поручил Лейбницу проверить результаты опытов Брандта, для чего огромное количество мочи было собрано во время лагерных сборов. Брандт, так и не раздобывший философского камня, утешился пожизненной пенсией, а Лейбниц получил еще один повод укрепиться в своем отрицательном мнении об алхимии. В дальнейшем он положил немало сил на борьбу с алхимиком Бехером, стремившимся хорошо устроиться при дворе.

Перед взором читателя в самом сжатом виде предстали портреты нескольких величайших ученых мужей XVII - начала XVIII вв. Не подлежит сомнению, что Якову Брюсу были знакомы работы каждого из них, чему свидетельство - опись его библиотеки. С Лейбницем Брюс был знаком лично, в более поздние годы он по поручению Петра вступил с ним в переписку о делах науки и государственного устройства. И тем не менее ни один из них не стал духовным отцом Якова Вилимовича. И дело здесь не только в том, что Бэкон к тому времени был уже мертв, а Локк безвыездно проживал в поместье Мешемов и практически никого из визитеров не принимал, так что у путешественника из России, буде он решился бы на поездку из Лондона в Эссекс, шансы встретиться со знаменитым философом были ничтожны. И не в том даже, что главной задачей, поставленной перед Брюсом, было изучение естественных наук, в первую очередь математики, поскольку и философия, и теология все равно заняли позднее достойное место в кругу его жизненных интересов. Всему этому он мог бы стать обязанным и Лейбницу, в равной мере хорошо осведомленному во всех научных дисциплинах, которым стремился обучиться Брюс. Его английские наставники и друзья, вне всякого сомнения, должны были настроить Якова против Лейбница, поскольку он оспаривал уже в то время свой приоритет в области открытия дифференциального исчисления.
Но даже и это не было главной причиной того, что в конечном итоге Брюс навсегда связал свое имя с научными кругами, освященными гением Исаака Ньютона. Мало того, его в каком-то смысле можно назвать учеником Ньютона. Так, по крайней мере, поступил канадец Валентин Босс, который охарактеризовал Брюса как "первого русского последователя Ньютона" (the first Russian newtonian). Сам Брюс позднее написал работу под названием "Теория планетных движений" и отослал рукопись Ньютону. Теперь она хранится в Библиотеке Британского музея. В переписке Ньютона, Флемстеда, Коулсона и Галлея он фигурирует как "наш Полковник". Познакомившись с Флемстедом (практически вся их переписка утеряна), Брюс через него свел знакомство и с Ньютоном. Его даже угораздило оказаться в самом центре научного (переросшего в личный) конфликта между Флемстедом, с одной стороны, и Ньютоном и Галлеем - с другой.

Исаак Ньютон (1643-1727) известен прежде всего как физик и автор трех законов механистической физики. Не случайно четверостишие Маршака вынесено нами в начало главки в качестве эпиграфа.
Став директором Монетного двора, Ньютон впервые за долгие годы начал жить в

достатке. Груз благосостояния и пережитый за несколько лет до того удар (в 1693 г. у него случилось кратковременное заболевание мозга, дававшее знать о себе временными ослаблениями умственных способностей и памяти) привели к тому, что Ньютон в тот момент уделял мало внимания науке. Его главные работы остались в прошлом, но он продолжал заниматься написанием трактатов по богословию. Выйдя из Кембриджа законченным консерватором и верным сыном церкви, он с каждым годом все более углублялся в дебри "мистических мечтаний". В области богословия лежал еще один из камней преткновения между Ньютоном и Лейбницем: последний резко обрушился на Ньютона, высказавшегося в поддержку точки зрения, отрицавшей церковный догмат о Святой Троице. Это дало повод Лейбницу обвинить английского ученого чуть ли не в атеизме и безнравственности.

Верный принципам механистической физики, Ньютон пытался перенести их и в остальные сферы познания. Он полагал, что «было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы». Отрицая теорию «предустановленной гармонии», которая делает излишним вмешательство божества в дальнейший ход вещей, он и сторонники его школы сравнивали божество с часовщиком, периодически чистящим и чинящим созданный им механизм. Его современник Карл Вольф, один из научных консультантов Петра I, выражался еще более резко: «Мир есть машина».

Увы, если бы это было так... Ньютон, похоже, и сам понимал недостаточность данного им объяснения законов природы. К тому же он ощущал глубокое противоречие между своими научными воззрениями и религиозными убеждениями. В механизированном мире не находилось объяснения ни электричеству, ни магнетизму, а самое главное - эмпирическая система естествознания искажала картину Бытия, в которой не оставалось места самому человеку и его внутреннему космосу. Неудивительно, что в поисках объяснений, которые могли бы спасти целостность картины мира, сам Ньютон и его школа (Флемстед, Коулсон и др.) обратились к мистическим рецептам. Вот почему не приходится удивляться, что он стал известен еще и как активный поборник изучения так называемых герметических (тайных) наук (астрологии и алхимии) и философии герметизма. Ньютона относят обычно к последователям теории "натуральной магии", созданной в эпоху Возрождения итальянскими философами на основе 14 переведенных на латынь древнеэллинских трактатов "Герметического корпуса". И Коперник, и Ф.Бэкон, и Кеплер – в той или иной степени предшественники И.Ньютона в его поклонении тайным наукам, в числе которых он первое место отдавал астрологии. В поисках сокровенного знания, известного некогда Адаму, но утерянного его потомками, он провел более тридцати лет. Его астрологическая библиотека насчитывала порядка 200 фолиантов. Результаты опытов он изложил в серии работ по астрологии.

Любопытно, что во время пребывания Я.Брюса в Лондоне Ньютон еще не пользовался широким признанием в Европе, но уже стяжал себе известность на родине в небольшом кругу профессиональных ученых. Не доказывает ли нам серьезное знакомство и общение Брюса с Ньютоном не только хорошую осведомленность русских об истинном положении дел в европейской науке, но и хороший вкус в выборе научных собеседников и наставников?

Исследователи многовековой истории ордена храмовников (тамплиеров) и разветвленной сети общин, ставших его преемницами и наследницами, называют в их числе Орден Святого Андрея и Шотландского Чертополоха, основанный королем Робертом I Брюсом

(помните крест Святого Андрея в гербе рода Клакмэннанов?). Утверждают, что Роберт, в отличие от французских королей, оказал покровительство тамплиерам и дал им возможность под новым именем продолжать деятельность в Шотландии. Благодаря тому, что позднее это ответвление тамплиерской "империи" смешалось с масонством (в конце XIX века, по сообщению словаря Брокгауза и Ефрона, в одной только Шотландии насчитывалось около шестисот масонских лож!), преемственность храмовнической традиции существует и поныне.
"Во имя Господа и Богородицы, во имя святого Петра Римского и нашего апостольского отца, во имя всех братьев тамплиеров приобщаем вас и ваших отца и мать и всех ваших домочадцев к благам нашего Дома, которые существуют от начала и пребудут до конца", - говорили вновь посвященному. Таким образом, можно сказать, что Яков Брюс уже от рождения должен был быть осенен благодатью ордена храмовников, и ему самой судьбой была предоставлена возможность стать тамплиером или масоном. Ряд исследователей и утверждает, что в Лондоне Брюс, а также Петр I приобщились к загадочному миру тайных обществ. А сделать это им помог Исаак Ньютон.
Ньютон (выводивший свое родословие из Шотландии), как утверждают современные исследователи М.Байджент, Р.Лей и Г.Линкольн в своей книге "Священная загадка", в то время возглавлял Сионскую общину. Согласно легенде, эта родственная храмовникам организация имела корни, по-видимому, даже более древние, нежели сам орден Храма (по сути дела, орден тамплиеров был ее дочерней организацией). Впрочем, более вероятно, что история ее возникновения сродни появлению розенкрейцеров – тайного общества Нового времени, накинувшего себе для солидности несколько сотен лет, но тем не менее вполне реального, оказавшего немалое влияние на жизнь европейских интеллектуалов XVII-XVIII веков. В числе активных членов Сионской общины ньютоновского периода называют и еще одного приятеля Брюса Флемстеда. Ньютон и его друг Кристофер Рэн (математик, астроном и архитектор собора Святого Павла в Лондоне) якобы помогли Петру и Брюсу вступить в некое масонское общество. Сам же Ньютон активно общался с виднейшими оккультистами своего времени и посещал полумасонский "Gentleman's club of spalding", среди членов которого фигурирует, к примеру, известный поэт Александр Поуп. Остаток своей жизни Ньютон провел в алхимических опытах среди розенкрейцеровских манифестов, все более отдаляясь от официальной церкви. Незадолго до смерти Ньютон сжег свои многочисленные бумаги и скончался, не приняв последнего причастия.
Так ли все это было на самом деле, сказать трудно. Тайные общества умеют хранить свои секреты, и человечество за сотни лет так и не приблизилось к их разгадке. Ясно одно: Исаак Ньютон оказал огромное влияние на развитие внутреннего мира Якова Брюса и даже на его судьбу. Он помог ему приобрести существенные научные познания и до конца жизни Якова Вилимовича являлся главным его ориентиром в научном мире, и он же вместе со своими последователями заронил в его мировоззрение семена герметической мистики. Мы еще не раз столкнемся по ходу нашего повествования с событиями и явлениями, корни которых нужно будет искать в этих английских месяцах жизни Брюса.

V. КОЛДУН НА СУХАРЕВОЙ БАШНЕ

Когда ему исполнилось шестнадцать лет, забрали его, так же, как и других шляхетных детей, в "школу математических и навигацких, то есть мореходных хитростных искусств". Школа помещалась в Сухаревой башне, где занимался астрономическими наблюдениями

генерал Яков Брюс, которого считали колдуном и чернокнижником: кривая баба, торговавшая на Второй Мещанской мочеными яблоками, видела, как однажды зимнею ночью Брюс полетел со своей вышки прямо к месяцу верхом на подзорной трубе. Пахомыч ни за что не отдал бы дитя в такое проклятое место, если бы ребят не забирали силою.
Д.Мережковский
Ужасная значительность ночной Москвы потрясла его. Каждый встречный казался ему мертвецом, пробирающимся с Ваганькова в услужение к Якову Брюсу, ему казалось даже, что вместо глаз видит он провалы черепа и слышит под плащом лязг костей.
А.Чаянов

Одним из итогов работы Брюса и Петра по организации научной жизни в России стало открытие в 1701 г. в Сухаревой башне в Москве "школы математических и навигацких наук". Приглашенный молодой английский ученый, из шотландцев, профессор Абердинского университета Эндрю, он же Андрей Данилович, Фарварсон (Фаркварсон) и его помощники Ричард Грайс и Стивен Гвин преподавали здесь для "добровольно хотящих, паче же с принуждением набираемых" молодых людей "математические и навигацкие, то есть мореходные, хитростные искусства".
Надзирал над учащимися первый русский математик Леонтий Магницкий. Строгий и дотошный наставник сухаревских школяров снабжал их для начала переводными учебниками по географии, воинскому и морскому делу, “Арифметикой” собственного сочинения, кипой карт, еще пахнущих типографией, таблицами логарифмов и косинусов. После этого начиналось собственно обучение.
Вновь набранные школяры в большинстве своем ни читать, ни писать толком не умели, да и вообще были публикой весьма разношерстной. Среди десятилетних мальчишек в классах попадались здоровенные юнцы с лицами, поросшими густым волосом. Жили сухаревцы на квартирах в ближних улицах, у кого на какое жилье денег хватало. Некоторым, из особо нищих семей и сиротам разрешено было жить при школе.
На присылку денег из дома рассчитывать приходилось далеко не каждому. Официально считалось, что ученики Навигацкой школы должны получать казенное вспомоществование. На деле сей денежный ручеек был скуден, как капель Бахчисарайского фонтана. Стайки голодающих учеников Сухаревки регулярно попадались на кражах съестного из торговых рядов, и пресечь этого были не в состоянии никакие розги. Кому не хватало смелости на разбой, просили милостыню. Не выдерживая постоянной голодухи, полностью издержав траченую одежонку, школяры периодически разбегались по городам и весям. Особенно массовый характер это явление приобрело поздней осенью 1710 года. К началу же следующего года, когда от зимней бескормицы до невозможности подвело животы, их и вовсе осталось в школе десяток-другой из трехсот по списочному составу: не то, чтобы самых стойких, сколько самых бесприютных, коим и бежать-то было некуда. Беглецов ловили, штрафовали, секли нещадно, но в итоге раз за разом недосчитывались.

Народная молва приписывала Брюсу владение домом на Мясницкой улице, на месте, которое теперь занимает одно из многочисленных строений дома № 13. Якобы там он делал снадобья из лягушачьих мозгов, а в полночь, вылетев из окна, парил над Мясницкой. Однако Мясницкая часть первой половины XVIII в. - дощатые тротуары и

непролазное месиво проезжей части – едва ли подходила для житья генерал-фельдцейхмейстера. Но в 1735 г. сюда, в дом, конфискованный у одного из попавших под каток истории Долгоруковых, свозили перед отправкой в Санкт-Петербург «Брюсовы пожитки»: книги и коллекции, отчего, видимо, и родилась легенда.
Считается также, что первым известным московским адресом Якова Брюса был дом в Немецкой слободе. В преданиях он сохранился как "дом на Разгуляе" (Спартаковская улица, 1/2). Впрочем, этот адрес достаточно условен, хотя дом в свое время действительно находился где-то поблизости. Но легендарная биография Брюса по большей части связана совсем с другим зданием.
И этот дом сохранился. На проспекте Мира, 12 (прежде 1-я Мещанская, 14), где в конце 90-х годов XX в. расположился японский супермаркет "Джапро". А почти 300 лет назад здесь обосновался Яков Брюс, когда для иностранцев и иноверцев стало возможным приобретать жилье за пределами Немецкой слободы. В этой части города, вплотную примыкавшей к центру, были построены дома наиболее значительных людей петровского времени. В память о хорошо укрепленной стене так называемого Белого города и теперь еще мы называем свою столицу «белокаменной».
В доме Якова Вилимовича во время его постоянных отлучек в очередные походы хозяйничала супруга генерала, большую часть времени проводили ее сестры. Тут появилась на свет в январе 1708 г. Наталья, одна из двух его дочерей, которым судьба уготовила несправедливо короткое земное существование. Тут около полугода в 1713-1714 гг. провел его германский кузен Питер Генри, которого Марфа Андреевна, потерявшая детей, приняла как родного сына. Этот дом вообще славился своим хлебосольством. Тут бывали виднейшие петровские сановники, приезжал и сам Петр, захаживал его несчастливый сын Алексей.
Этот достаточно большое двухэтажное здание заметно выдается из всего ряда соседних зданий характерными для архитектуры петровского времени чертами, его интересно сравнить, к примеру, с кремлевским Арсеналом: подчеркнуто изысканная простота оформления, строгость линий, неуловимый налет изящества, не позволяющий назвать эту архитектуру казарменной. Дом с прилегающими к нему конюшней и каретным сараем образуют двор, который одной стороной выходит на нынешний проспект Мира. Яков Вилимович был заядлым лошадником и держал отборных скакунов как в своем московском доме, так впоследствии и в подмосковном имении.
К дому Брюса прилегает территория института Склифософского. По соседству во дворе кучкуются девицы легкого поведения, которые маленькими группками выходят на заработки к подъезжающим машинам. У Брюсов в Москве вообще довольно любопытная посмертная взаимосвязь со жрицами платной любви, поскольку и на Тверской, в аккурат рядом с мэрией, в Брюсовом переулке, названном так в честь проживавшего там семейства Романа Вилимовича, находится исконное место труда и отдыха «ночных бабочек». Чем так привлекают их места, над которыми витают духи московских горцев - бог весть… Знать, не обошлось дело без призрака супруги внука Романа Вилимовича. Оная графиня Брюс - знаменитая приближенная Екатерины Великой и вельможная московская куртизанка - лично проверяла мужеские таланты каждого претендента на ночку в августейшей спаленке...
Но вернемся на проспект Мира. В следующем после Брюсова доме расположен народный музей района "Мещанское". Добровольные работники музея собирают драгоценные реликвии времен. Район знаменит не только тем, что здесь жил Брюс. Но сотрудники с

удовольствием показывают и курительные трубки петровского времени, найденные неподалеку на месте, где предположительно находилась первая в Москве гражданская типография, руководимая Брюсом, и корабельные пушки начала XVIII века, и картины, изображающие призрачную достопримечательность района - Сухареву башню.

Этот прекрасный памятник московского (нарышкинского) барокко построен в конце XVII века. После окончания ее строительства в 1701 г. здесь, как мы уже говорили, открылась Навигацкая школа. Потом башня служила самым разным надобностям, была водонапорной. В 1934 г. ее не стало. Она была разобрана «по кирпичику», значительная же часть составлявших ее строительных блоков до сих пор находится в Донском монастыре. На прежнем месте от башни остался под землей только фундамент...

Старый народ, как младенец, любит чудесные сказки!
Тут, говорят старики, жил колдун-чернокнижник; доныне
Целы все черные книги его; но закладены в стену.
Добрые люди, не верьте! - Тут прадеды ваши учились,
Как по морскому пути громоносные править громады.

Так писал поэт Дмитриев в 1845 году. Но вера в чудо сильна. Она проходит сквозь годы и века и остается в легендах.

В дореволюционной лубочной литературе имя Брюса не раз оказывалось на обложках сонников и гадательных книг в качестве удачного рекламного трюка. Одного упоминания о том, что книга составлена якобы по его сочинениям, было достаточно, чтобы публика расхватывала очередной «Полный и лучший сонник» или «Новейший фокусник и чародей».

В разное время известные русские писатели обращались к противоречивой фигуре Якова Брюса, пытаясь понять, что в ней правда, а что вымысел. Среди них Мережковский, Чаянов, Полевой (не автор "Повести о настоящем человеке", а современник Пушкина) и многие другие. Несколько лет назад поэма современного автора Амелина, в основу сюжета которой были положены наиболее известные легенды о Брюсе, удостоилась литературной премии Аполлона Григорьева. Похоже, понемногу интерес публики к московским былям и небылицам начинает возрастать.

Мы не случайно назвали эту главу "Колдун на Сухаревой башне" - так предполагал озаглавить свой неоконченный роман Лажечников. Он основывался на данных о том, что в 1702 г. Яков Вилимович оборудовал на Сухаревой башне обсерваторию, в которой проводил ночи напролет во время своих визитов в Москву. Видимо, тогда Брюс впервые и подал москвичам повод заподозрить себя в сношениях с нечистой силой. Хотя, строго говоря, и к Навигацкой школе и к обсерватории Брюс имел отношение скорее опосредованное, хотя и принял деятельное участие в ее основании и даже числился ее куратором. Обсерватория же, хотя и была устроена с учетом интересов первого в России астронома, все же предназначалась, в первую очередь, для нужд учащихся.

Прежде чем обрушить на читателя бессчетное количество преданий о нашем герое, хотелось бы отметить, что они легко поддаются классификации и по своим форме и содержанию могут быть отнесены к нескольким различным категориям:

1) истории, в которых на действующего персонажа перенесены черты старинной магической традиции и ему приписываются волшебные функции, существующие единовременно в фольклоре самых разных народов Европы и Азии (живая и мертвая вода

Брюса, управление им погодою, связь генерала с дьяволом и т.д.);
2) легенды, в которых использованы классические мистические сюжеты, но удалены главные действующие лица - в таком случае каждая история имеет свой иностранный прототип с соответствующим национальным героем (неудачное воскрешение Вергилия, его дружба и противостояние с императором; говорящие головы, сконструированные средневековыми учеными-оккультистами Альбертом Великим и Роджером Бэконом);
3) предания, имеющие определенную национальную специфику, связанную с верованиями и суевериями славян - в таком случае Брюс вытесняет из легенды некогда бытовавшего в ней персонажа и присваивает себе его биографические черты и сюжетные функции (истории о Брюсе-живом мертвеце);
4) сказания, связанные с реальной судьбой Брюса, историей его взаимоотношений с людьми своей эпохи, связанные с его реальной деятельностью (Брюс в Сухаревой башне отражает артиллерийскую атаку, Брюс приручает дракона и превращает его в статую, Брюс летает вкруг Сухаревой башни на подзорной трубе и т.д.);
5) сказания, имеющие в основании масонскую традицию (рассказы о Нептуновом обществе и роли в нем Брюса);
6) легенды, связанные со знакомством Брюса с тайнами герметической философско-религиозной литературы, с тайными искусствами алхимии и астрологии (Брюсовы «Черная книга» и «Соломонова печать»).
И, наконец, мы считаем необходимым упомянуть отдельно, как минимум, одну известную нам легенду, важной особенностью которой является то, что она носит откровенно антибрюсовский характер и авторство ее приписывается священникам (см. ниже рассказ из записок князя Долгорукова).
Практически все известные нам легенды о Якове Брюсе либо располагаются в этих перечисленных нами ячейках, либо те или иные мотивы в рассказе комбинируются.
Важной особенностью преданий о московском шотландце является то, что честь их сотворения могут с равными основаниями приписывать себе представители всех социальных групп общества: многие предания несут на себе четко выраженный городской оттенок (как правило, московский или питерский); авторы других явно жили в провинциальной крестьянской среде. Многие рассказы, безусловно, подверглись литературной обработке, а некоторые из них родились в образованных кругах общества, столь же охотно предающихся мистическим мечтаниям, что и простонародье, только с претензией на большую глубину и осведомленность в делах чернокнижия. Таким образом, наш Яков Вилимович по праву может быть признан действительно народным героем XVIII - первой четверти XX вв.
Следуй же за нами, читатель, в упоительный мир сказаний о Якове Брюсе. Пусть он станет и твоим героем.

Мы много говорили о московских, сухаревских корнях самых первых преданий. Тем не менее, первая опубликованная еще в начале XIX века легенда о Брюсе не имела к башне никакого отношения и родилась на Украине, хотя была известна и в Великороссии (к примеру, в Калужской губернии). Это неудивительно, если вспомнить, сколько времени Брюс провел в тех краях во время Северной войны, и с учетом исторически сложившейся специфики в мифотворчестве южных и восточных славян. Согласно легенде, едва взглянув, он сразу мог сказать, сколько горошин на столе, знал, сколько звезд на небе, сколько раз колесо повернется, пока повозка до Киева доедет, "все травы этакие тайные, и

камни чудные, составы разные из них делал, воду даже живую произвел". Вот каков был Брюс, "министер, арихметик при царе-государе Петре".
Сухареву башню, по одному из преданий, сам Брюс и построил для своих нужд, чтобы скрывать здесь «черную книгу» и творить волшебство. Помимо «черной книги» в башне хранилась и некая "Соломонова печать" - перстень с магическими функциями. Согласно одному из существующих преданий, планировка Москвы после очередного сильнейшего пожара также была осуществлена по проекту Якова Брюса: традиционное радиально-кольцевое течение городских улиц имело теперь вид 12 зодиакальных лучей, разбегающихся от Кремля. Интересно, что великий пожар Москвы, повлекший за собой многочисленные разрушения и гибель многих людей, действительно имел место в 1713 г., так что определенную историческую основу эта легенда имеет. Некоторые исследователи идут еще дальше, утверждая, что при планировании новой застройки Москвы Брюс обращал внимание на наличие геопатогенных зон на ее территории и на составленном им плане застройки были выделены районы, не подлежащие заселению. В советское время творцы легенд, развивая эту историю, говорили, что и линии метро в Москве прокладывались по указанию Сталина согласно все тому же «генеральному плану» Брюса, а Сухарева башня была разобрана в поисках Брюсовых черных книг. Не будучи в курсе относительно интереса Сталина к Якову Брюсу, тем не менее его наличия опровергать не станем. Увлечение оккультизмом в Третьем рейхе давно уже стало общим местом, но и о сталинском интересе к мистике в последние годы говориться все больше. Окутанная тайнами деятельность Вольфа Мессинга, внезапное присоединение славной своими шаманскими и буддийскими традициями Тувы к СССР накануне войны… На этом фоне внимание к Якову Брюсу было бы вполне естественно.
Современник Пушкина Николай Полевой, вспоминая из уст в уста передававшиеся десятилетиями легенды, писал, что москвичи «говорили, что он оживил какую-то статую, изобрел эликсир бессмертия... Сухарева башня долго слыла в народе местом колдовства и чернокнижия".
Суеверные и невежественные священники, которых в то время, к сожалению, было предостаточно, уверяли, по воспоминанию князя П.В.Долгорукова, что "к фельдмаршалу Брюсу каждую ночь приходил черт, ужинал с ним и что Брюс не может говорить с монахом праведной жизни без того, чтобы у него изо рта не выходило синее пламя" (см. Записки князя П.В.Долгорукова). В других легендах повествовалось о его полетах вокруг Сухаревой башни на подзорной трубе или специально сконструированном им механическом орле. Практически все сказания о Якове Брюсе связаны именно с башней. Здесь у него была служанка из живых цветов. Говорили также, что владел он живой и мертвой водой, мог мертвого сделать живым и юным.

Любопытно, что легендарная биография Якова Вилимовича во многом сходна с посмертной судьбой античного поэта Вергилия. С течением времени в средневековой Европе он сделался одним из излюбленных литературных персонажей, так что в конце концов из поэта превратился в легендах в некроманта и чародея. Ему приписывалось основание Капуи и изобретение множества диковинных вещей, служивших во благо ее жителям; владение черной книгой и обладание могущественной властью над демонами. И Вергилий, и Брюс – оба развлекаются «отводом глаз». Окончившаяся провалом попытка воскрешения омоложенного Вергилия, предварительно разрубленного на куски и засоленного в бочке – почти точная копия неудачи, постигшей Брюса и его ученика.

Центральной темой историй о Вергилии является его дружба-вражда с неким римским императором – точь-в-точь как у Брюса с Петром Великим. Логичным результатом противостояния властителя и чародея становится осада замка Вергилия войсками императора – что очень напоминает историю о штурме Сухаревой башни генералом, поссорившимся с Брюсом. Однако природа их магических способностей различна: Вергилий владеет тайными искусствами, знается с нечистой силой и, как другие герои европейских легенд, вступает в противоборство с другими чародеями; Яков Брюс, напротив, и в легендах остается ученым, который творит чудеса благодаря своим всеохватным познаниям.

Самую замечательную легенду о Брюсе и Сухаревой башне записал писатель-фольклорист Е.З.Баранов в 1924 году. Подробное ее изложение заняло бы слишком много места (записанная со слов московского старика-печатника, под пером опытного литературного мастера она превратилась в подобие лесковского "Левши"), вкратце же дело выглядело следующим образом.

Пропал Брюс неизвестно куда со всеми своими подзорными трубами, улетел, наверное, на своем воздушном корабле, который для сего случая в башне припрятал. Петр I трое суток рассматривал его книги и порошки, а потом приказал порошки уничтожить, книги замуровать в стену и приставить к башне часового. Так и прошло время до воцарения Александра III - императоры сменялись, а часовой стоял. Вот и решил Александр узнать, в чем дело, да только никто ответить ему не мог. Взломали двери, стены - и нашли замурованные книги, а прочесть их никто не может. Царь смотрел - ничего не понял, генералы - ни в зуб ногой, профессора разбирают - ничего понять не могут!

Только один старичок-профессор и сказал царю, что это Брюсовы книги, и объяснил, откуда они взялись и почему в башне замурованы. Начал он их читать - понять никто ничего не может: написаны на тарабарском языке. Принялся старик разъяснять, что написано, а царь ему и говорит: "Ладно, теперь я понял, в чем тут дело, - это тайные науки. Только ты не читай их здесь, а поедем со мной, там мне одному почитаешь".

Взял Александр III старичка и книги с собой в коляску - и где теперь эти книги, где старичок - никто не знает...

Главной достопримечательностью Сухаревой башни, по мнению москвичей, была одна единственная, знаменитая "Черная книга", ужасная и интересная тем, что написал ее сам Князь Тьмы. По рассказу Баранова, "написал ее Змий, от Змия перешла она к Каину, от Каина к Хаму, тот ее на время потопа хитро спрятал в тайнике, а как кончился потоп - вынул. Потом перешла книга к сыну Хамову Ханаону, была она и при столпотворении Вавилонском, и в проклятом городе Содоме, и у царя Навуходоносора, нигде не сгибла и везде зло сеяла. Потом один чернокнижник у арабов добыл ее, и пошла она по белу свету, пока не попала в Россию...

Тут добыл ее наш колдун Яков Брюс и положил ее в башню. А чего в той книге писано - неведомо. Писана она на тарабарском языке волшебными знаками. Тот, кто ее прочтет, получает наивысшую власть над миром, все бесы ему повинуются, все желания его исполняются, кого хочет заклясть может. Многие о той книге помышляли, да не достать ее. Замурована книга в стенах Сухаревой башни, заклята семью бесовскими печатями под страшным проклятием на 9000 лет".

По свидетельству, приведенному П.И.Богатыревым в его «Московской старине»,

московские жители полагали, что посредством книги Брюс мог «узнать, что находится на любом месте в земле, мог сказать, у кого что где спрятано… Книгу эту достать нельзя: она никому в руки не дается и находится в таинственной комнате, куда никто не решается войти».
Сказывали, что даже под страхом смертной казни не отдал Брюс книгу Петру Великому, сославшись на страшное предупреждение, "чтобы не смел раскрывать ее тот, кто ни силой, ни разумом понять написанное там не сможет, иначе навлечет он на себя самого, семью свою и народ свой ужаснейшую из кар господних, ибо выступит он на стороне Дьявола и врагом человеческим станет".
Ничего удивительного, что, как только башню разобрали, досужие умники сразу смекнули - ищут большевики Черную книгу, жаждут мирового господства. Но, видно, не нашли...
С книгами Брюса связана еще одна история, записанная Барановым. Дескать, жил на Арбате в XIX веке князь Хилков, заплативший за Брюсову книгу безумные деньги - 1000-1500 рублей! Князь вознамерился с ее помощью вторым Брюсом стать. Лакей князя книгу украл, но ничего в ней не понял, а сам князь, не найдя книгу, с горя повесился.

Хотелось бы обратить внимание читателя на тот немаловажный факт, что в историях о Якове Брюсе напрочь отсутствует момент заключения договора с дьяволом, так же, впрочем, как и в преданиях о знаменитом средневековом ученом Роджере Бэконе (о нем мы еще вспомним не раз). Это резко отделяет их обоих от таких персонажей, как, к примеру, доктор Фауст, и может служить знаком, что в демонологической иерархии Брюс стоит заведомо выше Фауста.
Классическая европейская демонология эпохи Возрождения проводила четкую грань между магией и колдовством. Последнее - удел тех, кто, используя тайные искусства (как правило, во зло), прибегает за помощью к слугам дьявола и, запродав по договору душу, полностью попадает в кабалу нечистой силы. Магия же (иначе волхвование или некромантия) - оккультная деятельность высшего порядка, большей частью не используемая для причинения вреда другим людям, которую адепт осуществляет с помощью заклинаний, ритуалов, амулетов, «черных книг» и т.д., не заключая договора с дьяволом, а выступая по отношению к нему как равный, а иногда даже превосходящий его по силе партнер, который может заставить дьявола работать на себя, не имея перед ним никаких обязательств. Если занятия колдунов и ведьм безоговорочно осуждались обществом, то в отношении магии не существовало единого мнения. Полагали, что душа колдуна в силу наличия сатанинского договора обречена на муки ада. Некромант же, по мнению одних, должен был подвергнуться равновеликой участи в силу своего греховного отпадения от веры; другие же полагали, что в самих занятиях определенными видами магии нет абсолютно ничего противного церковным установлениям. Эти споры, о которых мы еще упомянем в одной из последующих глав, продолжались не одну сотню лет.
Поскольку мотивы многих легенд о Брюсе перенесены на русскую почву из Западной Европы, легко предположить, что вместе с ними пришло понимание об иерархической лестнице, отделяющей сословия ведьм, колдунов и магов друг от друга. Такой персонаж в силу своей масштабности просто не мог быть приравнен к какому-нибудь сельскому знахарю. Однако русская демонология гораздо беднее с терминологической точки зрения и придает многим словам далеко не тот же смысл, что западноевропейская. Поэтому нас не должно смущать то, что с точки зрения своего социального статуса Брюс из легенды

является магом, но, несмотря на это, русская традиция окрестила его колдуном.

Другие легенды о Брюсе и Сухаревой башне рассказывают о "вечных часах", о производстве снега и грома в ясные летние дни, о превращении в песок пороха в пушках, которыми некий генерал хотел разгромить Брюса в башне, о помощи Брюса всевозможным ворам, которые с помощью колдовства скрывались от полиции в башне (в их числе называют знаменитых Ваньку Водяного и Ваньку Каина).
Любопытен еще один вариант легенды о живой и мертвой воде, слышанный в детстве (на рубеже XVIII и XIX веков) исследователем П.П.Пекарским, жившим на достаточном удалении от Москвы: "Брюс, умирая, вручил Петру склянку с живой и мертвой водой..., с тем, что если он пожелает видеть его ожившим, то велел бы вспрыснуть его труп этою водою. Прошло потом несколько лет, и Петр, вспомнив о завещанной Брюсом склянке, велел разрыть могилу его; к ужасу присутствовавших оказалось, что покойник лежал в могиле, как живой, и у него даже отросли длинные волосы на голове и бороде и ногти на руках. Царь был так поражен этим, что велел скорее зарыть могилу, а склянку разбил".
Интересно, что первые предания о Брюсе начинают, по всей видимости, складываться еще при его жизни, которая сама ежечасно подавала к ним повод. В легендах Брюс предстает как некая трехмерная фигура. Он не только реальный человек, не только герой сказаний о себе самом. Он еще и магнит, притягивающий к себе все старые предания, в которых сам становится главным действующим лицом, вытесняющим прежних персонажей. Так, легенды о попытках чудесного оживления Брюса напоминают средневековые европейские рассказы об алхимике Вергилии (прообразом его был знаменитый римский поэт), который в разрубленном состоянии покоился в бочке в ожидании воскрешения, прошедшего столь же неудачно, как впоследствии и Брюсово, а сюжет с учеником колдуна вообще является одним из основополагающих в истории магии.
Но мало того, что в историях о Брюсе перед нами проходят все образцы классических средневековых народных преданий, увязанные в данном случае с конкретной исторической фигурой. В приведенном выше сказании мы сталкиваемся с любопытной вариацией на темы народных воззрений. Тут сплелись воедино характерные для славянской традиции фантазии на тему вампиризма (Брюс предстает перед нами в образе «живого мертвеца» или «нежитя»), отчасти роднящие образы Брюса и Дракулы, и шаржированные представления о «святых мощах». Здесь же можно различить отголоски пришедшего с Запада нового знания, в данном случае о бальзамировании тел и мумификации по рецептам, восходящим к Древнему Египту. Как можно видеть на примере хотя бы одной легенды, тесто, из которого слеплены сказания о Брюсе, действительно круто замешано.

Скептики давно уже чохом объяснили все легенды. Живая и мертвая вода, дескать, связана исключительно с опытами по бальзамированию покойников, проводившимися в присутствии вельмож в московском анатомическом театре Николаем Бидлоо; снег и гром не что иное, как северное сияние (в Москве!?). Вечные часы действительно имели свой прототип в часах Сухаревой башни. Воздушный корабль на поверку оказался санным экипажем в виде небольшого морского судна, на котором в январе 1722 г. Брюс разъезжал по Москве в числе участников увеселительных прогулок по случаю празднования победы в войне (бывший в составе свиты голштинского герцога Карла-Фридриха Ф.-В.Берхгольц отмечал тогда, что «всех лучше расписан и вообще красивее других был ботик генерал-

фельдцейхмейстера Брюса», что и неудивительно, если вспомнить, сколь много внимания уделял Яков Вилимович своим конным выездам). Ранней весной 1723 г., во время празднования в Петербурге очередной годовщины бракосочетания Петра и Екатерины, опыт санно-корабельных катаний повторился. Как вспоминал французский посланник Кампредон, «царь ехал на 30-пушечном фрегате, вполне оснащенном и с распущенными парусами. Впереди в шлюпке в виде бригантина с трубами и литаврами на носовой части оного ехал распорядитель праздника, главный начальник артиллерии граф Брюс».
От себя к этим "разоблачениям" мы могли бы еще добавить, что в легендах, повествующих о смерти Брюса ранее Петра (на самом деле он умер десятью годами позже царя), очевидно, Яков Вилимович объединен со своим братом Романом, скончавшимся в 1720 году. Цветочная женщина напоминает Голема из древнееврейского эпоса или механических людей из преданий о Роджере Бэконе и Альберте Великом. И все-таки критики смогли объяснить слишком мало. Отрешившись от греха огульного отрицания, попробуем разобраться, что же на самом деле происходило в Сухаревой башне.

Мы уже говорили о том, что русские масоны вели отсчет своей истории с петровского времени, хотя официальная историография относила появление русских "вольных каменщиков" к 20-м, а то и 30-м годам XVIII века. Легенды гласят, что в обширной Рапирной зале башни собиралось так называемое Нептуново общество или общество Нептунов. Об этом тайном обществе почти ничего не говорится в книгах историков и мемуарах. А между тем, по всей видимости, это общество (если оно действительно существовало) можно считать предтечей всего русского масонства, если не по духу, так, по крайней мере, по форме.
Как утверждается, председательствовал на собраниях общества до своей кончины Лефорт, присутствовали Феофан Прокопович (автор всех церковных реформ Петра), адмирал Апраксин, Меншиков, Шереметев, хозяином же всех собраний был, разумеется, Яков Брюс, поскольку здесь, в башне, у него была библиотека, здесь он организовал обсерваторию, содержал "кабинет математических, механических и других инструментов, также натуралий - зверей, инсект, кореньев, всяких руд и минералов, антиквитетов (старинных вещей), древних монет, медалей, резных камней, личин и вообще как иностранных, так и внутренних куриезностей".
Любопытно, что шотландца-математика Фарварсона, который преподавал в Навигацкой школе и тоже якобы входил в состав Нептунова общества, в народе прозвали позднее Фармазоном, то есть франкмасоном.
Чем занимались члены тайного общества? Москвичи утверждали, что оно сохраняло "Черную книгу", а стерегли ее 12 духов, она заложена в стену и заколочена гвоздями. Говорили, что чугунную доску с именами членов общества и его правилами постигла та же участь.
Башни уже нет, и чугунную доску не найти. Да и сам состав общества кажется достаточно пестрым и полным несоответствий. К примеру, между смертью Лефорта и знакомством Петра с Прокоповичем прошло не менее десяти лет, а после основания Санкт-Петербурга Петр бывал в Москве по большей части проездом, равно как и его сподвижники. Но отрицать рациональное зерно в предании о Нептунове обществе нельзя. Вполне возможно, что Петр и Брюс, познакомившись с франкмасонством в Лондоне, попытались скопировать его характерные черты в Москве, благо что и в Немецкой слободе, безусловно, имелись люди, которые могли помочь в этом. При всем известной тяге Петра

ко всему любопытному и необычному, при знаменитом его стремлении все попробовать самому прежде, чем предложить подданным, можно скорее поверить в существование общества, нежели в его отсутствие.
В этом нас убеждают и многие источники. В начале XIX века масонские рукописи утверждали, что масонство "в России существовало уже во время царя Алексея Михайловича, и Брюс был оного великий мастер; а царь Петр I был первым надзирателем, потом был великим мастером Кейт". Одна из масонских лож времен Александра I, действовавшая в Кронштадте, называлась "Нептун", возможно, в память об обществе времен Петра Великого. Масонам вообще свойственна высокопарная символика названий, в которых часто присутствуют имена античных богов Изиды, Озириса и т.д. Но кто может отрицать, что именно образ Нептуна - наиболее подходящий для масонской общины Петра Великого, для которого море было и постелью, и полем битвы? Нептун, например, нередко бывал главным персонажем петровских фейерверков.
Кроме того, Нептун играет очень существенную роль в алхимической символике. Впервые напечатанная в 1677 г. во Франции и переизданная в 1702 г. знаменитая «Mutus Liber» («Бессловесная книга») - зашифрованное в рисунках краткое руководство к изготовлению философского камня - со всей определенностью указывает нам на это. На одной из гравюр цикла, отображающей начальную стадию алхимического процесса, Нептун показан заключенным в запечатанную колбу. Его изображение символизирует некую изначальную жидкую субстанцию, которой надлежит в процессе опыта превратиться в вещество, символизируемое образом Меркурия (Гермеса). Нептун означает начало алхимического процесса, Меркурий - его завершение. Если попытаться перенести эту символику на случай с Нептуновым обществом, то его название, очевидно, могло подразумевать, что его участники осознавали себя адептами тайных наук, находящимися в самом начале пути познания и самосовершенствования.
Позволим себе высказать убеждение, что Нептуново общество - некая, скорее, протомасонская организация высших сановников петровской эпохи. Ее нельзя назвать масонской в полном смысле слова, поскольку в начале XVIII века масонства в современном понимании еще не было. Оно находилось на стадии превращения из чисто цеховых организаций "вольных каменщиков" в тайные ложи сливок общества. И помог ему в этом Кристофер Рэн, которого считают основателем современного масонства, соединившим цеховые традиции строителей с тайными учениями интеллектуалов начала XVIII века. Скорей всего, масонство в России и берет свое начало с цеховых организаций ремесленников в Немецкой слободе. Позднее, видимо, Петр и Брюс, побывав в Англии и впитав розенкрейцеровский дух ученого общества Лондона, могли предпринять попытку создать в России первую настоящую ложу.
Мы столь уверенно говорим о влиянии розенкрейцерства, этой темной мистической, алхимической и каббалистической секты XVII века, поскольку сам круг общения русских в Лондоне не предполагал знакомства с иными оккультными влияниями, тем более что большей части из них в конце XVII - начале XVIII века еще просто не существовало. Позднее, во время своей поездки в Европу в 1717 г., Петр мог познакомиться уже с новорожденным масонством, и это знакомство могло добавить какие-то новые черты в понимание русским высшим кругом оккультизма и мистики. Отсюда, по-видимому, растут и корни легенд о Нептуновом обществе, в которых сочетаются абсолютно не сочетаемые по времени имена петровских сановников. Рискнем предположить, что в историях о Нептуновом обществе соединились сразу несколько, по меньшей мере, две

протомасонских общины, одна из которых в свое время заседала в Сухаревой башне в Москве, а другая - гораздо позже в Петербурге.

То же самое и с легендами о "черных книгах". На рубеже XVIII - XIX веков некто "Григорий Книголюбов, крестьянин из села Завидово" (чудесный псевдоним!), в своем "Памятнике всем книгам разным, собранным от начала библиографий и типографий" давал любопытный перечень таинственных книг, якобы спрятанных в башне:
1. Книжица хитрая таблицами, тайными буквами выписанная из чернокнижия, магии черной и белой, кабалистики и прочее все на свете действует. На русском и иностранных языках, 100 листов; писана по скорописи XIII века.
2. Зерцало, показывающийся покойник за 100 лет вживе образом, и одежду, и походку, и говорящий, на все вопросы отвечающий одни сутки, после пропадает.
3. Черная книга, кудесничество, чародейство, знахарство, ворожба. Сие русское чернокнижие, собранное русскими знахарями 19 частей, рукопись скорописная.
4. Черная книга, писанная волшебными знаками; ей беси покоряются и служат, сочинения Рафли, Шестокрыл, Воронограй, Остромий, Зодий, Алманах, Звездочет, Аристотелевы врата. Писана до Ноева потопа, сохранилась на дне морском в горючем камне алатыре. Чернокнижник ее достал, а ныне закладена в Сухаревой башне, связана страшным проклятием на 10 тысяч лет, 35 книг, 180 тысяч листов.
5. Черная магия, писанная непонятными письменами волшебными, существующая от начала мира, во время потопа сохранена в камне Хамом. Гермес нашел после сию книгу. 9 книг, 100000 листов, а ныне закладена в Сухаревой башне.
6. Черная книга, читанная доктором Стефаном, в полдесть, толщиною в три пальца.
7. Книги Орфея и Музея, содержащие заговоры, очищения, приговоры для усыпления змей, 4 книги, скорописная рукопись, 8000 листов.
8. Русское кудесничество, заговоры на все возможные случаи. 9 книг, скорописью 900 листов, а ныне заключена в Сухаревой башне.
9. Книги Сивилл, 12 сестер; прорицание воли богов и предсказание будущего, 12 книг, 12000 листов полууставная рукопись, а ныне закладена в Сухаревой башне.

Принято традиционно отрицать существование в башне чернокнижной литературы. Дескать, легенды, слухи, недомолвки... Положим, в списке странным образом перемешаны и магические трактаты, и совершенно безобидная по нашим меркам, но весьма подозрительная по тем временам научная литература. Черная книга доктора Стефана, возможно, имела какое-то отношение к помощнику Фарварсона Стивену Гвину и была ни чем иным, как учебным пособием для учеников Навигацкой школы. Но ведь Рафли, Аристотелевы врата (написанные, как полагали, самим Аристотелем), книги Сивилл, Зодий и прочие - это известная в средневековой Руси, можно сказать, классическая литература по астрологии, алхимии и колдовству! Ее образцы публиковались в прошлом веке известным исследователем Н.С.Тихонравовым. Популярный в XIX веке издатель образцов русской народной культуры И.П.Сахаров перечисляет в своих «Сказаниях русского народа» около десяти различных по составу списков «Книг Сивилл», один из которых еще при Алексее Михайловиче готовился к печати. Зная за Я.В. Брюсом неутомимую страсть коллекционера редкостей, вправе ли мы отрицать возможность наличия в его бумагах русских чернокнижных раритетов? А, значит, Книголюбов все-таки может быть прав?

А почему бы нет? Не стоит забывать, что это были времена, когда астрономия еще не

вполне осознала себя автономной от астрологии; когда алхимия еще была составной частью химии и медицины и пользовалась большим почетом у сильных мира сего. До признания невозможности perpetuum mobile оставалось почти сто лет (Петр I до самой кончины вел с неким Орфеусом переговоры о покупке его «изобретения» - вечного двигателя). Ньютон бился над непосильной задачей сочетать свои научные открытия со своим мистическим мировоззрением.
Всеведущий историк, очевидно, упрекнет нас в доверии к сомнительным источникам и с ехидцей в голосе спросит нас, откуда, дескать, мы извлекли на свет этого самого Григория Книголюбова и с чего, собственно, мы взяли, что он вообще когда-либо видел в глаза библиотеку Брюса. Но нам еще не раз предоставится возможность доказать, что в библиотеке нашего героя было достаточно много мистической и магической литературы, и этот факт зафиксирован безо всякого участия Григория Книголюбова авторитетными отечественными исследователями.

К сюжету о "черной" литературе мы еще вернемся, когда речь пойдет о "Брюсовом календаре". А теперь продолжим разговор о Нептуновом обществе.
Исследователи, не отвергающие с порога саму мысль о его существовании в действительности, не считают слишком смелым утверждение, что тайное общество Нептунов не только обсуждало дела государства, но и занималось попутно (а, может быть, в первую очередь) изучением магии, алхимии, астрологии, изобретением вечного двигателя и так далее. Источники и исследования, хотя и не вполне уверенно, но все-таки подталкивают нас к этому выводу.
О возможности определенной связи общества либо с раннемасонскими течениями, либо с тамплиерами может свидетельствовать и описание легендарного "Соломонова перстня", по преданию хранившегося в Сухаревой башне.
Перстни с Соломоновой печатью регулярно встречаются в легендах самых различных народов. Считается, что перстень, принадлежавший царю Соломону, может творить всевозможные чудеса. Перстнем, хранившимся в Сухаревой башне, по словам Григория Книголюбова, можно было повелевать заключенным внутри него духом. Повернешь перстень печатью к себе - станешь невидимкой, повернешь обратно - станешь видим, власть над сатаной получишь, ударишь перстень обо что-нибудь - явится сатана и сделает все, что угодно.
Книголюбов сообщает, что перстень был сделан из серебра (как и положено магическому предмету), на кольце изображены различные фигуры и девиз по-латыни (причем надпись читается в обе стороны одинаково, хотя и является своего рода непереводимой абракадаброй): Sator, Arepo tenet opera rotas.
У царя Соломона, разумеется, не могло быть и в помине перстня с надписью по-латыни. Но если не отвергать с порога саму идею существования кольца? Многие авторы указывают на то, что у масонов и оккультистов в их ритуалах используются пентаграммы, носящие название "Соломоновой печати", которые во время церемоний надеваются на шею. А если придерживаться тамплиерской версии, можно вспомнить, что, к примеру, великий магистр Ордена храмовников имел печать с изображением Храма Соломона, известного нам по Ветхому Завету. Согласитесь, что для народных легенд во всей этой истории слишком много реально-исторической конкретики, знание которой не было, да и не может быть присуще среднестатистическому человеку ни в XVIII, ни в начале XXI века.

И.П.Сахаров в своем уже упомянутом труде приводит (вообразите наш восторг!) известную в народе заклинательную песнь над духами:

С. ... А. ... Т. ... О. ... Р
А. ... Р. ... Е. ... П. ... О.
Т. ... Е. ... Н. ... Е. ... Т.
О. ... П. ... Е. ... Р. ... А.
Р. ... О. ... Т. ... А. ... С.

«Заклинательная песня над духами вошла в русскую демонологию, и наши ведьмы испытывают ее силу в обряде посвятительном», - пишет Сахаров. «В одном сборнике Румянцевского музеума, писанном в XVII веке, - отмечает он, - на стр.65, находится изображение этих слов, названное: «Сия печать премудраго царя Соломона, протолковася от мудраго некоего ритора. Толк же ея сице расположися, яже зде, ниже сего преложися. Зри опасно, увеждь известно». В средине страницы изображен круг, в кругу четвероугольник, разделенный на шесть квадратов, в каждом квадрате помещено по одной букве, написанной красными чернилами». Итак, «Соломонова печать» была достаточно известна среди людей образованных, и Брюс имел вполне реальную возможность быть одним из ее обладателей.

Чтобы получить более полное представление о соломоновых печатях, обратимся за помощью к авторитетнейшему оккультисту Парацельсу. Из его труда «Об оккультной философии» узнаем, что соломоновы печати могут быть различными, но наибольшей силой обладает лишь один их тип, рисунок которого мы здесь и воспроизводим.

Перед нами достаточно привычная «Звезда Давида». «Адонаи» аналогично слову «Господь» и обозначает в иудаизме бога Яхве. Соломонову печать и пентаграмму (иными словами, пятиконечную звезду, рисовать которую умел в нашей стране каждый октябренок) Парацельс характеризует как обладающие «столь большой силой, что все, что можно сделать с помощью знаков и слов, можно сделать с помощью одних лишь этих двух знаков». «Эти два знака, - пишет далее Теофраст, - действуют против всех злых духов, дьявола, всякого волшебства и всякого рода магических поползновений, властвуя над ведьмами».

Заметим попутно, что Книголюбов уверяет нас в наличии в башне аспидной доски с действием, близким к действию перстня, и восьмиугольного камня, обладающего еще большей силой, нежели доска. И вновь мы сталкиваемся с фактами возможной принадлежности петровских сановников к миру масонства и оккультизма.

По иронии судьбы, при Екатерине II арестованных масонов (среди них был просветитель Новиков) допрашивали именно в Сухаревой башне, возможно, в той же Рапирной зале, где собиралось Общество Нептунов. Это только придало пикантности всей истории.
Наконец, еще один любопытный факт. В декабре 1925 г. члены общества "Старая Москва", осматривая подвалы дома Якова Брюса на Мещанской, обнаружили ход из белого камня, ведущий к подвалам Сухаревой башни, в которой, в свою очередь, нашли еще пять замурованных ходов. Чем закончилось их исследование, с какой целью были вырыты подземелья, неизвестно.

Подведем итог вышесказанному. Брюс должен был, безусловно, быть правой рукой царя во всех случаях его столкновения с непознанным и непознаваемым. Он был единственным сподвижником царя, который мог более уверенно, чем остальные, провести Петра по тонкой грани между разумом и чувством, между реальностью и фантазией, между тем и этим светом... Его знакомство с научной и мистической литературой, его знание химии и алхимии ставили его на голову выше как остальных русских сановников, так и самого царя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РОЖДЕНИЕ «БОГА ВОЙНЫ»

VI. ОТ НАРВЫ ДО ПОЛТАВЫ
ИЛИ ЛЮБОВЬ ЦВЕТОЧНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Лета 1700, 7 июня, мой дорогой муж уехал от меня в Сконе, вместе со всей армией. Боже Всевышний, дай им всем Свое милостивое благословение и удачи в походе, дай им вскорости вернуться к нам домой в добром здравии, мире и счастье. Господи, дай мне встретить в радости моего любимого, которого я ныне с великой скорбью и сердечной тоской вижу уезжающим от меня.
Хозяйственная книга Софии Драке, супруги ротмистра шведской смоландской кавалерии Йона Стольхаммара
Конечно, много храбрых шведов направляется сейчас в Россию, но только Бог и удача решат, кто выберется оттуда. Приходится воевать с варварским народом; да не оставит нас Господь Христа ради.
Йон Стольхаммар Софии Драке, последнее письмо, Россия, 1708 г.

В августе 1700 г. Петр I со своей армией двинулся на шведскую крепость Нарву. В пути он получил неприятное известие: Карл XII во главе 15-тысячной армии, доставленной английскими и голландскими кораблями, вынудил к капитуляции союзницу России Данию.
18-летний шведский король был молниеносен. Он сразу же отправился на выручку осажденной Нарве. Генеральное сражение между русскими и шведами произошло 19 ноября 1700 года. Для русской армии оно окончилось катастрофически. Она не просто проиграла сражение. Под Нарвой Россия потеряла 6 тысяч солдат и всю артиллерию. Большая часть офицерского состава попала в плен.
С Нарвской баталией для Брюса были связаны как самые тяжелые страницы его жизни, так и поворотный момент в его военной карьере.

"Ныне мы, при помощи Божией, - писал Петр новгородскому воеводе И.Ю.Трубецкому, - начали войну против шведов и сегодня послали для блакира и пересечения путей в Ижерскую землю генерал-майора Якова Брюса".
"Записка о Ругодивском походе" так излагает события: «28 июля 1700 г. посланы из Москвы Яков Брюс, Иван Чамберс, Василий Корчмин до Новгорода наскоро. И поспели в Новгород в 15 дней. И от команды ему (т.е. Брюсу) отказано, послан вместо Брюса с полками новгородскими воевода князь Иван Юрьевич Трубецкой». Воеводе не повезло: вместе с большинством русских офицеров он попал в плен. А ведь на его месте мог оказаться Брюс, и тогда этой книге не суждено было бы появиться на свет, ибо наш герой не совершил бы и сотой доли тех деяний, которые увековечили имя его. Но судьба, как видно, хранила Якова Вилимовича, ибо, дав ему в полной мере вкусить от чаши страдания и унижения, вознаградила, в конце концов, по самому высокому счету.
Суховатая "Записка" слишком кратко повествует о ходе событий. В 1704 году в Германии вышла анонимная брошюра, автором которой был, как оказалось впоследствии, бывший учитель царевича Алексея Петровича Мартин Нейгебауэр, из-за препирательств с русским окружением царевича с позором изгнанный из России и на всю жизнь сохранивший в душе ненависть к этой стране. Именно по строкам из его писания мы и попытаемся восстановить эту историю.
В форме письма некоего "знатного офицера к тайному советнику одного владетеля о дурном обращении москвитян с иноземными офицерами" Нейгебауэром были собраны всевозможные негативные факты и откровенные домыслы о судьбах великого множества иностранцев на русской службе. О герое нашей книги автор брошюры сообщал следующее: "В тот же год (т.е. в 1700 г.), генерал-майор Бруст (так в тексте!) должен был брать приступом Нарву без артиллерии, пороха и ядер. Когда же ему это не удалось, то посадили этого способного артиллериста на пять месяцев в оковы, а жена его разделяла ложе с Александром Даниловичем Меншенкопфом (забавы ради Нейгебауэр переиначил многие фамилии), и только чрез это Брюс снова вошел в милость".

Нейгебауэра на посту воспитателя царевича сменил барон Генрих фон Гюйссен. Деятельность его, посвященная России, заслуживает отдельного разговора. Скажем лишь, что в его обязанности входила помимо всего прочего пропаганда в Европе политики Петра I и вообще создание положительного образа России в глазах европейского человека (Гюйссен был, таким образом, пиарщиком русского двора). На брошюру Нейгебауэра Гюйссен ответил своей контрпропагандистской книжицей, в которой, ловко обходя наиболее острые углы, попытался сгладить то негативное впечатление, которое возникало после прочтения анонимного опуса.
Весьма неуклюже, но очень настойчиво попытался барон опровергнуть историю, связанную с семьей Якова Вилимовича.
"Господин Брюс, - сообщал читателю фон Гюйссен, - артиллерийский генерал-майор, человек умный и прилежный, которого его царское величество, за его верные службы и знания в математике, артиллерии и военном искусстве, назначил новгородским губернатором и председательствующим в пушкарском приказе, где производятся дела, относящиеся до артиллерии и всякого рода оружия. Он происходит из древней шотландской фамилии, из которой вышло несколько королей и в особенности известный Роберт Брус или, по латыни, Брусциус, что можно найти у шотландского историка

Буханана и у многих других. Его отец был заслуженный полковник, стоявший с полком 12 лет в Пскове и, наконец, произведенный царем в генерал-майоры.
В 1701 году (так у Гюйссена) генерала Брюса (сына) послали на скоро осаждать Нарву, а также он должен был доставить туда из Новгорода нужные военные припасы для войск, которые за ним следовали из разных мест. Это повеление он не исполнил с надлежащею быстротою, почему многие подведомственные ему артиллерийские служители, вопреки желанию и указу царя, остались позади. Это обстоятельство и было сначала поводом к обвинению генерала: его арестовали и отдали при Нарве под военный суд. Однако по прошествии нескольких дней, когда были выслушаны оправдания Брюса и когда они найдены основательными, его освободили с возвращением прежнего звания и допущением к исправлению высших должностей. Каким же образом его уважаемая супруга могла способствовать к освобождению мужа у князя Александра Даниловича, то никоим образом представить себе невозможно. В то время она находилась в Москве и, следовательно, за 130 миль от Нарвы, где был князь Александр Данилович. При тогдашнем положении дел мало думали о дамах, а между тем Брюс был освобожден гораздо прежде прибытия в Москву Меншикова. Вместе с тем известно, что эта самая дама, вполне достойная любви и уважения, довольно полна, известных лет, прекрасной репутации, совершенно христианской жизни и поведения, и более всего занята заботами о своем хозяйстве, нежели галантными похождениями".

В стараниях выгородить покровителя своего Меншикова Гюйссен так увлекся, что подверг фигуру Маргариты Брюс отнюдь не галантному обсуждениию. Нейгебауэрова брошюра вовсе не являла собой образец журналистской честности. Но и оправдания Гюйссена выглядят в высшей степени неубедительно. Не говоря уже о том, что все его писание более всего походит на панегирик Александру Даниловичу (еще бы, ведь карьера воспитателя царевича впрямую зависела от его взаимоотношений с "полудержавным властелином"!), но и аргументы, им приводимые, выглядят на редкость неудачно.
Супруге Брюса Маргарите (Марфе Андреевне), урожденной Цёге фон Мантейфель (13 июля 1675 - 30 апреля 1728 ст.стиля), представительнице известного эстляндского рода, переименованного в России в Цеевых и давшего нашей стране не одного доблестного офицера и в том числе отца ее, известного в то время генерала Генриха Цеге фон Мантейфеля, в 1700 г. было 25 лет - отнюдь еще не "известный возраст", даже по меркам XVIII века, и полнота ее совершенно не могла считаться недостатком в России (этого барону Гюйссену уж точно было не понять!), а о дамах в петровском кругу всегда находили время думать, чему свидетельством служат многочисленные сексуальные (любовными их трудно назвать) похождения самого царя.
Мы не знаем, насколько велико было, в конечном счете, участие царского фаворита в деле Брюса. Но версию Нейгебауэра нельзя считать сколь бы то ни было убедительной. Якова Вилимовича и Александра Даниловича впоследствии связывали многолетние приятельские отношения, вне всякого сомнения, едва ли возможные, если бы Меншиков добивался благосклонности Маргариты Брюс.
Очевидно, Брюс не смог справиться с бешеным ритмом событий, ведших к нарвской катастрофе. Россия вступила в битву наскоро, едва покончив с турецкой войной, пытаясь, хоть и с запозданием, исполнить обязательства перед северными союзниками. Чтобы спасти обреченную на поражение русскую армию, требовалось что-то сверхъестественное.

Гневливый характер Петра общеизвестен. Он привык управлять страной с помощью указов, сдобренных угрозами, побоев, а то и смертных казней. И не за такие ошибки его военачальникам приходилось расплачиваться своими карьерами. Не исключено, что по возвращении царя из-под Нарвы Брюсу бы не поздоровилось. Но из-за пленения большого числа офицеров не время было старое поминать. Каждый годный к делу был на счету. Тем более что на общем фоне разгрома армии личный провал Брюса-офицера уже не казался столь велик.

Мы мало что знаем о Марфе Андреевне, хотя и представляется нам она человеком с сильным характером, любящей, заботливой, хлебосольной женщиной. Однако холодность, отстраненность в отношениях между супругами Брюс стала темой не одной московской легенды. Сперва любопытные москвичи, дав волю своей неуемной фантазии, наградили Маргариту молодым любовником.

…Скромного и невзрачного паренька выбрал Яков себе в ученики. Изобретя же воду живую и мертвую, не преминул опробовать сей эликсир на нем. Разрубил юношу на части, полил мертвой водой - срослись части тела, полил живой водой - встал ученик, моложе и краше прежнего, так был хорош, что жена Брюса в него влюбилась. А потому, когда Брюс сам захотел омолодиться, велел ученику через девять месяцев полить из склянки мертвой и живой водой свое изрубленное тело, Да жена его не дала, успел только ученик полить его мертвой водой, и тело срослось. А потом жена выбила из рук ученика склянку, и не воскрес Брюс, потому что секрета воды ученик не знал. Проведал про это царь Петр и велел отрубить головы ученику и жене Брюса...

То ли сжалившись над несчастливым колдуном, то ли вспомнив о его выдающихся способностях к магии, московские злословцы решили, в конце концов, что негоже Брюсу, уподобляясь монаху, безропотно терпеть измену. Москва заполнилась новыми слухами. Кормильца людской молвы в спешном порядке «воскресили и наградили». Из цветов «арифметик» создал себе женщину, которой свет не видывал. И служанка была она ему, и полюбовница. Только говорить не могла. А уж так хороша была, что не одна Марфа Андреевна черной ревностью отравилась, но и самого Петра Алексеича красота ее в самое сердце поразила. Когда же Брюс увидал, что слишком много неудобств кроется в его новой причуде, во избежание лишних проблем, скрепя сердце, подозвал девушку, в последний раз приласкал ее, а после вытащил у нее из волос булавку - тут она вмиг и рассыпалась.

Все персонажи этого любовного многоугольника - так ли уж они вымышлены? Так ли голословны были людские пересуды, донесшие до нас и трагикомическую историю о неудавшемся воскрешении короля московских чернокнижников? А вторая история весьма смахивает на вечный анекдот о жене, заставшей мужа со служанкой-любовницей. Правда, в роли проштрафившегося сластолюбца оказался не простой смертный, а знаток тайных искусств, владевший тайнами массового гипноза. Недаром же сохранились предания, что ему не составляло труда уверить гостей своих, что они видят летящего филина, который со звоном роняет золотые монеты. Другую же историю, о вельможах, «средь шумного бала» узревших себя (опять же по прихоти Брюса) по колено в невской воде, мы расскажем позже. Что стоило в таком случае нашему герою внушить своей жене и самому Петру видение рассыпающейся охапкой благоухающих цветов женщины?

Возможно и иное толкование Брюсова романа с цветочной женщиной. Модный поэт-

лауреат Максим Амелин, опубликовавший поэму по мотивам наиболее известных сказаний о московском генерале-чернокнижнике, наделил цветочную героиню выспренным именем Флоры Арчимбольдовны. Не берясь судить о достоинствах литературного произведения, похвально встреченного литературным сообществом, рискнем предложить именовать ее более благозвучным именем, к тому же известным в истории. Полагаем, что она вполне могла бы зваться Марией Вилимовной (Даниловной) Гамильтон.

Мария Гамильтон, как и Яков Брюс, происходила из обрусевшего знатного шотландского рода, с той лишь разницей, что ее предки появились в России еще во времена Иоанна Грозного. Несколько лет красавица Мария была фрейлиной Екатерины, некоторое время - одной из вереницы любовниц Петра Великого. Получив у царя отставку на амурном фронте, горячо и беззаветно полюбила царского денщика, молодого богатыря Ивана Орлова.

Их тайная связь, с поправкой на время действия и трагичный финал, в целом может служить поучительным примером среднестатистической истории русской любви. Придворная дама влюбилась как простая русская баба, до самозабвения отдалась своей страсти к, в общем-то, ординарному, недалекому русскому Ваньке, который любил, подвыпив, бранить ее нещадно, попрекая мнимыми изменами, а то и бивал своими отборными кулаками.

Стремясь сохранить свое положение в обществе и расположение Орлова, Мария Гамильтон совершила несколько преступлений, в конечном счете приведших ее на плаху. Она крала у государыни деньги и драгоценности, чтобы делать возлюбленному дорогие подарки. Самое же ужасное ее преступление состояло в детоубийстве. Будучи несколько раз беременной от царского денщика, она успешно вытравляла плод, но сделать это с последним ребенком ей не удалось. Все разумные сроки для прерывания беременности прошли, выкидыша не случилось. Дитя, втайне произведенное Марией на свет, могло поломать всю жизнь отчаявшейся, запутавшейся матери. Недолго думая, Гамильтон удушила едва родившегося младенца, а доверенной служанке велела выкинуть тело ребенка в дворцовый пруд.

Преступление, однако, вскоре открылось. Иван да Марья были арестованы. Подвергнутая пыткам Мария, тем не менее, снова доказала свою любовь к денщику, избежав искушения впутать его в это дело и полностью признав вину свою и в детоубийстве, и в кражах, и в возведении хулы на государыню. Иван избежал какого бы то ни было наказания за свою сомнительную роль в этой истории во многом благодаря тому, что в тюрьме подвизался в качестве сексота среди своих сокамерников, проходивших по делу царевича Алексея. Незадачливый перетрусивший герой-любовник, не подвергшийся пытке, но ужаснувшийся одной только угрозе ее применения, свалил всю вину за открывшиеся преступления на Гамильтон. Мария в марте 1719 г. была обезглавлена.

Западноевропейские очевидцы событий пустили впоследствии слух, не подтвержденный, но и не опровергнутый никакими фактами, что казнена Мария была вовсе не за объявленные деяния. По их уверениям, ее преступление состояло в одном: изведенный ею младенец был сыном не Ивана Орлова, а самого Петра. Гнев несостоявшегося отца и ревность обманутого любовника будто бы и были для Петра причинами для расправы с Марьей Даниловной.

Якову Вилимовичу в этой истории тоже была уготована своя роль. Едва вернувшись с переговоров на Аландских островах и счастливо избежав участия в деле царевича

Алексея, он попал в гущу событий, связанных с судьбой фрейлины. В нем Мария Гамильтон и тронутая ее мольбами вдова покойного царя Ивана Прасковья пытались найти заступника перед грозным государем. Накануне дня казни Брюс, царица Прасковья и присоединившиеся к ним адмирал Апраксин и гений сыска Толстой обратились к Петру с просьбой помиловать Марию. Но царь был непреклонен. Настойчивые просьбы Брюса и царицы Прасковьи, уговоры, обращение к его христианскому человеколюбию и монаршей милости не смогли оказать никакого влияния на ход событий.
Фрейлина Мария Гамильтон, первая прелестница русского двора… Не она ли стала прототипом героини истории о любви и смерти цветочной женщины? На первый взгляд, между жизнью и легендой нет никаких совпадений. Хорошо знакомые, Брюс и Гамильтон едва ли были хоть сколько-нибудь связаны между собой. Едва ли возможно представить их любовниками. Но народное предание именно вымыслом и сильно. Из любой истории оно заимствует излюбленных героев и ухватывает самую суть произошедшего, а затем в ход вступает народная фантазия, декорирующая здание рассказа причудливыми архитектурными элементами. Так и в данном случае. Люди поняли по-своему: Петр и Брюс не поделили красавицу, и державная воля царя, как всегда, одержала верх.

Однако пора уже перевернуть эту страницу в биографии нашего героя. Чудо, чем бы оно ни было вызвано, произошло. Брюс не только был прощен, но еще и возглавил Новгородский приказ, стал называться губернатором, сменив, таким образом, на посту не только попавшего в плен воеводу Трубецкого, но и самого покойника Франца Лефорта, среди званий и должностей которого было и Новгородское губернаторство. Такое назначение, помимо того, что оно было обусловлено псковско-новгородскими корнями Брюса, еще, очевидно, должно было продемонстрировать степень доверительности отношения Петра к русскому шотландцу.
Очевидец событий начала XVIII в. И.А.Желябужский в своих «Дневных записках» так отзывался о возглавлявшихся Брюсом неустанных работах в Новгороде 1701 года: «Рвы копали и церкви ломали, палисады ставили с бойницами, а около палисад окладывали дерном. А на работе были драгуны, и солдаты, и всяких чинов люди и священники, и всякого церковного чину, мужеского и женского полу. А башни насыпали землею, а сверху дерн клали. Работа была насуменная. А верхи с башен деревянные и с города кровлю деревянную все сломали. И в то время у приходских церквей, кроме соборной церкви, служеб не было».
На своем новом посту Брюс пробыл четыре года. Пока Россия еще не смогла «ногою твердой стать при море», существовала реальная опасность нападения шведов на Псков и Новгород, и генерал немало сделал для укрепления города и обороны новгородской земли, руководя сбором военных припасов, пороха, ядер, бомб, мешков с шерстью и лестниц.

Потеряв при Нарве артиллерию, Петр поручил ее воссоздание Андрею Виниусу. До Северной войны, как сообщает Иоганн Корб в своем «Дневнике путешествия в Московское государство», артиллерия россиян состояла «из таких же орудий, как и у прочих европейских государей; от действия их, по мановению, потрясаются валы, опрокидываются стены и разрушаются ограды укреплений. Но так как москвитяне не имеют удовлетворительных сведений в артиллерийской науке, то за большие деньги вынуждены содержать иностранцев, присылаемых им по дружбе из разных земель».
Теперь предстояло не только подготовить в кратчайшие сроки квалифицированные

национальные кадры для артиллерии, но и саму ее воссоздать заново. Каким образом это делалось, вы, наверное, помните по давно ставшим хрестоматийными эпизодам переплавки церковных колоколов в пушки.
В новом деле нашлось место и Якову Брюсу, а впоследствии артиллерия стала его безраздельной вотчиной. В начале войны русским генерал-фельдцейхмейстером (начальником артиллерии) первоначально был имеретинский князь из рода Багратионов Александр Арчилович. После Нарвской баталии и он попал в шведский плен. Шведы запросили за него выкуп, превышающий годовой бюджет России. Александр Арчилович умер в плену в 1711 году, даже и не помышляя о свободе столь дорогой для российской казны ценой. Фактический генерал-фельдцейхмейстер, после смерти своего предшественника Брюс был официально назначен на его место. Одновременно генерал, ученый консультант, губернатор - но таково было время. В XVII веке боярин должен был по определению быть специалистом по всем государственным вопросам, что на самом деле было весьма далеко от истины. Теперь же размах военных действий и глубина преобразований выявили нехватку способных людей в окружении царя. Талантливые генералы и деятельные администраторы были просто на вес золота. Может быть, в этом и кроется наиболее простое и близкое к действительности объяснение освобождения Брюса из-под стражи?

В ходе Северной войны, пожалуй, впервые в европейской истории мы сталкиваемся с новым способом ведения войны Россией. Эту войну вела не одна только армия, в ней участвовал весь народ, главным же условием победы стала не только хорошо обученная и храбрая армия, но и хорошо организованный тыл, снабжающий войска боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Карл XII, которого вся Европа признавала великим полководцем, одерживал победы благодаря своему военному гению и блестящей армии; Петр I, которому европейскими историками отказано (и, наверное, отчасти справедливо) в полководческом таланте, в конечном итоге взял верх потому, что был замечательным организатором и сумел мобилизовать все силы своих подданных на ведение войны; сумел реформировать свою страну в ходе войны так, что она вышла по значимости на одно из первых мест на континенте. Практически каждая победа русского оружия в Северной войне была тщательнейшим образом подготовлена, словно по поговорке, "медленно, но верно". И рядом с царем достойное место в этой кропотливой работе занимал Яков Брюс.

Выполняя поручения Петра, этот русский шотландец обеспечивал подвоз пушек и мортир со всем необходимым снаряжением к осаждаемым ингерманландским городам: Нотебургу, Канцам, Нарве, Иван-городу. Начиная с 1702 г. он возглавляет артиллерию в важнейших осадных мероприятиях, а с 1704 г. уже стоит во главе всей артиллерии. Деятельностью армейских инженеров также руководил Брюс.
Связав свою судьбу с артиллерией, он и близких своих вовлек в круг людей своего ведомства. Так, например, племянница Марфы Андреевны была выдана замуж за артиллерийского полковника Беренса.

Ранее у артиллерии еще не было ни строго определенного штата, ни строевого устава, Брюс не имел ни собственного штаба, ни канцелярии. В 1701 г. был сформирован артиллерийский полк, состоявший из четырех пушкарских (канонирских) рот, четырех бомбардирских команд и инженерной роты. Окончательный же вид этот род войск в

русской армии получил только в 1712 г.
На плечи Якова Вилимовича легла не только забота об артиллеристах. Не менее важно было организовать бесперебойное снабжение всей армии боеприпасами. А решение этой задачи упиралось в прорехи бюджета...
"Заготовить пороху на 50000 человек, по 300 выстрелов на каждого, никоим образом невозможно, - писал Брюс Петру в марте 1705 г., - потому что выйдет более 23000 пуд, а у нас всего пушечного только 1500 пуд. Постараюсь изготовить хотя по 100 выстрелов. Большое горе - мало денег". Не хватало селитры - не хватало и пороха. На заводах одно время даже отказывались отливать бомбы нового образца, потому что, дескать, прежде таких не ливали... Через все это пришлось пройти Брюсу и его подчиненным из Артиллерийского приказа, чтобы добиться прорыва в организации и жизнедеятельности русской артиллерии.
О том, насколько авторитетен был Брюс в вопросах военного снабжения, свидетельствует одно из писем Ромодановского к Петру 1708 г.
"Господине капитан Петр Алексеевич, - обращался Федор Ромодановский к государю, - здравие твое да сохранит десница Вышнего на лета многа. Доношу милости твоей: в алтилерии пороху дватцать одна тысяча шестьсот пуд; а по отъезде с Москвы Якова Брюса приказал он, чтоб было пороху сорок тысяч. Как územ поволишь: делать ли свыше дватцати одной тысячи штисот пуд в указное число, как Яков приказал, или не делать до указу? Пожалуй, ко мне о том отпиши".
Вот лишь несколько примеров деятельности Брюса, который проявлял себя запасливым и рачительным хозяином. А еще под его наблюдением происходили изменения, направленные на унификацию типов и весов артиллерийских снарядов и калибров орудий. Вес ядер для удобства начал измеряться в английских фунтах, пушки, мортиры и гаубицы начали отливаться по новым, более современным образцам. Первые попытки создания подразделений конной артиллерии появились в русской армии на несколько десятков лет раньше, чем у Фридриха Великого. Пушки, перевозимые в конских упряжках, могли передвигаться столь же быстро, как и драгуны. Впервые появилось понятие артиллерийского полка, деление артиллерии на гарнизонную и полковую.
Забота о солдатах была для Брюса абсолютно естественным делом, как и стремление к наиболее разумной и практичной организации снабжения припасами и продовольствием. Мысли о квартирах для размещения пушкарей в походе соединялись в его голове с заботами о конской упряжи. Лафеты орудий изготовлялись, по его распоряжению, не из дуба, а из менее ценных пород дерева (дуб предназначался для флота, к тому же Петр I впервые в истории России поставил перед своими подданными задачу бережливого природопользования), из шкур падших обозных лошадей и волов изготовлялись упряжь и солдатские ранцы. А ведь в то же самое время Яков Вилимович успевал еще и контролировать выплату жалованья "мастеровым людем, огородникам и живописцам и протчим, которые в Нарве и при Санкт-Питербурхе работают"!
К чести Якова Вилимовича надо отметить, что, будучи командующим русской артиллерии, он всячески препятствовал появлению анонимных доносов. Отвечая на один из неподписанных клеветнических опусов, присланный из Артиллерийского приказа, он категорически заявлял своим подчиненным: "А будет такоеж отних писмо впредь у меня явитца, а имян их не будет, и в том бы оне на меня непеняли, что над ними учиню. Понеже такие писма бывают подметныя".

Генерал-фельдцейхмейстер дорожил каждым солдатом, болезненно воспринимая любые попытки использовать не по назначению пушкарей, в которых он не без основания видел своего рода элиту русской армии, и приданные к артиллерии части. Но... приходилось подчиняться приказам.
Артиллеристы Брюса не успевали наводить понтоны, как шведы уже переходили совсем в другом месте.
"Теперь я не ведаю, что мне делать с однеми пушкарями, - жаловался он генералу Репнину в 1708 г., - на караулех ли им стоять или припас к будущей компании делать и готовить, или мост через Днепр делать, о чем его милость господин князь Меншиков ко мне с подтверждением пишет?" Понтоны наводились, но угадать точное место переправы противника не удавалось, и все усилия шли впустую.
От начального (до Полтавы) периода войны сохранилось и послание к солдатам, "дабы в провианте на магазейны никтоб ненадеялись, а промышляли б собой по деревням, а ежели по деревням того не сыщется, то искать в полях рожь и молотить". Такова была обстановка - либо пан, либо пропал...

После Нарвы Карл XII ушел в Польшу громить короля Августа II, махнув рукой на "русского медведя". Этот столь кстати для Петра открытый "второй фронт" позволил русским без особых помех утвердиться на Балтийском побережье. По решению военного совета, в котором участвовал и Яков Брюс, в 1703 г. в устье Невы был основан Санкт-Петербург, первым обер-комендантом которого стал Роман Вилимович Брюс, брат нашего героя, чья военная деятельность тоже заслуживает внимания историков петровской России. Для нашего же повествования он интересен тем, что именно его потомки и продолжили историю рода Брюсов в России. Он родился в 1668 и умер в 1720 году. Воинскую карьеру начал в потешных полках, а уже в 1695 г. в чине капитана Преображенского полка участвовал в первом Азовском походе. Побывал на полях сражений под Нарвой, Нотебургом и Ниеншанцем. Став обер-комендантом Петербурга, много сделал для его строительства и обороны. В числе его заслуг назовем руководство строительством каменной Петропавловской крепости, в которой он и был похоронен. После его смерти брат Яков взял на себя заботу о попечении над его сыном Александром.

Король польский и курфюрст саксонский Август, один из знаменитейших дамских угодников своего века, заклятый друг Петра, хотя и отличался некоторыми личными воинскими доблестями, оказался самым неудачливым полководцем Северной войны. Карл просто-напросто низложил его с польского престола и "назначил" королем Станислава Лещинского. Но шведы надолго увязли в Польше и Саксонии. Петр же, понимая, насколько ему на руку бессмысленная гонка Карла за Августом, пока Россия будет не в состоянии полной готовности к генеральным сражениям, тянул время, и, чтобы не дать Карлу окончательно разделаться с саксонской армией, высылал время от времени на подмогу Августу русские войска. Признательность двоедушного союзника выражалась в многочисленных наградах, которыми он одаривал виднейших русских вельмож и военачальников. В числе прочих в 1704 г. Якову Брюсу был пожалован орден Белого Орла, учрежденный, по преданию, в 1325 году и возрожденный Августом.
Летом 1706 г. Яков Вилимович, занимавшийся в Киеве организацией обороны, снабжением армии и делами артиллерии, был произведен Петром I в генерал-лейтенанты, а уже 18 октября 1706 г. (ст.стиля) он возглавляет артиллеристов, приданных воинским

частям под командой Меншикова. Эта армия разгромила войска шведского генерала Мардефельда под польским городом Калишем, и Брюсу было присвоено очередное звание генерал-поручика. Впридачу царь пожаловал Брюсу золотую медаль со своим портретом, осыпанным бриллиантами. Подобные знаки монаршей милости весьма высоко ценились в те времена.
Конец 1706 г. русская армия встретила на зимних квартирах в Жолкве (Жолкиеве). Сюда в феврале 1707 г. явилось польское посольство с жалобами на плохое исполнение русскими своих союзнических обязательств перед Польшей. Тогда нашему герою впервые пришлось ощутить себя в роли дипломата и удалось приобрести тот неоценимый опыт, который ему впоследствии так пригодился на переговорах со шведами. Литовцы и поляки постоянно жаловались на притеснения со стороны русских войск, на чрезмерные поборы продовольствия и фуража, а то и откровенный казачий и калмыцкий грабеж. Чтобы пресечь подобные инциденты, а, главное, успокоить союзников, была создана совместная комиссия, которую с русской стороны возглавил Яков Брюс. Комиссия детально разобралась в спорных проблемах, Брюс неоднократно обращался к царю за решением тех или иных вопросов. В конце концов, страсти удалось потушить.

Семейную жизнь в годы активных боевых действий русские сановники устраивали по-разному. Княгиня Дарья Меншикова, легкая на подъем и ревнивая, нередко отправлялась за своим князюшкой в труднейшие походы. Екатерина вообще практически неотлучно находилась при Петре, отвлекаясь только на очередные роды. У Якова Вилимовича походная жизнь была вынужденно-холостяцкая. Маргарита Андреевна, хлебосольная хозяйка, многократно принимала в доме своем в отсутствие мужа знатных гостей, включая Петра и царевича Алексея, о чем Брюса регулярно уведомляли в письмах и сам царь, и домоправитель брюсов Онуфрий Брылкин. Но на поездку к армии в Жолкиев Маргарита решилась только один раз, в феврале 1707 г., воспользовавшись передышкой в боевых действиях. Несколько месяцев она неотлучно находилась при муже. В июле 1707 г., отправившись следом за царем в Польшу, чета Брюсов устроила в Люблине дипломатический прием для поляков и русской дипломатической миссии во главе с думным дьяком Посольского приказа Е.И.Украинцевым. Однако уже ранней осенью супругам вновь предстояло разлучиться на многие месяцы: в сентябре поход Карла на Россию возобновился, и Маргарита Андреевна уехала в Москву. Здесь в начале следующего года она родила дочь Наталью.

Год спустя война шагнула на порог России. Карл XII вступил на ее территорию. Вначале от Гродно он собирался идти в Прибалтику, на Новгород и Петербург, но, передумав, возможно, из-за полного опустошения Ингрии по приказу Петра, двинулся через Белоруссию.
И опять в очередной раз проявились блестящие организаторские способности Петра I. Карл жаждал генерального сражения, русские же преследовали его армию по пятам, применяя тактику "выжженной земли", то тут, то там стремительно впиваясь в шкуру шведского льва. Шведская армия постепенно лишалась артиллерии, боеприпасов, продовольствие добывалось с трудом. Русские дороги и русские морозы оказались шведам не по зубам. В лагере Карла обессилено и обреченно шутили, что у них есть только три лекаря: доктор Водка, доктор Чеснок и доктор Смерть.
Однако это все еще была достаточно боеспособная, по-прежнему одна из лучших армий в

Европе, воспитанная на традициях полувекового господства Швеции на континенте после Тридцатилетней войны. От нее все еще можно было ожидать сюрпризов. Не был исключен даже поход шведов на Москву, которая спешно готовилась к обороне. По некоторым сведениям, Петр полагал возможным, на случай осады Кремля, взорвать Храм Покрова-на-рву (Василия Блаженного), как стратегически важный пункт возможных осадных работ.
После состоявшегося 3 июля 1708 г. сражения при Головчине Карл XII продолжил наступление. 6 июля в русском лагере состоялся "генеральный консилиум", принявший план последующей кампании: "Понеже неприятель, по ведомости, марширует к Могилеву, а оное место осадить за пространностию и упреждением неприятельским трудно, того ради приговорено: перебрався на сю сторону Днепра, стать всей кавалерии и конной пехоте по Днепру от Шклова до Могилева и оного (неприятеля) по возможности держать и переправление чрез Днепр боронить, а пехоте всей итить к Горкам с артиллериею и с обозами, а когда невозможность явится оного переправлению чрез Днепр возбранить, и тогда уступать и коннице каждой дивизии куды способнее добрым порядком до Горок, и тамо, соединясь с пехотою, смотреть на неприятельские обороты и, куды обратится - к Смоленску или к Украйне, трудиться его упреждать". Решение военного совета подписали: генерал-фельдмаршал Шереметев, генерал князь Меншиков, граф Головкин, князь Григорий Долгорукий, генералы Гольц, Репнин, Алларт, Брюс, Рен и Дальбон.

От этого периода Северной войны сохранилась не слишком обширная переписка Петра и Брюса. В части писем речь шла о переводах книг, составлении гербов знатнейших родов России, словом, о совершенно мирных делах; и этих вопросов мы коснемся еще в следующих главах. Малочисленность писем не должна вводить в заблуждение: Брюс практически постоянно находился в армии, при Петре, и им не было нужды переписываться друг с другом. В редкие же моменты, когда Брюс выполнял поручения вдали от армии, когда сам царь из-за своих хронических заболеваний, связанных с не слишком чистоплотным и здоровым образом жизни, был не в состоянии выехать к войскам, появлялись, к примеру, письма Петра, подобные этому, датированному 31 октября 1708 г. (ст.стиля):
"Письмо ваше из Глухова, сего числа писанное, до нас дошло, в котором пишете вы, что около оного места поля ровные, лесу зело мало. Того ради надобно вам съездить подале и осмотреть места от Глухова милях в трех, а имянно в тех местах, которые подались к нашим городам, к Севску и протчим, где есть удобные места к обороне, також и леса. И, осмотря, приезжай к нам сам".
Брюс выезжал на рекогносцировки местности и вместе с царем. На одной из стоянок русской армии (в украинских Горках, после головчинского сражения) он собственноручно разработал в присутствии Петра образец скорострельного зарядного ящика. В Москве впоследствии изготовили 50 таких ящиков. И все время он успевал читать и переводить научные труды, занимаясь математическими и астрономическими исследованиями даже за 5 дней до Полтавского сражения!
Как и большинство министров и генералов, этот московский шотландец всецело отдавал свои силы делу будущей победы. Эта самоотверженность в армии и в тылу людей всех национальностей, связавших свою судьбу с Россией, и сама судьба раз за разом спасали страну. 9 октября 1708 г. при деревне Лесной (недалеко от Пропойска) шедший на соединение с основными шведскими силами генерал Левенгаупт был наголову разбит

русской армией под предводительством самого Петра I. Брюс командовал левым флангом русских войск и был награжден за победу 219 дворами крестьян. Петр сообщал в своих письмах об уничтожении около 9-ти тысяч шведов и называл впоследствии эту победу "матерью полтавской баталии". Голодные и оборванные остатки своего отряда Левенгаупт привел в лагерь Карла.
Примерно в это же время адмирал Апраксин в Ингерманландии победил генерала Либекера. Как утверждают некоторые историки, среди взятых им в плен солдат и офицеров оказался некто Андрей Брюс, оказавшийся впоследствии родственником и московских Брюсов и Питера Генри Брюса. Правда, шотландские официальные документы сообщают, что молодой Генри Брюс (не исказилось ли его имя в русских источниках?), наследник шотландского лэрдства Клакмэннан, сам прибыл в Петербург в 1720 г. (по всей видимости, именно он привез с собой родословную Якова Вилимовича), и Яков Брюс определил его прапорщиком к своему кузену Питеру Генри, служившему в русской армии в чине капитана царской армии. Кстати, сам Питер Генри рассказывает в своих мемуарах о первой встрече с московским родственником. Случилось это в 1711 г. в Германии, когда Яков Вилимович и пригласил его на русскую службу. Немного ниже мы вернемся к этой истории.

Понадеявшись на соединение с лукавым гетманом Мазепой, который обещал поднять свою страну против москалей, и, мечтая о соединении с татарами, турками и запорожцами, Карл XII вступил на Украину. Его ждали новые жесточайшие разочарования: ставка гетмана Батурин была взята и уничтожена Меншиковым, он же разгромил Запорожскую Сечь, а Турция отнюдь не стремилась к вступлению в войну с Россией. Мазепа же привел с собой к шведам не более двух тысяч человек. Силы Карла таяли, русское кольцо вокруг шведской армии сужалось. Участь нового Александра Македонского была решена. Он шел на Полтаву, стремясь овладеть ее запасами продовольствия и воинского снаряжения. В ее взятии была его последняя надежда. Но сил на это уже не осталось...

VII. ОТ ПОЛТАВЫ ДО ТАВАСТГУСТЫ
ИЛИ СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ В ЭЛЬБИНГЕ

Сии птенцы гнезда Петрова -
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.
А.Пушкин

Авторитетнейший историк Е.Тарле, анализируя события Северной войны, подчеркивал, что, собственно, план Полтавской баталии был основан на так называемом «простейшем мнении» Якова Брюса, поданном «в обозе при Полтаве» 4 июня 1709 г. на военном совете, собранном Петром в день его прибытия к войскам. Им говорилось «о необходимости перейти через Ворсклу с 8 или 10 тыс. пехоты, выше Полтавы, и устроить там

ретраншемент, снабдив его не только пехотой, но и конницей. Это учинит неприятелю "великое помешательство". В случае нападения шведов на Полтаву или на ретраншемент — посылать подмогу в помощь атакуемым и если придется, то "прочим всем" неприятеля атаковать. Если атаке подвергнется Полтава, то помощь посылать из ретраншемента, а если атакуют ретраншемент, то посылать из главного ("большого") корпуса 10 батальонов на помощь. А если неприятель атакует шанцы, "то как всем, обретающимся в транжементе" (ретраншементе), так и коннице, стоящей ниже города, напасть на неприятеля».
«Петр расширил и углубил этот план, - отмечает Тарле, — и у него переход через Ворсклу знаменовал наступление момента генерального сражения».

Накануне решающей схватки Карл XII был ранен в ногу и не мог самостоятельно передвигаться. Его армия осталась без вождя, он был не в состоянии полноценно руководить сражением и, тем не менее, назначил атаку на 8 июля 1709 г. Карла носили по полю брани на носилках, Петр же, по своему обыкновению, препоручил командование армией своим генералам, сам готовясь к сражению в рядах армии.
На рассвете шведы атаковали русские позиции. Русская артиллерия, которой командовал Я.В.Брюс, разила неприятеля перекрестным огнем из выдвинутого вперед укрепленного лагеря. По состоянию на май 1709 г., по данным историков, в полевой русской артиллерии числилось 362 человека и 32 орудия. При пехоте имелось также 57 полковых орудий, а при драгунских полках - 13 пушек. Всего в Полтавской баталии было задействовано 102 русских орудия, 87 из них - под командой Брюса. Полк шведской полевой артиллерии насчитывал 41 орудие, но реально в сражении участвовали только четыре орудия, и то только в самом его начале. Всего Карл располагал 37 тысячами человек, среди них казаки и запорожцы составляли 10 тысяч. В армии Петра I было около 60 тысяч человек.
Это подавляющее преимущество русских в живой силе и артиллерийском огне существенно дезорганизовало шведов еще на раннем этапе сражения. В девятом часу утра основные силы противоборствующих армий вступили в рукопашный бой. И тут одно удачно выпущенное ядро бесповоротно решило судьбу сражения…
Случайным ли было его попадание, метким ли был артиллерист, нанесший удар… Нет, все-таки Судьба снова была благосклонна к начальнику русской артиллерии. В самой гуще битвы, среди разрывов пушечных ядер, стонов раненных и умирающих, воинственных выкриков на враждебных друг другу языках, посреди сабельного звона и лошадиного топота, покрывая своим уверенным голосом звуки боя, этот русский шотландец, с малолетства привыкший не кланяться выстрелам, отдавал приказания своим подчиненным, корректируя стрельбу. Брюс, уверенно державший в своих цепких пальцах подзорную трубу, разглядел пронзительным взором сощуренных глаз в самой гуще ожесточенной массы бьющихся тел свою главную цель. В этот миг его одухотворенное, разгоряченное азартом сражения лицо могло бы напомнить стороннему наблюдателю, если бы он ненароком оказался в тот славный день под Полтавой, о текущей в его жилах крови великих предков. Испокон веков бесстрашные Брюсы под опьяняющее пение волынок и неистовую перекличку барабанов бросались в бой и нещадно крушили англичан, подбадривая друг друга гортанными выкриками на маловедомом Якову каледонском наречии. Они могли бы гордиться своим московским потомком: счастливое ядро, разбившее носилки короля и заставившее шведов на какое-то время поверить в его гибель, внесло в их ряды еще большую сумятицу. Теперь это были уже абсолютно

подавленные, жалкие остатки некогда великой армии.

Вводя в битву главные силы, Петр заявил: "Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего Отечества состояние положил на руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродитися России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние".
В момент решающей схватки 68 орудий вели наступление вместе с первой линией главных сил русской армии. Артиллеристы Брюса шли вперед вместе с ней, в упор расстреливая вначале наступавших, а потом убегающих шведов. Превосходство русской артиллерии обеспечили орудия олонецких, уральских и тульских заводов, заработавших уже в ходе войны, благодаря усилиям вначале Андрея Виниуса, а затем и Якова Брюса. Пожалуй, именно подавляющее превосходство русской артиллерии, если и не сыграло решающую роль в победе русского оружия под Полтавой, то, по крайней мере, позволило свести к минимуму потери русских войск и нанесло катастрофический урон армии Карла. По этому показателю армия Петра Великого может считаться одной из самых передовых в тогдашней Европе. Это отмечают и современные шведские историки. Так, известный исследователь Гуннар Артеус в своей статье «Карл XII и его армия» пишет: «Чисто личный вклад Карла XII в армейскую боевую тактику заключался в последовательном уменьшении роли артиллерии в бою на открытой местности, то есть в реформе, ценность которой очевидно спорна… он применял ее против фортификационных сооружений, а также против укрывшихся за шанцами или иным образом малоуязвимых войск, но почти никогда в открытом полевом бою, поскольку считал, что огневая мощь не компенсирует малую подвижность орудий при наступательном движении пехоты и кавалерии. В других европейских армиях артиллерия, напротив, исполняла важные функции также и в открытых полевых сражениях. Поражение шведской пехоты под Полтавой можно было предотвратить огнем шведских пушек. Артиллерия армии Карла XII была не слишком сильна количественно, но эффективна своим огнем и под Полтавой снабжена хорошим боезапасом. Однако в битве она была представлена всего лишь четырьмя орудиями. Это обстоятельство может служить примером того, как король обычно применял свою артиллерию, - и выявить единственный, но значительный минус в боевой тактике главной каролинской армии».
Русская армия не преминула обратить минус противника в свое колоссальное преимущество. На поле под Полтавой артиллерия, любовно прозванная впоследствии нашим народом «богом войны», вполне оправдала возлагаемые на нее надежды и доказала свое право впредь именоваться именно так. Примерно через два часа жесточайшего сражения шведы были полностью разгромлены. Потери, по официальным русским данным, составили у шведов 8619 убитых, у русских - 1345. Карл XII с немногими верными людьми, войсковой казной и казаками Мазепы, не позабывшего также прихватить два бочонка золота, бежал в Турцию и еще несколько лет скрывался в Бендерах, подстрекая султана к враждебным действиям в отношении Петра. Так под Полтавой погибла великодержавная Швеция. На ее развалинах родилась новая великая держава Европы - Россия.

Петр щедро наградил победителей, генералов, офицеров и солдат. Среди них и Якову

Брюсу была пожалована высшая награда России - орден св. Андрея Первозванного и, как водится, крупное поместье. Это вознаграждение было совершенно заслуженным: столь блестящая победа едва ли могла быть одержана без превосходно организованной артиллерии.
Учреждая предположительно в 1698 г., после своего возвращения из-за границы главный российский орден св. Андрея Первозванного, Петр писал, что делает это "в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные государю и Отечеству оказанные заслуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолюбия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздеяние".
Выбор св.Андрея как патрона ордена был не случаен. Апостола Андрея издавна почитали на Руси как святого покровителя русской земли, который "на горе, близ Днепра реки, благословляя всю Российскую землю, семя Святого Евангелия разсеял". Но сторонники масоно-тамплиерской теории утверждают, что и здесь не обошлось без влияния британских друзей Петра из числа тайных братьев, а прообразом первой русской награды стал учрежденный королем Робертом Брюсом орден святого Андрея и Шотландского Чертополоха. По еще одной версии, основанной на средневековой легенде, шотландцы (скотты) происходят из Скифии, территориально совпадающей с южными пределами Киевской Руси, где вел свою миссионерскую деятельность святой Андрей. И именно поэтому и Россия, и Шотландия имеют одного небесного покровителя, а сама идея учреждения первого российского ордена тем самым приписывается шотландскому окружению Петра I: братьям Брюс, фельдмаршалу Огильви, генералу Патрику Гордону. В таком случае, надо думать, Якову Брюсу было вдвойне приятно получать свою награду.
Всего за начальный период войны с 1700 по 1711 гг. наш герой был награжден четырьмя орденами четырех европейских государств. Кроме ордена св. Андрея и польского ордена Белого Орла он был также кавалером прусского ордена Черного Орла и датского ордена Слона.

21 декабря 1709 года русские полки триумфальным маршем в честь полтавской виктории прошли по улицам Москвы. А потом вновь начались сражения. Война переместилась в Прибалтику и на море, а затем и в финские владения шведской короны. В 1710 г. Яков Брюс участвовал во взятии Риги (сдалась 4 июля), в сентябре им взят Кексгольм, а вскоре он с новой дипломатической миссией отправлен в Данциг (ныне Гданьск) - взимать с горожан контрибуцию. Это сложное дело он не успел довести до конца, так как был отозван для подготовки новой кампании, на сей раз против турок. "По письмам генерал-лейтнанта Брюса отпусти свинцу сколько требовать будет, також и впредь, что к алтилерии требовать в сем походе будет, отпускай", - писал Петр в июне 1711 г. киевскому губернатору князю Д.М.Голицыну.
Как вспоминает Питер Генри Брюс, в 1710 г. он получил от своего двоюродного дяди письмо из Эльбинга с приглашением перейти на службу в русской артиллерии. В то время ему было 18 лет, но он уже успел понюхать пороху на войне и прошел через три военные кампании. Тот факт, что Яков Брюс сам пригласил его на службу в свое ведомство, свидетельствует в пользу того, что генерал также хорошо был знаком с семейными преданиями, и приложил определенные усилия, будучи в Пруссии, к разысканию своей германской родни. Эти поиски увенчались успехом. 9 мая 1711 г. (ст.стиля) Питер Генри нагнал в пути своего нового покровителя, уже покинувшего Эльбинг, встречен был с

радушием и принят в русскую службу для исполнения инженерных задач в чине капитана артиллерии. По свидетельству Питера Генри, в русской артиллерии числились накануне нового похода 2400 человек, среди них бомбардиры, стрелки и минеры.
Мемуары П.Г.Брюса дают нам представление о некоторых функциях, возложенных на Якова Вилимовича во время его германской командировки 1710-1711 гг. Генерал путешествовал в компании нескольких офицеров, нанятых им на русскую службу, двое из которых предназначались им для службы в инженерных соединениях.

Яков Вилимович взял на себя заботу о молодом родственнике, который, казалось, заменит ему рано умерших детей. Он любезно пригласил племянника разделить с ним поездку в его собственной дорожной карете. Отеческое отношение Якова Вилимовича, а впоследствии и материнская забота Маргариты Брюс тронули юношу, но, если судить по мемуарам Питера, его ответные чувства в конечном итоге оказались гораздо более взвешенными. Опеку высокопоставленного двоюродного дяди и его жены он принял с благодарностью, но между ними всегда сохранялась определенная дистанция; Яков Брюс так и остался для него, в первую очередь, генералом и графом. Думается, однако, что это неплохо характеризует молодого офицера, который сумел с достоинством принять попечение знатного родственника, не уронив при этом чести собственного рода и не давая своему благодетелю повода испытать неудобства, которые могли быть вызваны его появлением.

Именно Питеру Генри Яков Брюс и поведал в пути историю, напоминание о которой вынесено в название главы. Находясь в Эльбинге, русский генерал спас старика от сожжения на костре.
У этого несчастного старика-аптекаря был единственный сын, которому он и передал все, чем владел на этом свете - свое дело и скромные сбережения, с условием, что сей последний будет содержать его до самой смерти, употребив на это доходы от этого небольшого семейного предприятия. Сын согласился на это условие, и все было бы хорошо, если бы не одна беда. Как это часто бывает, жена сына ненавидела старика и так дурно с ним обращалась, что он почел за лучшее для себя покинуть собственный кров и у чужих людей искать пропитания и жилья. Однако сын его, по наущению своей благоверной, отказался уплачивать за стол и квартиру своего отца. В конце концов, терпению хозяев пришел конец, и они подступили к старику с угрозами отправить его в тюрьму, если он не возвратит свой долг.
Все несчастья, происшедшие с аптекарем, повредили его рассудок, и он вообразил, что нашел единственное средство к перемене собственной участи. В состоянии сильного душевного потрясения написал он обязательство предать себя самого, душу и тело свои в руки дьявола, если тот взамен выдаст ему требуемую сумму денег. Написав это отчаянное послание, старик по обычаю скрепил его собственноручной кровавой росписью.
Однако мало было написать расписку сатане, необходимо было доставить ее адресату. Как сделать это, старик не знал, но воспаленное приключившимся с ним несчастьем воображение подсказало, как ему казалось, блестящий выход. Аптекарь отправился на перекресток двух дорог, полагая, что это наиболее подходящее место для того, чтобы вступить в сношения с дьяволом. Там выкопал он неглубокую яму, в которую и положил свое заветное обязательство.
Изо дня в день возвращался он на сокровенное место в надежде, что дьявол уже внял его

мольбам. Но время шло, окровавленная бумага оставалась на своем месте, а денег не появилось. Полагая, что князь тьмы насмехается над его бедами, старик горько сокрушался о своей незадачливой участи и разражался громкими проклятиями в адрес нечистой силы, проявившей завидное равнодушие в деле уловления его души, которую он с такой готовностью сам предавал в адские тенета.
Такое странное поведение, в конце концов, привлекло внимание, но не нечистого, а работников, которые трудились по соседству. Они выследили незадачливого дьяволопоклонника, который привел их к месту своего грехопадения. Извлекши на свет божий богопротивную расписку, работники, недолго думая, отправились с ней прямиком в городской магистрат. Аптекаря незамедлительно взяли под стражу и, учинив ему допрос с пристрастием, присудили к сожжению.
К счастью, герой наш, обретавшийся в эту пору в Эльбинге, своевременно получил известие о предстоящей казни. Проявив похвальное внимание к судьбе выжившего из ума старика, русский генерал употребил все свое влияние и убедил магистрат и городской суд, что наказание должно пасть не на несчастного, которого печальные обстоятельства побудили к такому неразумному шагу; но на сына его, своим бессердечием доведшего собственного отца до крайней степени нужды и отчаяния.
Возобновившееся следствие было скоротечным, и справедливость восторжествовала. Аптекарь был освобожден, а сын его присужден к уплате всех долгов. Результаты не заставили себя ждать: перемена участи вернула старику разум и здравомыслие.
Таким образом, обращение немца-аптекаря к дьяволу не было напрасным, и он получил свое, хотя бы и столь замысловатым образом.

29 мая (ст.стиля) в Яверове Яков Брюс присутствует на негласной церемонии бракосочетания Петра и Екатерины. Из Германии путь его лежал на юг: Россия вступала в новую войну.
1711 год ознаменовался бесславным Прутским походом против Турецкой империи, после которого Россия надолго лишилась всех своих территориальных приобретений на Черном и Азовском морях. Вступившие в турецкие пределы русские войска располагали 122 орудиями. Брюс жаловался Шереметеву, что многие артиллеристы «уже не ели ничего дней по пяти и по шти (шести)». Тем не менее, на военном совете, созванном в его палатке 14 июня (ст.стиля) после форсирования Днестра, Яков Вилимович поддержал идею дальнейшего движения вглубь неприятельских владений, идею, в конечном итоге чуть не повлекшую за собой крах России.
Петр был настолько обнадежен письмом валашского князя Кантемира, который обязался предоставить в его распоряжение 30000 своих людей, что полагал возможным идти вперед, не дожидаясь прибытия задержавшихся в пути частей. Лишь генерал Галлард нашел в себе силы выразить сомнение в успехе похода, напомнив царю о судьбе Карла XII, погубившего свою армию под Полтавой в сходных обстоятельствах.
Печальные последствия рискованных действий не замедлили явиться. Подошедшие к реке Прут русские войска оказались окружены многократно превосходящей их турецкой армией. На другом берегу, как стервятники, поджидали крымские татары и шведы. От мгновенного разгрома петровские войска спасло только то, что турки не догадались о своем подавляющем преимуществе: русские начали сжигать лишнее имущество, готовясь к прорыву из окружения налегке; множество костров ввело турок в заблуждение относительно численности русских войск.

В печально знаменитом Прутском сражении 9-10 июля 1711 г. артиллерия Брюса действовала на пределе возможностей. Орудия стреляли двойным (ядро+картечь) зарядом, производя огромное опустошение в рядах турок. Но только скорый мир мог спасти армию и царя, и Яков Вилимович одним из первых поддержал идею начала переговоров с турками. В конечном итоге русской армии удалось сохранить даже пушки и отступить с достоинством.
Для самого Якова Брюса этот год стал пиком его военной карьеры. 3 августа 1711 г., вскоре после смерти в шведском плену князя Имеретинского Петр присвоил Брюсу звание генерал-фельдцейхмейстера. Он по-прежнему неотлучно находился при царе, который с частью армии вновь отправился в поход против шведов в Германии.

Именно здесь, пожалуй, будет наиболее уместным подвести итог военно-административной деятельности нашего героя. Говоря о состоянии русской артиллерии до Брюса, мы воспользовались цитатой из Корба. Полагаем, что и в данном случае стоит прислушаться к словам современников, тем более что на сей раз это будут мнения военных специалистов. Бурхард-Христофор Миних, крупнейший русский военачальник времен Анны Иоанновны, одно время исполнявший должность, прежде занимаемую нашим героем, в своем «Очерке управления Российской империи» особо отмечал, что Петр «благодаря стараниям генерал-фельдцейхмейстера графа Брюса значительно увеличил артиллерию осадную, полевую, полковую, крепостную, а также и морскую». Еще один немец на русской службе Х.-Г.Манштейн дает деятельности Якова Вилимовича более развернутую оценку:
«Брюс... первым в царствование Петра I ввел хорошие основания и порядки в артиллерию, и смело можно утверждать, что русская артиллерия так хорошо устроена и ею умеют действовать так искусно, что с нею могут сравниться весьма немногие артиллерии в Европе, а превосходят ее и еще менее того. Это единственный отдел военного искусства, которым русские занимаются весьма ревностно и в котором есть искусные офицеры из русских.
Число пушек в этой империи громадно. В 1714 г. в России насчитывали их 13 000; с тех пор число орудий значительно увеличилось, так как их постоянно отливали в шести различных местах, именно: в Москве и Петербурге льют медные пушки, в Воронеже, Олонце, Систербеке и Екатериненбурге - чугунные...
Брюс позаботился также об устройстве корпуса инженеров и основал в Москве и Петербурге училища, в которых преподавали молодым людям практическую геометрию, инженерную науку и артиллерию».

В последней своей крупной воинской кампании, в Померании и Голштинии в следующем году, когда северные союзники вели захват германских владений Швеции, нашему герою довелось командовать соединенной артиллерией России, Дании и Саксонии. В начале ноября 1713 г., как утверждают некоторые исследователи, Брюс участвовал в своем последнем сражении со шведами у финского городка Тавастгуста. Впрочем, не исключено, что они путают его с братом Романом, который действительно в это время принимал участие в финской кампании. Впереди у Якова Вилимовича были еще годы успешной государственной и дипломатической деятельности. Но прежде, чем говорить о них, вспомним, что судьба Якова Брюса, помимо всего прочего, ознаменована и широкой научной, просветительской и издательской работой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
НА СВОЕМ МЕСТЕ

VIII. НЕ НЬЮТОН. И ВСЕ ЖЕ...

И раньше многие добивались попасть в Брюсы, и теперь сколько профессоров и докторов добиваются, да не выходит ихняя затея.
Е.З.Баранов

Около сорока лет прошло после смерти Петра Великого, а Ломоносов все еще считал нужным убеждать своих читателей, "что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать"! Что же можно сказать в таком случае об эпохе великого реформатора? Пожалуй, только то, что при нем современная российская наука и система просвещения еще находились в колыбели. Колыбель эту покачивало, в сущности, не так уж много людей. И, вне всякого сомнения, Якова Брюса следует назвать в их числе первым.

Воистину, достойна всяческого уважения и удивления фантастическая работоспособность этого человека. Около тридцати лет отданы им воинской службе, еще около пятнадцати службе государственной, но ни на один день не прекращал он своей научной и просветительской деятельности. Да, Яков Брюс не был ни Ньютоном, ни Лавуазье, ни даже Ломоносовым. Но, не будь его - как знать, имела ли бы Россия в своей истории столь выдающуюся плеяду ученых, которая не пресекается по сию пору.

Как мы уже отмечали, большую часть познаний в науках и языках Брюс получил благодаря семейному воспитанию и самообразованию, многое приобрел за год учебы в Англии (сохранились его математические и астрономические рукописи и конспекты лондонского периода). Бльшая часть его огромной по тем временам библиотеки (более 750 наименований и 1500 томов) была после смерти владельца описана и передана в Петербургскую Академию наук.

Когда он покидал после отставки Петербург, его книжное собрание едва уместилось на десяти возах. Благодаря составленным позднее описям мы можем судить о разносторонности интересов русского горца и о глубине его осведомленности в тех или иных вопросах. Собрание книг Якова Брюса можно назвать энциклопедическим, так же, как и круг его интересов. Нет почти ни одной научной дисциплины, по которой у Брюса не было бы книг. Научная литература преобладает. Около 2% составляет художественная, около 7% - философская и религиозная.

Большую часть библиотеки составляла литература по физико-математическим (233 книги) и военным наукам (91 книга). Немало книг было по гуманитарным наукам, особенно истории и философии, а также по филологии, архитектуре и медицине. Библиотека содержала множество книг также и по медицине, химии, навигации, искусству рисования, пиротехнике, географии, биологии. Всего не перечислить. А ведь еще имелись и книги по домоводству и огородничеству, наставления о правилах хорошего тона! Причем, по большинству всех названных предметов имелось в наличии по несколько книг разных авторов, что давало возможность гораздо полнее изучить тот или иной вопрос.

Как единая коллекция собрание книг Брюса до наших дней не сохранилось, их принадлежность владельцу определялась по описи и экслибрису Брюса, основанному на

его графском гербе.
Часть книг и рукописей Брюса вообще не попала в фонды Академии наук, многое было разворовано академическими сотрудниками в XVIII в. Около 30 книг в начале XIX в. Были переданы пострадавшей от пожара университетской библиотеке в Хельсинки. Большую часть библиотеки составляли издания на английском языке, также на немецком и голландском. Из книг на русском языке удалось обнаружить только пять, хотя согласно описи их должно быть 38. Лучше сохранились рукописи: из 52 в фондах Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге имеются четыре русские и 20 иноязычных.
В целом, как отмечают авторитетные исследователи библиотеки С.П.Луппов и Е.А.Савельева, в настоящее время книги из библиотеки Брюса (общим числом более 800 экз.) хранятся в разных отделах БАН: рукописи и часть печатных книг, карты и атласы находятся в отделах рукописей, редкой книги, в секторе картографии, часть книг – в иностранном фонде.
Собрание книг Брюса включало издания на всех основных европейских языках, живых и мертвых, на которых тогда вообще могла издаваться какая-либо литература. Здесь были и популярные в начале XVIII века произведения современных и античных авторов, среди них столь любимые Петром Великим басни Эзопа (он их часто цитировал), стихи Анакреона, "Декамерон" Бокаччо, "Гаргантюа и Пантагрюэль" Рабле, труды Тита Ливия, Иосифа Флавия, Плутарха, Овидия, Тацита, Леонардо да Винчи. Упомянем еще произведения Сенеки, Лукиана, Свифта, Демокрита, Корнелия Непота, Вергилия, Сервантеса, "Приключения Телемака" Фенелона, басни Лафонтена!
Работы известнейших ученых древности и современности украшали библиотеку. Так, конечно же, Брюс обладал изданиями нескольких книг Ньютона, помимо этого, работ Архимеда, Гевелиуса, Евклида, Вобана, Галилея, Галлея, Декарта, Роберта Бойля, Фрэнсиса Бэкона, Германа Бургаве (чьи исследования составили славу Лейденского университета и анатомического театра и по чьим "Афоризмам" в те годы изучали в России хирургию). Книги по истории Шотландии и Англии соседствовали с большим количеством карт земель и морей, атласов земли и неба (среди них были работы знаменитого географа Меркатора).
Особняком стоят такие издания, как, например, книги о зарубежных кунсткамерах, описания погребений тех или иных знатных персон Европы (все это разнообразие пришлось весьма кстати при решении аналогичных задач русского двора).

Глубоко заблуждаются те, кто полагают, что интерес к тайным наукам был Брюсу абсолютно чужд. Мы уже не раз касались вопроса о том, почему его привлекали эти науки. И опись библиотеки - очередное тому доказательство. Любому маломальскому знатоку астрологии знакомо имя Альберта Великого, мыслителя раннего средневековья. А что уж говорить об "Алхимическом лексиконе" Иоганна-Михаэля Фауста. Да-да, того самого, который стал вначале героем средневековых легенд, а потом и персонажем Кристофера Марло и Гете!
Менее известны имена других авторов, астрологические труды которых были приобретены Брюсом для своего книжного собрания. Упомянем "Алхимию" Петера Кертценмахера (ее первое издание вышло, кстати, в 1598 г.), "Здравую, дозволенную и природную астрологию" Тобиаса Бёйтеля, работы алхимика XV в. Василия Валентина и книгу о нем самом.

Хранились в библиотеке и работы арабских астрологов, создавших в течение сотен лет свою оригинальную и разветвленную школу гадания и астрологии. Что интересно, именно их наличие позволяет нам соединить в одну цепочку имеющиеся в нашем арсенале сведения о библиотеке Брюса и о книжном собрании в Сухаревой башне, сообщенные «Григорием Книголюбовым». Так, труд Абу Али бен-Омара, переведенный в средние века на латынь под названием "Astrologia terrestris", и еще несколько томов, привезенных из Германии, были посвящены геомантии. Эта отрасль тайных наук касается гадания с помощью нанесения на песке точек и штрихов, образующих различные фигуры, которым придается определенное значение. Впоследствии для этих целей использовался лист бумаги с нанесенными на него точками, на который бросали зернышко.
Так вот, на Руси подобным гаданием занимались по "Рафлям"! Так почему же, имея в своем распоряжении "Astrologia terrestris", герой нашего повествования не мог владеть списком "Рафлей"? Анализ библиотеки Брюса только укрепляет нас в уверенности о достоверности всех приведенных нами ранее сведений.
В сущности, книг о тайных искусствах в его библиотеке сохранилось не так уж много. Либо их действительно было сравнительно небольшое количество, либо правы те энтузиасты, которые надеются отыскать остальные. Косвенные свидетельства, как мы уже говорили (и еще не раз отметим в следующих главах), позволяют им мечтать об этом.

Наше внимание при изучении описей библиотеки Брюса (современной и составленной в 1735 г.) привлекло значительное количество теософской и теологической литературы, которое слишком велико для библиотеки ученого-рационалиста, каким пытались нарисовать его русские и советские историки. Тут не только Библия, представленная рядом изданий практически на всех языках, на которых вообще имеются книги в библиотеке (а еще и отдельные издания Нового Завета), не только "Отче наш на многих языках", как написано в старой описи. Среди фолиантов Брюсова собрания значатся труды Мартина Лютера, что вполне объяснимо, если вспомнить, что Я.В.Брюс был протестантом.
Кроме того, обратившись к описи, обнаруживаем там под номером 341 "Философия мистика", 705 - "Краткое и лехкое познание опасности о христианской вере доказателство", 717 - "Основание и притчина пренебрежения церкви и веры" и т.д. В современной описи значатся теологические трактаты Галилея, "Астротеология" и "Физикотеология" Вильяма Дерама, произведение Джона Толэнда под любопытным заглавием "Христианство не таинственно или Трактат, показывающий, что в Евангелии нет ничего противного разуму и ничего, ему недоступного, и что христианская доктрина не может быть, собственно, названа тайной". Английский перевод французского богословского труда Августина Калмета был сделан Джоном Коулсоном, известным нам учителем Брюса.
Надеемся, что наш читатель, ознакомившийся с предыдущими главами книги, уже и сам в состоянии объяснить для себя истоки интереса Якова Брюса к философским и теологическим вопросам.

Брюс был одним из тех, кто положил в России начало коллекционированию. В Санкт-Петербургском Отделении Архива РАН сохранилась опись его живописной коллекции, переданной после его смерти в Кунсткамеру. Брюс коллекционировал картины англичан и фламандцев, русских мастеров. К сожалению, авторы собранных им 37 работ неизвестны,

но любопытен хотя бы перечень сюжетов. Тут были портреты всех русских царей от Иоанна Васильевича до покойного брата Петра Ивана V, несколько пейзажей и натюрмортов; ряд изображений на библейские и легендарные сюжеты («Лот с дочерьми», «Мадонна с младенцем», «Явление Христа», «Мария Магдалина», «Орел, клюющий печень Прометея»), несколько жанровых произведений и образцов портретной живописи. Здесь же был и портрет самого Брюса кисти неизвестного мастера.
Являясь в значительной мере своеобразным alter ego великого императора, Брюс проявил завидное упорство в собирании "куриозностей", которые после его смерти пополнили и существенно облагородили впечатляющую сокровищницу "монстров и уродов" - петровскую Кунсткамеру, многие экспонаты которой преемники Петра I просто не рисковали выставлять на всеобщее обозрение, чтобы ненароком не подмочить блестящую репутацию покойного "Отца Отечества" созерцанием плодов его своеобразных пристрастий. Брюсова коллекция китайских редкостей (куклы, зеркала, туфли, образцы шелкографии) осталась потомству в память о его увлечении Дальним Востоком, а его собрание монет и прочих "антиквитетов" вообще было, по оценке современников, едва ли не лучшим в России. 35 гемм из коллекции Брюса представляли собой серию портретов русских царей работы нюрнбергского резчика И.Дорша.
Кабинет Якова Брюса, завещанный им Академии наук, включал в себя "математические, механические и другие инструменты, также натуриялии, минераллы, антиквитеты, личины и вообще как иностранныя, так и внутренния куриозности". Примерно половину всех предметов кабинета составляли инструменты, представлявшие по тем временам действительно немалую ценность: циркули, ватерпасы, транспортиры, линейки, "розмер ядрам и бомбам и гранатам", квадранты, астролябии, компасы, механические и солнечные часы, подзорные трубы, увеличительные ("зажигательные") стекла, секстанты, "пороховые пробы", микроскопы и т.д. Благодаря этому посмертному дару Брюса Академия наук долгие годы не имела надобности в закупке многих дорогостоящих приборов.
Весьма интересовался знаменитый русский шотландец камнями и минералами. К примеру, 23 марта 1716 г. (ст.стиля) он писал в Казань майору Молоствову: «Посланной от вас камень я получил, за которой благодарствую. А оной камень подлинно мрамор... А паче прошу, о чем и наперед сего просил вас, о присылке каменя алебастра, под которым сера самородная водитца, чтоб оного, выломя, прислали ко мне, а именно чтоб алебастр вместе с серою срозсаб». Многие интересные образцы геологической коллекции Брюса попали впоследствии в распоряжение Академии наук.
Брюс собрал прекрасную коллекцию монет, уникальную для своего времени в России. 70 золотых и серебряных монет, переданных в Кунсткамеру – раритеты античной нумизматики, македонские и фракийские, афинские и коринфские, римские и византийские. О редкой бактрийской монете Брюс даже делал доклад в Академии наук, позже использованный академиком Т.З.Байером для своей публикации.
Из "натуральной" части собрания упомянем около ста морских раковин, клешню морского рака, "кость мамонтовой головы, при ней два зуба да кость от ноги" (наверняка, подарок от В.Н.Татищева, уделившего немало времени изучению этих ископаемых животных), "ноготь белого медведя круглой" и т.д.
Собрание Брюса, таким образом, представляло собой типичную для того времени причудливую смесь предметов, обыкновенную для европейских кунсткамер XVII-XVIII веков. И, безусловно, Яков Брюс не был бы самим собой, если бы его кабинет не содержал

предметов, которые в глазах современников упрочивали его посмертную славу некроманта. Так, по описи в кабинете значились:
"66. Камень неизгараемый в ящике сосновом. 75. Тыква индейская пустая. 77. Зеркало кругловатое неболшее, в котором кажет болшое лицо. 89... В лубочке на палмовом листе писано балабарским языком... Штука кирпича старинного с подписанием татарским (множество переведенных татарских надписей хранилось в собрании Брюса - авт.)... Печать на шолковом снурке от бухарского хана... Десять приказаний жидовских на бумашке писаны (по-видимому, всего лишь текст десяти заповедей! - авт.)".

Некоторые современные авторы выдвигают гипотезу о том, что прадед Якова Брюса, Роберт, будучи с шотландской дипломатической миссией в Китае, тайно вывез оттуда материалы по китайским методам обучения войск, в том числе и «72 воинских искусства», которыми якобы воспользовался его правнук, находясь на службе у Петра I.
Однако рискнем предположить, что интерес Якова Вилимовича к восточным культурам был, по-видимому, связан еще и с его глубоким знанием западноевропейской алхимической традиции. Мы еще коснемся достаточно подробно этого вопроса в одной из последующих глав. Здесь же отметим ту принципиальную разницу в подходе к алхимическим процессам, которая отличает ученых мужей Востока и Запада, и которая должна была заинтересовать нашего героя. При значительном сходстве конечных целей адептов западноевропейская алхимия построена на осуществлении лабораторных химических процессов, восточные же мудрецы в основу своих учений положили тезис о так называемой «внутренней алхимии», то есть все стадии алхимического действа должны были происходить в организме адепта, который стимулировал их выполнением определенных физических упражнений и медитаций.
Якову Брюсу, хорошо знакомому с трудами европейских искателей «философского камня» и, очевидно, имевшему какое-то начальное представление о многовековых восточных практиках достижения духовного совершенства, должна была прийти в голову смелая идея о возможности слияния обоих ответвлений алхимии. Шире - превращения в единое целое научных школ Востока и Запада. Для ученого начала XVIII в., которому самой судьбой определено было родиться на стыке европейской и азиатской цивилизаций, это была воистину достойная и благородная задача. Лейбниц в далекой Германии мечтал о подобной удаче. Брюс же имел реальные шансы осуществить грезы европейских исследователей и свои собственные чаяния.
Огонь мечты разожгло в нем неожиданное появление в русских пределах желтолицего чужестранца, которого привез с собой в 1701. в Москву путешественник В.В.Атласов. Это был единственный оставшийся в живых рыбак с лодки, которую прибило к берегам Камчатки тремя годами ранее - первый японец, попавший в Россию в те времена, когда в Москве имели еще весьма смутное представление не только о самой его стране, но даже о ее местоположении.
«Апонского государства татарин именем Денбей» был приписан к Брюсову Приказу артиллерии. Он очень быстро обучился русскому языку, принял православие под именем Гавриила и стал, в свою очередь, преподавать японский. Школа переводчиков с японского просуществовала в Москве до 1739 г.
Брауншвейгский резидент Ф.-Х.Вебер сообщал в своих «Записках», что по настоянию Брюса была снаряжена экспедиция для поиска пути в Японию и исследования побережья этой неведомой страны, но разразившийся шторм погубил корабли. «У сего Брюса, -

писал далее Вебер, - был кабинет китайских редкостей, и он очень сожалел, что невозможно никак приобрести точных сведений о положении и особенностях Китайского государства, потому что наряжаемые туда посольства и все русские купцы не имеют права оставаться там долее 3 или самое большее 4 месяцев».
Позднее при участии Брюса были организованы еще ряд экспедиций, в том числе во главе с Витусом Берингом, но ни одной из них не суждено было продвинуться столь далеко в изучении восточных пределов Российской империи. Понадобилось еще полтораста лет, чтобы русские моряки бросили якорь у японского берега, о чем прекрасно рассказал И.А.Гончаров в своем «Фрегате «Паллада». Но интерес к Востоку в России не угас. Напротив, он неуклонно развивался, и, в конце концов, Россия подарила миру таких знаменитых исследователей азиатской эзотерики, как Рерихи и Блаватская.

Собственные научные, в основном, астрономические изыскания Брюс начал примерно с 1700 г. Часто делал он их по указанию Петра I, который и сам любил наблюдать затмения и обсуждать их с приближенными. Трудно переоценить значение этой склонности царя. Как и в случае со всеми другими делами, начиная все сам, Петр делал новое явление обыденным, приучая к нему подданных. Астрономические наблюдения требовали приобретения специальных инструментов, и таким образом в России зарождались основы практического познания Вселенной и индустрия изготовления научных приборов. На таком фундаменте уже можно было строить здание российской науки.
Для Брюса астрономия была делом всей его жизни. Переписка Брюса с Петром на протяжении всей жизни полна сообщений о научных наблюдениях, о переводах тех или иных книг, закупке приборов, подготовке учебных пособий. Заранее просим у читателя извинения за то, что эта глава будет изобиловать цитатами, трудными для восприятия современного человека, но документы скажут обо всем лучше нас.
Так, 22 марта (ст.стиля) 1699 г. Брюс из Москвы давал царю указания, как ему следует наблюдать солнечное затмение, как воспользоваться необходимыми к сему делу инструментами. Петр писал Брюсу 31 мая (ст.стиля) 1707 г., "чтоб он переводил книги, одну новую о употреблении цыркуля, такоже две книги Бухнеровы, одна на русском, другая на немецком, дабы исподволь оную исправить, понеже в некоторых местах смятно переведено. Еще же вам посылаю книгу математицкую, а хороша ль, не знаю".
На это письмо Яков Вилимович отвечал так: "Всемилостивейший царь государь. От величества вашего присланную ко мне книгу о употреблении цыркуля и линейки получил я сего месяца 7-го числа и уже начал оную переводить, которую не замешкав переведу; також и книгу Бухнерову, по переводу вышеписаной, исправляти буду. А математическую книгу, которую изволил мне прислать, и та изрядная, толко оная отчасти узловата есть, а писано в оной о оптике, или зрительном художестве, отчасти о астрономии, також о хронологии, или времяведение, и пространно о гномоике, или делание солнечных часов, за которую вашему величеству всеуниженно благодарствую и остаюсь вашего величества, моего всемилостивейшего государя, всенижайшим рабом."
Из переписки ученого генерала и царя известно, что Брюс занимался изучением пятен на Солнце, наблюдал падение болидов под Нарвой и в Санкт-Петербурге. Несомненно, опубликованные еще в петровское время астрономические измерения, касающиеся российских столиц, также были произведены Брюсом. Но наибольший вклад в развитие российской астрономии Брюс внес приобретением и изготовлением астрономических приборов.

Суровая походная жизнь отступающей армии не слишком располагала к научным занятиям. И все же, пересиливая себя, побеждая усталость и болезни, до ломоты в спине, до черноты в глазах, до мозолей на пальцах, одержимый жаждой познания, Яков Вилимович читает, пишет, переводит, делает измерения, проводит наблюдения…
"Всемилостивейший царь, государь, - обращается он к Петру в одном из писем 1708 г. - Вашего величества тщанием внов напечатанную ко мне посланную книжицу о комплиментах получил я с немалою радостию, не токмо ради того, что оная так преизрядно напечатана, что едва ль возможно Латынским... (часть текста не сохранилась - авт.) оныя лутчей напечатать, но и ради оныя на..., понеже будет многим в ползу, за которую все... благодарствую. Что принадлежит первыя части Брауновой артилерии, и я оную еще всю не мог выправить за проклятою подагрою, которою одержим был болши четырех недель, а потом припала было горячка, от которой у меня так было повредились глаза, что долгое время не мог оных к многому читанию и писанию употребить, к тому оная такова неисправна, что принужден чуть не каждую строку переписывать не толико з... переводчика, который таковым делом был не за о..., но сам творец тое книги такой стилусь во оной..., что зело трудно ево мнение разуметь и тому, кто оному делу и сам искусен, а наипаче в геометрическом вымерение и вычитание, и мню я, что еще не будет оное дело доволно внятно тем, которыя таким вычетам незаобычайны. Теперь у оной осталось до совершенного выправления дней на пять дела, и по окончанию тое части начну другую, от вашего величества вновь присланную, исправляти»...
Этими трудами при коптящем светильнике заработан генералом пронзительный, слегка близорукий взгляд; мешки под глазами - от сильнейшей усталости и бессонных ночей; напряжение ума перерезало переносье высокого лба глубокой морщиной; но твердая воля и устремленность к цели резко очертили упрямый абрис рта с надменно выступающей нижней губой.

Отложив в сторону очередной переводимый труд, генерал-фельдцейхмейстер принимается за заботы геральдические, которые препоручил ему государь в стремлении придать дворянству российскому вид благородства наподобие европейского. «На Москве будучи, изволили ваше величество мне приказывать, дабы в гербе господина адмирала Опраксина, с ним поговоря, переправить Астраханский герб; и я из его разговору мог дознаться, что ему токмо хощется, чтоб одну корону по старинному обычаю написать, а чтоб сабля под оным лежала по прежнему; и в том, почитай, не будет перемены, и я ныне не токмо корону переменил, но и к прежней сабле другую, накрест в корону вложено, прибавил, дабы те ж вещи в нем были, токмо иным подобием и иное значили, и тот герб послал я к вашему величеству при сем письме... Засим не имею иного чего к дополнению вашему величеству, но токмо остаюсь, доколе жив есмь, вашего величества, моего всемилостивейшего царя государя, нижайший и покорнейший раб Яков Брюс".
16 марта (ст.стиля) 1716 г., из Санкт-Петербурга: "По указу вашего величества писал я в Ниренберг (Нюрнберг) о делании против среднего атласа 24 карт, и во что оные станут и сколь скоро сделаются..."
18 июля (ст.стиля) 1716 г.: "Было мое желание за несколько времени вашему величеству донести, что я в солнце пятна усмотрел, однакож опасался в таких многодельных временах вашему величеству так малым делом докучать... И понеже сие, колико мне известно, уже с 30 лет не видно было, и я от роду своего впервые увидел, того ради не мог

удержаться, не донеся о сем вашему величеству".
8 февраля (ст.стиля) 1717 г.: "Изволили ваше царское величество приказывать мне, чтоб по азбуке приискать пристойное что, по чему б младые дети возмогли обучитися, и я таковых нашел две книжки, из которых перевел одну у себя и присовокупил к азбуке, каковы здесь продаются".
6 мая (ст.стиля) 1717 г.: "Понеже зело здесь (в Петербурге - авт.) медленно печатаются книги, того ради ваше величество не соизволит ли к графу Пушкину отдать географию напечатать в Москве, кроме описания российского государства, которое в оной неисправно написано, или до приезда вашего величества оное отложить?"

По заданию Якова Брюса над переводами книг трудился целый штат переводчиков, но он тщательнейшим образом контролировал работу каждого из них. Документы сохранили для нас, в частности, имена троих: на 1716 г. "переводчикам двум: Томасу Виту, Ягану (Иоганну) Вулфу, которые у генерала-фелцейхмейстера Брюса переводят швецкия и немецкия книги" было определено годового жалованья "по триста рублев человеку, и того шестьсот рублев, да подьячему, который при них для переписыванья их переводов, тритцать шесть рублев". В штате переводчиков, работавших с Брюсом, состоял и знаменитый в свое время И.Ф.Копиевич.
Яков Вилимович и сам переводил с нескольких языков: книги по артиллерии, математике и голландскому языку, составил русско-голландский "Лексикон" и т.д. Один перевод, сделанный в 1716 г. Брюсом, необходимо вспомнить особо: ведь это была книга знаменитого астронома, друга Ньютона Христиана Гюйгенса "Космотеорос" ("Мирозрение или мнение о небесноземных глубусах"), издание которой в России (дважды - в 1717 и в 1724 г. в Петербурге) для своего времени стало настоящей сенсацией, сделавшись предметом как яростных нападок ревнителей христианской веры, так и причудливых шуток царского шута Лакосты. А все дело было не только в том, что в переведенной книге впервые в России излагалась система мира по Копернику. Мало того: Гюйгенс позволил себе утверждать мысль о множественности миров, о возможности жизни на других планетах; мысль, которую еще в середине прошлого века в России считали "астрономическими мечтами". В петровское же время о «Мирозрении» говорили, что "оная книжица самая богопротивная, не чернилом, но углем адским писанная и единому только скорому сожжению в срубе угодная"! Еретичность ее и заключалась в пропаганде идеи о множественности миров. Веком ранее за то же самое прегрешение Джордано Бруно был отправлен на костер. Ведь множественность миров предполагала, что жизнь на других планетах могла развиваться по-своему, там Иисус Христос не подвергался казни во имя спасения человечества. К счастью, нашего русского шотландца прикрывал своей властью великий император, а не то гореть бы ему синим пламенем, как замерзелому грешнику. Единственно на что хватило сил у руководителя питерской типографии Авраамова, так это максимально отсрочить время выхода «Космотеороса» в свет, а когда тормозить выпуск книги стало более невозможно, то напечатать ее ничтожным тиражом. Воистину, велик и труден путь, пройденный русской наукой от времен Якова Брюса до Константина Циолковского и Сергея Королева!

С переводческой работой Брюса напрямую связана и его издательская деятельность. Как мы уже говорили, при активном содействии Брюса в 1701 г. в Москве была открыта Навигацкая школа, которую он продолжал курировать до самого своего выхода в

отставку. В 1715 г. в Петербурге появилась Морская академия, за работой которой надзирал адмирал Апраксин. Выпускники Навигацкой школы продолжали обучение в академии. Также Брюс организовал и курировал артиллерийские и инженерные школы. Развитие системы образования в России потребовало создания специальной типографии, которая бы печатала, в первую очередь, книги и учебные пособия для учащихся.
В России начала XVIII века на первых порах пользовались книгами, изданными братьями Тессингами в Голландии. Типография Монастырского приказа, возглавляемая Мусиным-Пушкиным, выпускала литературу в основном религиозного, философского и исторического характера. Для издания книг по точным и естественным наукам и учебных пособий появилась примерно в 1706 г. в Москве новая, так называемая гражданская типография, работу которой возглавил Яков Брюс. Точное ее местоположение теперь неизвестно, но предполагают, что размещалась она во дворе дома нашего героя недалеко от Сухаревой башни.
В работе типографии активное участие принимали преподаватели Навигацкой школы Фарварсон, Гвин и Магницкий, иллюстрации для книг делались под руководством Петра Пикарта. Основную же нагрузку по выпуску литературы нес на своих плечах Василий Киприанов, которого в выходных данных именовали «библиотекарем».

Василий Анофриевич Киприанов, подобно своим предкам, занимался в Москве торговлей. Так же, как и Брюс, много времени уделял самообразованию. Сведя знакомство с учителями Навигацкой школы, он начал выпускать учебные пособия для ее учеников. Деловые взаимоотношения с Яковом Брюсом, которому было поручено возглавить работу типографии, переросли вскоре в тесные личные связи. Брюс в течение всей жизни Киприанова покровительствовал ему и не раз спасал от происков недругов, но невзгоды судьбы в конце концов, сломили издателя, и он умер, едва перевалив за полувековой жизненный рубеж.
Начало, впрочем, было весьма обнадеживающим. 18 октября (ст.стиля) 1706 г. Киприанов писал Брюсу: "Пречестнейший, милостивейший господин Иаков Вилимович. Всеусердно желателство имам, во еже здравие вашего честнолепия выну под покровенностию десницы всещедрого Бога сохраняемо да будет, и во всяком благополучном и щастливом пребывании во всеимущих управляемых делех да пребудет. О состоявшейся типографии указом статьи из ратуши во алтилерию присланы, октября в 15 день... Усердно молю твою милость, да невозбранно будет противоуказных статей под надзрительством вашего превосходительства книгам печататися, а именно против статей: арифметики болшия и малыя, хронографцы, лексиконы болшия и малыя на разных диалектах с руским, грамматики на разных диалектах с руским же, и алвары, букварики латино-славенские, книжицы докторские и врачебные, математического учения книги, нотного пения, и иные многие, гражданству приличествующие книги, и всякие листы..."
Планы издателя, как видим, были велики и многообразны. Количество же книг, изданных в типографии и сохранившихся в библиотеках, музеях и упомянутых современниками, на самом деле невелико. Это учебные пособия ("Таблицы горизонтальныя северныя и южныя широты", "Таблицы склонения солнца сочиненныя по амстердамскому меридиану, от лета господня 1720 по 741 год", "Таблицы синусов" и "Земноводного круга краткое описание" Иоганна Гюбнера). Помимо этого, в типографии выпускались карты и гравюры с изображениями Иерусалима, горы Синайской, "изображение глобуса земного", "изображение глобуса небесного", портреты Петра I. На одном листе была выпущена

"Арифметика". До нашего времени сохранились далеко не все издания типографии. В Российской государственной библиотеке можно еще увидеть «Таблицы логарифмов и синусов», в Историческом музее сохранились ряд гравюр, изготовленных мастерской Пикарта. Но более всего из творений Гражданской типографии прославился так называемый "Брюсов календарь", который стал весьма ценной библиографической редкостью. Рассказ о нем еще впереди.
В переписке В.Н.Татищева упоминается и некое "Зерцало человеческого жития", сочиненное Яковом Брюсом, которое Татищев рекомендовал для изучения в школах при уральских заводах. Но, к сожалению, нам не удалось отыскать более подробных сведений об этой, достаточно любопытной, книге.

Особое место в научно-просветительской работе Якова Брюса занимала переписка с научными светилами того времени - немецкими учеными Вольфом и Лейбницем, позднее с сотрудником Петербургской Академии наук Лейтманном и др. Вольф принимал живейшее участие в организации российской Академии наук, но от поступления в русскую службу уклонился. Лейбниц не только стал по указу Петра действительным тайным советником, но и нарисовал в своей переписке с Брюсом и Петром Великим масштабную картину переустройства российской системы просвещения и госаппарата. Что касается Лейтманна, то с ним Яков Вилимович вступил в диалог, уже будучи отставным генерал-фельдмаршалом. Лейтманн высоко ценил Брюса как математика и настойчиво советовал опубликовать свои работы.
Лейбниц, возлагавший огромные надежды на быстро развивающуюся Россию и демонстративно заявивший всей Европе о своих славянских корнях, вынашивал проекты об учреждении академий, университетов и школ в Москве, Киеве, Астрахани и Петербурге, делился со своими русскими корреспондентами детальными планами о развитии наук в России, через Брюса обращался к местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому с проектами о мерах по распространению христианства среди российских народов. Планы Лейбница по большей части так и остались на бумаге: общественные условия в России первой четверти XVIII века были для развития науки и просвещения далеки от идеальных. Но кое в чем он все же преуспел, в частности, организация коллегий для управления Россией в основании своем содержала, помимо прочего, и мысли Лейбница из его переписки с Петром и Брюсом.

Каждый серьезный представитель научного мира, как и всякий уважающий себя оккультист, стремится воспитать хотя бы одного ученика, чтобы передать ему свои познания и секреты. У Брюса не осталось наследников (обе его дочери умерли в юном возрасте), его племянник, Александр Романович, пошел по стопам своего отца и сделал хорошую воинскую карьеру. По-видимому, Брюс достаточно критически воспринимал духовные устремления своего племянника. Памятуя о трудностях собственного детства, в свое время он постарался дать детям Романа Вилимовича достойное образование. С этой целью в 1712 г. он пригласил в Россию саксонца Иоганна-Готтгильфа Фоккеродта. Выпускник Галльского университета добросовестно отработал в доме Романа Брюса три года. Впоследствии он написал книгу «Россия при Петре Великом», ставшую ценным источником для изучения того времени.
Племянник Брюса получил, таким образом, неплохое образование, но к жизненным ценностям прославленного дяди отнесся весьма прохладно. Отдавая себе в этом отчет,

Яков Вилимович предполагал, что по смерти его кабинет и библиотека достанутся Академии наук. Эти сокровища Брюса сослужили неплохую службу русским ученым людям; отметим хотя бы, что не одна книга брюсовой библиотеки сохранила на своих страницах пометки Ломоносова.
Имя еще одного знаменитого русского деятеля науки навсегда вписано в историю рядом с именем Якова Брюса. Этим ученым, которого "выпестовал" русский шотландец, был Василий Никитич Татищев. Брюс, высоко оценивавший его ум и образованность, склонность к научному познанию и энергичность, приложил немало усилий, чтобы помочь Татищеву продвинуться по службе.
Сам Василий Никитич в своей "Истории Российской" оставил наиболее замечательную характеристику жизни и судьбы Якова Вилимовича, которую мы с удовольствием приведем здесь практически целиком:
"Покойный генерал-фельдмаршал Брюс человек елико высокого ума, острого рассуждения и твердой памяти, в науках физики и мафематики довольно искусный, а к пользе российской во всех обстоятельствах ревнительный рачитель и трудолюбивый того сыскатель был, в чем многие обстоятельства свидетельствуют, яко он, будучи из младых лет при его императорском величестве Петре Великом, многие нуждные к знанию и пользе государя и государства книги с англинского и немецкого на российской язык перевел и собственно для употребления его величества геометрию с ызрядными украшениями сочинил; но оную свою к России ревность и по себе хотя в памяти оставить, имея немалой цены собранной кабинет драгоценных медалей, манет, руд и других природных и хитросочиненных диковинок мафематических, а наипаче острономических инструментов и в немалом числе книг библиотеку, мимо роднаго племянника, для пользы обсчей в императорскую Академию наук подарил и другие многие государю и государству знатные услуги показал. Будучи же у государя в великой милости, никого ни малейшим чем преобидел, но всякому искал любовь и благодеяние изъявить и о страждусчих великой был предстатель и помосчник, но в том себя никогда не показал. И когда междо знатнейшими или первейшими в правлении государственном учинилась великая вражда и злоба, которая чрез неколико лет не без беды многих продолжалась, он ни х которой стороне не пристал и от обоих в любви и поверенности пребывал".

В.Н.Татищев (1686-1750) происходил из древней знати. Он приходился родственником царице Прасковье Салтыковой, жене брата Петра царя Ивана, и детство провел на службе при ее дворе. Потом он участвовал в Северной войне (в том числе в Полтавском сражении). В конце 1712 г., будучи в чине драгунского поручика, Татищев отправился за границу для изучения инженерного дела, артиллерии и математики. За границей он пробыл с перерывами два с половиной года, а по возвращении, в марте 1716 г., при содействии Брюса был переведен в артиллерийский полк с сохранением чина. С этих пор жизненные пути Брюса и Татищева на долгие годы пересеклись. Сам Татищев до конца жизни называл Брюса своим "патроном и благодетелем".
До начала 1720 г. В.Н.Татищев выполнял различные поручения Брюса. Так, весной 1717 г., находясь в Польше, Татищев занимался вопросами снабжения армии и ремонтерства, а также совершал для Брюса необходимые для его научных изысканий и издательской работы покупки приборов, инструментов и книг, чему свидетельство - обширная переписка, сохранившаяся от этого периода. А после отъезда Брюса и Остермана на Аландский конгресс Татищев состоял при Якове Вилимовиче офицером связи, доставлял

в Петербург его бумаги и докладывал царю о положении дел на конгрессе.
Став президентом Берг-коллегии, Брюс привлек своего протеже к составлению горного устава, а затем способствовал назначению Татищева руководителем казенной горнозаводской промышленности Урала и Сибири (1720-1723 гг.). Здесь Татищев вступил в неравную схватку с Демидовыми - знаменитыми промышленными акулами, чей взлет начался в петровское время. Брюс пытался примирить соперников, обратившись, в частности, к Демидову со следующим посланием: "Известен я, что вы жалобу приносите на капитана Татищева, будто он вам некоторые обиды кажет. И вы в том обрегитесь, чтоб было не напрасно. А паче как ныне ты будешь здесь, то мы вас можем развести". Источники свидетельствуют, что только активное вмешательство Брюса в эту историю спасло Татищева от монаршего гнева, и она окончилась для него без серьезных последствий. Так, уже в июне 1724 г. по представлению Брюса Татищев был пожалован в коллежские советники.
Оба ученых легко находили общий язык. Правда, в отличие от Брюса, испытывавшего интерес к оккультным наукам, Татищев, выросший при архинабожном дворе царицы Прасковьи (как он называл его, "госпиталь на уродов, юродов, ханжей и шалунов"), имел практически врожденное отвращение к ним. Но двух ученых сближал интерес к коллекционированию: Татищев приобретал для Брюса редкие монеты и медали.
Я.В.Брюсу, возглавлявшему одновременно две коллегии, Монетную, Артиллерийскую и Инженерную канцелярии, занимавшемуся надзором за рядом учебных заведений и делами Гражданской типографии, катастрофически не хватало времени. Поэтому Татищев стал его правой рукой в тех делах, которые интересовали Якова Вилимовича, но на которые сил уже не оставалось. Так появилась на свет идея подготовить географическое описание России. Яков Вилимович уже имел опыт подобного рода: в 1699 г. в Голландии была напечатана уже упомянутая нами карта части территории России, составленная им вместе с фон Менгденом. Для своего времени она была новинкой, первой русской картой, отвечавшей требованиям европейской картографии. В 1715 г. Брюс и Татищев начали разработку специального историко-географического вопросника и в 1719-1720 гг. разослали геодезистов по всему государству, чтобы на основании их работы и ответов с мест осуществить задуманную работу. Но дело продвигалось медленно, по всем известной привычке российских местных чиновников реагировать на движения центральной власти. Первый «Атлас Российский» появился только в 1745 г.

Поистине неоценимую услугу оказал Яков Брюс отечественной исторической науке, всемерно поддержав стремление Василия Татищева к изучению российской истории. Еще в ранней молодости будущий первый русский историограф увлекся собиранием древних и современных рукописей и книг, касающихся "дел давно минувших дней, преданий старины глубокой". Где бы он ни находился, в Сибири или Польше, в Москве или Стокгольме, повсюду он искал и находил древние манускрипты, тратил последние деньги из своего и так невеликого офицерского жалования на книги по истории России. Зная об этом интересе своего протеже, Брюс в 1720 г. получил для его изучения в библиотеке Петра Великого список летописи Нестора. Знакомый уже с другими списками летописи, Татищев начал их сличение и, обнаружив в них существенные разночтения, всерьез увлекся составлением свода источников по русской истории.
Прибыв в 1722 г. в Москву, Татищев свое "начало истории и намерение графу Брюсу и архиепископу Прокоповичу объявил, которые" ему "имевшимися у них потребными

книгами и выписками вспомогли и к тому которые нуждно из Германии выписать известие дали, по которому несколько книг из Германии получил". Татищев и в дальнейшем не раз прибегал к помощи Брюсовой библиотеки, с которой был хорошо знаком, даже и после смерти владельца. Ценность труда Татищева, которому он отдал практически всю оставшуюся жизнь, стала очевидной лишь со временем, особенно когда выяснилось, что оригиналы многих рукописных свидетельств целого ряда эпох для последующих поколений безвозвратно утеряны, и их тексты сохранились лишь в "Истории Российской". Впрочем, теперь это дало великолепные козыри теоретикам так называемой «новой хронологии».

Выученик и последователь Исаака Ньютона, Яков Брюс, в свою очередь, дал "путевку в жизнь" Василию Татищеву, а тот оказал огромное воздействие на последующее поколение русских ученых, чьим флагманом был Михаил Ломоносов. Мало того, вместе с Нартовым и Лаврентием Блюментростом Брюс стоял у истоков создания Академии наук и Академии художеств. Так из года в год, из века в век тянется непрерывная нить, которой связаны между собой властители умов и ученые мужи разных народов и стран. Яков Брюс не оставил после себя ни выдающихся открытий, ни крупных научных трудов. Дилетант от науки, он создал все условия для ее расцвета в России, и она действительно расцвела через несколько десятков лет, но ему уже не суждено было этого увидеть. Кабинетный мыслитель, естествоиспытатель, просветитель, организатор - решайте сами, какое место достоин он занять в галерее истории русской научной мысли...
А мы тем временем обратимся к его государственной деятельности. Покончив с воинской карьерой, Яков Вилимович недолго оставался без дела. Способные и деятельные люди по прежнему были на вес золота, и он практически сразу был вовлечен в круговорот новых дел. Но сперва ему надо было пройти через горнило правосудия...

IX. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЖ

Между тем, некоторые из особ, приближенных к государю, собралися во дворец. Ибрагим узнал великолепного князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающего с Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукого, крутого советника Петра; ученого Брюса, прослывшего в народе русским Фаустом; молодого Рагузинского, бывшего своего товарища, и других пришедших к государю с докладами и за приказаниями... Петр заперся в токарне и занялся государственными делами. Он по очереди работал с Брюсом, с князем Долгоруким, с генерал-полицмейстером Девиером и продиктовал Ибрагиму несколько указов и решений.
А.Пушкин

Период с 1712 по 1714 год Яков Брюс провел в разъездах по Германии, по поручению Петра Великого приглашая на русскую службу "мастеровых людей знатных художеств, которые у нас потребны": живописцев, "архитекторов, столяров, медников и прочих" (письмо Петра Меншикову из Берлина), покупая научные приборы, инструменты и литературу. Так, в феврале 1712 г. царь писал Меншикову из Фридрихштадта: "Ежели даст Бог доброе окончание с неприятелем, то библиотеку выпросить конечно всю из Шлезвига, также и иных вещей, осмотря самому с Брюсом, а особливо глобус". Знаменитый Готторпский глобус неба, сконструированный Тихо Браге, выставлен был впоследствии в Летнем саду в Санкт-Петербурге. Внутри него для созерцания небесных

констелляций вокруг стола могли разместиться одновременно 12 человек.
Петр вполне доверился разносторонним познаниям и административному чутью своего посланника. «И что он, генерал наш, им в контрактах обещает и заключит, - писал государь в сопроводительной грамоте, данной Брюсу, - то от нас все сдержано будет без умаления». Бесспорными были для царя и представления Якова Вилимовича о лучшем исполнении возложенных на него поручений. На откуп его художественному вкусу и дипломатическим способностям были отданы переговоры с лучшими немецкими архитекторами, живописцами и парковых дел мастерами, приобретение предметов искусства и редкостей для царского собрания.
Яков сопровождал русскую венценосную чету в Карлсбад, "яко человек ученый, искусный и знающий вкус в вещах и людях", здесь впервые встретился с Лейбницем. Затем в Поместном приказе он занимался земельным вопросом в Курском и Рыльском уездах. И вдруг над его головой разразилась гроза...
Верьте - не верьте, но вскоре в Петербурге вышел очередной календарь с предсказаниями на 1715 год (не Брюсов). "Когда злые люди содружество учинят, - гласил его прогноз, - то внимай делам их и внемли себе от злых советов их, ибо они токмо ищут из чуждыя личины насыщатися, и сего, и сего ради возможно слышать о хищении, о татьбе и о прочих хитрых делах, зане хитроумные меркуриалисты многия редкия вещи вымыслити имут. Великим господам и сенаторам такожде не все по желанию их возможет быти, но многия противности возмогут являтися".
Вот и не принимай после этого всерьез астрологию: через некоторое время предсказание сбылось! Было возбуждено огромное дело о злоупотреблениях при проведении поставок в армию, и какие имена в нем фигурировали: светлейший князь Меншиков, адмирал Апраксин, генерал-фельдцейхмейстер Брюс, питерский вице-губернатор Корсаков, сенаторы Волконский и Лопухин! Все они, помимо прямого казнокрадства, были уличены еще и в том, что брали подряды под чужими именами в подчиненных им ведомствах.
И угораздило же Брюса снова связаться с Меншиковым! Ведал ведь, что с Данилычем обязательно во что-нибудь вляпаешься, а согласился. Светлейший-то знал, что делает: ежели б один провернул операцию, Петр, узнав об этом, точно бы укоротил его на голову. Вот он и уговорил остальных сановных особ в дело вступить. А теперь, когда оно всплыло на поверхность, царь был в бешенстве, ежечасно поминал князюшку по матери и грозился изломать свою суковатую трость об его раздобревшую на ворованных казенных харчах спину.
Остальным тоже досталось порядком. Следствие под началом грозного князя Василия Долгорукого только началось, а виновные уже натерпелись страху. Подчиненных Брюса допрашивали одного за другим, дела Военного, Поместного и Артиллерийского приказов изучались вдоль и поперек. Сам Брюс затаился в ожидании приговора. Надо думать, он чувствовал себя виновным, но угрызения совести зачастую притуплялись мыслью о том, что сам царь не слишком-то щепетильно относился к личному достоянию своих приближенных, постоянно заставляя их тратиться на прием иноземцев и придворную гульбу. Тут никакого жалованья и никаких доходов не хватит. А ведь и приобретение книг, закупка инструментов, проведение опытов стоили немалых денег! Недаром же средневековых алхимиков в шутку величали «дымильщиками» - не один десяток их спустил все свое состояние, превратившееся в тонкие струйки дыма, безжалостно вытекавшего из лабораторий.

В начале 1715 г. комиссия Долгорукого признала Брюса виновным, как и остальных участников дела. Казалось бы, кара казнокрадам должна была быть ужасной. На счету петровского правления не одна отрубленная голова (две из них - Вилима Монса и Марии Гамильтон еще долгое время хранились в Кунсткамере), среди казненных случались и губернаторы. И тем не менее, в данном случае все обошлось. Не пострадал никто, даже Меншиков.
Почему Петр помиловал виновных? Казнить своих соратников, с которыми прошел большую часть жизни - значило лишиться всей головки армии и флота. "Раз, слушая в Сенате доклады о хищениях, - пишет по подобному поводу Ключевский, - он вышел из себя и сгоряча тотчас велел обнародовать именной указ, гласивший, что если кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен. Генерал-прокурор Ягужинский, око государево при Сенате, возразил Петру: "Разве, ваше величество, хотите остаться императором один, без подданных? Мы все воруем, только один больше и приметнее, чем другой". Петр рассмеялся и не издал указа.
Итак, царь простил виновных, "изъявил о том и сердечную свою радость принятием Меншикова, Апраксина и Брюса к столу своему с пушечною пальбою". Не о том ли повествует великолепное стихотворение А.С.Пушкина "Пир Петра Первого":
Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;

Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Таков был великий император: умел казнить - умел и миловать. Но эта история переполнила чашу его терпения. Знаменитая петровская трость, без сомнения, вдоволь погуляла по спинам заблудших овец его стада, во всяком случае, по спине Данилыча точно. После этого начался длительный и мучительный закат его карьеры при дворе Петра I. "Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила его мать и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, быть ему без головы", - говорил теперь царь в ответ на все ходатайства Екатерины. Итогом дела для казнокрадов стала утрата ими в значительной степени доверия царя и особой приближенности к нему. Со сподвижниками Петр общался теперь в основном на работе, время же отдыха предпочитал проводить с более приятными ему лицами, в первую очередь, с денщиками. Правда, Брюс имел впоследствии еще целый ряд возможностей войти в прежнее доверие к императору, во многом преуспев в своих действиях. Но об этом речь еще впереди.
Строго говоря, судить эту первую в истории нашей страны "мафиозную шайку коррупционеров" по меркам нашего времени просто невозможно. Да, они легко путали свой карман с государственным. Но ведь и Петр не особенно считался с неизбежными расходами своих сановников. К тому же Брюсу он запросто ездил обедать со всеми своими министрами и иностранными дипломатами впридачу, о чем время от времени сообщали тогдашние питерские газеты. А когда Меншиков, в ответ на очередные обвинения, выставил свой счет Петру, в котором были и деньги, выданные Меншиковым королю Августу и царевичу Алексею, и расходы на светские мероприятия и т.д., царю ничего не оставалось, как списать эти суммы с фаворита. Жалованья, доходов с поместий зачастую не хватало для неизбежной жизни на широкую ногу. Взятки стали первейшей нормой жизни чиновников всех рангов. В результате уже в правление Екатерины I было принято "мудрое решение" - не выплачивать целому ряду категорий бюрократов жалование - все равно внакладе не останутся!

После Полтавской битвы война переместилась в Прибалтику и на северные моря, а затем и в финские владения шведской короны. Заключение мира стало вопросом времени, и царь обратил свой взор на внутреннее государственное устройство своей державы. Именно при Петре в России оформилось государство абсолютистского типа, в общих чертах аналогичное тому, что имели в то время Франция и Австрийская империя. Начиная с 1713 года Санкт-Петербург становится официальной столицей государства. Туда переехали двор, Сенат и дипломатический корпус. Став крупным государственным чиновником, Брюс, как и вся верхушка тогдашнего российского общества, должен был последовать в новую русскую столицу, выстроенную на земле отвоеванной Балтики.
5 января (ст.стиля) 1714 г. генерал-фельдцейхмейстер прибыл в Москву, чтобы организовать переезд своей семьи в Петербург. Прощание с домом, редко видевшим своего хозяина, но верой и правдой служившим ему более пятнадцати лет, было не долгим. 1 марта (ст.стиля) Брюс с женой, Питером Генри и дворовыми людьми покидает древнюю столицу. По пути он заглянул с инспекцией в Новгород, губернатором которого

по-прежнему являлся, а уже 1 апреля (ст.стиля) Питер пополнился несколькими новыми жителями.
Дом Брюса на берегах Невы (на Литейном проспекте) был одним из первых, выстроенных в новом городе. Разумеется, ему было далеко до дворца фаворита Петра I, фельдмаршала, светлейшего князя и первейшего казнокрада Меншикова. Тем не менее он был настолько добротно и со вкусом обставлен, что переехавшая в 1732 г. со своим двором из Москвы в Петербург Анна Иоанновна не нашла ничего лучше, как остановиться именно в бывшем доме Брюса.
Среди соседей Якова Вилимовича оказался и царевич Алексей, и это доставило немалую головную боль генералу. Еще в прежние годы находились они в достаточно дружеских отношениях. Царевич часто становился желанным гостем в доме генерал-фельдцейхмейстера в Москве, был крестным отцом второй дочери Брюса. Но отношения царевича с отцом продолжали ухудшаться, и Брюс в каком-то смысле попал между двух огней. Мало того, что его жена вместе с князь-игуменьей Ржевской была приставлена к супруге царевича для заботы о беременной принцессе, так еще и ему самому приходилось постоянно обращаться к Алексею со всевозможными поручениями от отца. Накануне торжественных дат, ассамблей и приемов Брюсу вменялось в обязанность напоминать Алексею Петровичу о необходимости его присутствия (как правило, в роли Меркурия с дурными вестями выступал Питер Генри). Такое неослабное внимание к его персоне вызывало лишь очередные припадки истерики у царевича, уже давно растерявшего последние остатки сыновних чувств. Он сказывался больным, для пущей убедительности пуская себе кровь, и уже на следующий после пропущенного мероприятия день все тот же неизменный Питер Генри стучал в дверь царевича, чтобы передать ему отеческое неудовольствие. И так продолжалось из года в год.

В течение ряда лет Яков Брюс выступал для Петра в роли консультанта по тем или иным вопросам государственного строительства. Еще 27 июля 1699 г. (ст.стиля) он писал царю: "Милостивый государь! По твоему государскому писанию к Адаму Вейде (один из генералов Петра I), послал я к тебе, государю, краткое описание законов (или правил) шкоцких (шотландских), английских и французских о наследниках (или первых сынах)"...
Здесь прервем цитату и напомним читателю, что итогом изучения этого вопроса как Брюсом, так и другими русскими чиновниками, в 1714 г. стало принятие указа, получившего в истории название "Указа о майорате": все недвижимое имущество должно было теперь наследоваться только одним сыном, любым, по выбору отца. Остальные должны были искать своего счастья в учении и службе. Так референтные, как сказали бы теперь, выписки Брюса легли в основу указа. Пригодился и опыт его семьи, ведь сам Брюс, как вы помните, происходил из «боковой» ветви аристократического рода, представители которой ратным трудом и государственной службой отвоевывали у Фортуны то, чем обделила она их при рождении. И делали это, подчеркнем еще раз, достойно и преданно.
Подготовленные Яковом Вилимовичем документы не раз ложились в основу принимаемых царем установлений. Закончим цитату. "Також, напоминая твой государев приказ в английской земле, - продолжал письмо Брюс, - послал к тебе, государю, описание чинам, которые были у английского короля у артиллерии на войне и во время миру, таковжды и о их жалованьи поденном в войне и о годовом во время мировое". Случалось, и не раз, что новые указы выходили из-под пера Петра Великого прямо в доме Брюса, после

предварительно выслушанных доводов генерал-фельдцейхмейстера.

Прежде, чем говорить о деятельности Брюса на государственных постах, вспомним, что он сам приложил руку к созданию новой государственной машины. Прежнюю, давно ставшую неэффективной систему власти, состоявшую из приказов и боярской думы, должны были сменить коллегии и Сенат.
Петр собирал проекты реформ в великом множестве и только потом принимал решения. Свои предложения внес Лейбниц, к работе подключился немецкий чиновник Люберас; ценное приобретение сделал Петр, пригласив на русскую службу голштинца Фика. Фик изучал в Швеции тамошнее государственное устройство, выкрал и вывез в Россию значительное количество необходимых бумаг. Люберас, автор рукописи "Размышления об экономии российского государства", осуществлял предварительный набор за границей чиновников, способных поставить на ноги новые русские учреждения. Брюсу было поручено обобщать проекты и готовить окончательный вариант реформы центрального управления.
В течение 1716-1717 гг. шла черновая, подготовительная работа. В январе 1717 г. Петр из Амстердама направляет Брюсу письмо, в котором повелевает, чтобы он "в генеральных терминах положил, какие дела к какой коллегии принадлежат", сколько чинов в какую коллегию определить, установить им размеры жалованья и т.д. Находясь на лечении в Спа, Петр дал Брюсу распоряжение объявить через Сенат и губернские учреждения, чтобы шведские пленные, имевшие опыт государственной деятельности на родине, могли поступать на гражданскую службу в России. Устроив, таким образом, начало работы, Петр убыл в очередную поездку, предоставив вновь назначенным президентам коллегий "сочинять" свои коллегии и брать для этого необходимые сведения у Якова Брюса. На все про все им давался год.

Начало XVIII века - особое время для теоретиков государственной власти. Проще всего объяснить петровские реформы государственной системы масонским влиянием. На самом деле все гораздо сложнее. Математика - вот основа преобразований, наука наук того времени. Человечество, еще недавно вышедшее из идеологических пут Средневековья, казалось, нащупало путь в будущее, основанный на идеях Рационализма. Законы - вот что должно было помочь. Мышление европейского общества начала XVIII в. было механистично. Успехи естественных наук побуждали видеть в общественных отношениях продолжение непреложных закономерностей жизни природы. Бэкон, Спиноза, Лейбниц утверждали, что разумность государственного устройства целиком и полностью зависит от разумности человека, стоящего на вершине пирамиды, а с помощью совершенных законов можно добиться всеобщего благоденствия. Часовой механизм или, что характерно для петровского мышления, корабль - вот идеал общественного устройства. Регламентация, регламентация, еще раз регламентация и ничего, кроме регламентации - неофициальный девиз петровского времени. Поэтому нет ничего удивительного, что создание нового государственного устройства Петр поручил именно Брюсу, математику и генералу. Сам император, не покладая рук, издавал указ за указом - каких овец разводить, какой ширины полотно ткать, чем сапоги смазывать, в какой одежде ходить, как в церкви стоять - поверьте, мы ничуть не преувеличиваем.
Брюс скоро отказался от руководства процессом создания коллегий - сказалась загруженность массой других государственных дел. Этот отказ и отсутствие Петра

существенно затормозили процесс реформирования системы государственного управления, но в конечном итоге она была воздвигнута. Указом 15 декабря 1717 г. (ст.стиля) были определены реестр и штат всех коллегий и назначены их президенты. Яков Брюс был назначен руководителем сразу двух - Берг и Мануфактур-коллегии, которые должны были фактически создаваться на пустом месте (эта вначале единая коллегия затем была разделена надвое). 16 февраля 1720 г. (ст.стиля) Я.В.Брюс возглавил Денежный и Монетный дворы, 23 мая в его распоряжение как генерал-фельдцейхмейстера были переданы все крепостные сооружения на территории России, он продолжал серию опытов по скорострельности. И он же выполнял в то время роль своего рода "службы кадров", руководя по поручению царя подбором чиновников в коллегии. Петр обращался к сенаторам в июне 1717 г. из Спа: "Господа сенат. Писали мы к генералу Брюсу, дабы он заранее приискивал в колегии ассесоров, о чем он объявит вам сам, и для того чините ему в том вспоможение".

Идея существования государства как бесперебойно действующего механизма особенно отчетливо проявилась в "Табели о рангах". В январе 1722 г. сенаторы Брюс и Головкин и генерал-майоры Матюшкин и Дмитриев-Мамонов представили царю на утверждение подготовленный ими в соответствии с его идеями проект "Табели". Именно этот момент можно считать условно временем становления бюрократической структуры управления в России, которая, с некоторыми модификациями, существует в нашей стране и поныне, а Брюса, таким образом - одним из "отцов русской бюрократии".
Идеи, зафиксированные в Табели, были палкой о двух концах. Вполне естественно, что для таких людей, как Брюс и Головкин, не отличавшихся особой природной знатностью, был дорог принцип личной выслуги, дававшей право на личное, а то и наследственное дворянство. Но введение новой системы в действие неизбежно влекло за собой превращение всей массы людей, состоящих на службе государству, в замкнутое бюрократическое сословие, которое вступало в противостояние с остальным обществом, зависело только от императора и подчинялось только ему. Эта система настолько укоренилась в российской почве за прошедшие столетия, что борьба за ее совершенствование и изменение временами напоминает битву с ветряными мельницами. Впрочем, в петровское время "Табель о рангах" была еще достаточно демократичным документом. Преемники же первого российского императора довели ее кастовый характер до совершенства, ужесточив условия получения дворянства за выслугу лет и освободив дворян от обязательной службы. Но авторы Табели в этом не повинны.
О том, насколько серьезно сам генерал-фельдцейхмейстер относился к идеям, заложенным в Табели о рангах, свидетельствует тот факт, что когда Петр предложил ему стать действительным тайным советником (высший ранг для чиновника), Яков Вилимович отказался, сославшись на свое неправославное вероисповедание. Сочтя аргументацию Брюса достаточно серьезной, Петр, по сообщению Татищева, в течение своего царствования не сделал ни одного иностранца или иноверца чиновником первого класса. Впрочем, впоследствии Брюс имел немало поводов сожалеть о своем отказе. Но речь об этом еще впереди.

Я.В.Брюс оказался весьма ответственным чиновником. Только Берг и Мануфактур-коллегия, Коммерц- и Камер-коллегии к декабрю 1719 г. подготовили свои регламенты - правила, по которым им предстояло работать.

Берг, Мануфактур, Коммерц-коллегии и Главный Магистрат - эти четыре учреждения сосредоточили в своих руках управление торговлей и промышленностью. Петровская Россия, взращенная им на принципах политики меркантилизма (главные из которых - продавать за границу больше, чем ввозить, стараться в собственной стране производить все необходимое), усиленными темпами развивала свое производство, и государство играло в этом процессе основную роль, с помощью бюрократических учреждений, регламентов, привилегий, льгот и постоянного жесткого контроля направляя развитие торговли и промышленности в нужном ему направлении. Даже попадая в частные руки, предприятие, в первую очередь, работало на казну.
Как действовал до мелочей зарегулированный механизм государственного управления хозяйством страны, свидетельствует хотя бы один из указов Петра, объявленный Брюсом: "1720-го февраля в 20 день, великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец указал по имянному своему великого государя указу, дабы в Российском государстве пенку (пеньку) перед прежними годами умножить и в доброе состояние производить, так как и в Польши и в протчих государствах, которая б пенка удобна была к рижскому и другим томуж подобна бракам. И для разговору о той пенки в берг-коллегию велеть сыскать купецких людей, которые ею и торгуют, а имянно: колужан, вязмич, смольян, брянчан, человека по два с города, которые здесь в Питербурхе обретаютца".
В коллегию входили как русский А.К.Зыбин, так и иностранец И.Михаэлис, не знавший даже русского языка, что существенно затрудняло работу учреждения. Брюс и здесь, как всегда рачительно, по-хозяйски относился к своим подчиненным, заботясь об их пользе и выгоде. Все вместе они играли огромную роль в реорганизации российской промышленности в соответствии с тогдашними экономическими, политическими и научно-техническими представлениями, проектировали и руководили строительством фабрик и заводов.
Во многом элементы централизации управления промышленностью должны были пойти на благо ее развития. Согласно своему регламенту, Берг-коллегия должна была "единым судией быти над всеми к тому принадлежащими делами и особами, чтоб никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешалися". Регламент недаром носил название Берг-привилегии: правительство разрешило искать полезные ископаемые и организовывать заводы по их добыче как жителям страны (всем без исключения), так и иностранцам, причем даже с нарушением феодальных прав на землю, по принципу "кто нашел и разработал - тот и хозяин", чтоб "Божие благословение втуне под землей не оставалось".
В этом смысле любопытна подписанная с российской стороны Брюсом и утвержденная Петром в январе 1721 г. инструкция на совершение контракта с французской миссисипской компанией "для размножения российских рудокопных заводов". Процитируем здесь два первых ее пункта:
"1. Имерек имеет в своей негоциации основатися на публикованную берг-привилегию 1719 году декабря дня 10 и на выданной плакат 1720 генваря 23 дня для призывания всех чюжестранных охотников до рудокопных дел.
2. По силе помянутой берг-привилегии и призывания может мисисипской компании позволено быть во всем государстве, где оной угодно будет, чрез искусных рудокопных людей новых металов и минералов искать, на обретенныя ж руды и места от берг-коллегии позволение требовать, оныя по рудокопному обычаю строить и к пользе своей

употребить".

"Коллегиум-мануфактур, - говорилось в регламенте другой подчиненной Брюсу коллегии, - имеет верхнюю дирекцию над всеми мануфактурами и фабриками и прочими делами, которые касаются ко оному правлению, какого б звания ни были, во всей Российской империи". На мануфактурах петровского времени производилось сукно для армейских мундиров, шелка, тесьма и позументы, шпалеры, открывались кожевенные заводы. Под Москвой по проекту самого руководителя коллегии была построена лосинная мануфактура (недалеко от его поместья Глинки).
Правительство не скупилось, выделяя деньги для приглашения на русскую службу иноземных мастеров (с непременным условием, чтобы они обучали русских своему мастерству), заказывая переводы европейских книг по вопросам торговли и промышленности. Как вспоминал впоследствии Татищев, "Петр Великий, рассуждая о Берг-коллегии, чтоб довольно оную деньгами для рудок(оп)ей и манифактур снабдить, на которое князь Дмитрей Голицын, как президент Камер-коллегии, советовал, чтоб тем не весьма спешить и недостатком денег других расходов не остановить. На оное его величество ответствовал: "Хотя у меня в житницах жит не весьма много, но лучше оные посеять, нежели мышам на снедение беречь, ибо от посеенного буду иметь приплод, а от мышей ничего не получу".
Особыми указами были созданы "тепличные" условия для российских производителей, которые превращались в фактических монополистов: высокие ввозные пошлины, требования приобретать товары только определенных предприятий и т.д.
Промышленность развивалась по крепостническому пути: не имея в достатке свободных рабочих рук, правительство и владельцы мануфактур решили проблему путем насильственной приписки крепостных крестьян к предприятиям промышленности. Уже тогда, в последние годы петровского правления, закладывались основы всех тех проблем, которые на протяжении добрых трех сотен лет будут сотрясать наше общество.

Архивные документы позволили исследователям сделать вывод, что в истории деятельности, к примеру, Берг-коллегии не зафиксировано ни одного случая, когда бы мнения разошлись настолько, что Брюсу потребовалось бы бросить свой авторитет на ту или другую чашу весов. Не все удавалось одинаково хорошо. Один лишь пример красноречиво свидетельствует, как на уровне рядовых чиновников можно испортить любое дело. Уже после смерти Петра берг-советник В.Н.Татищев был послан в Москву для ревизии работы Монетного двора. Инструкция, ему при сей оказии данная, гласила: "Ехать в Москву и чинить там по сему: 1) Понеже на монетных московских дворах весов равных и исправных нет, отчего происходят казне государственной убытки и многим невинным людям обиды и разорения; для этого освидетельствовать весы и, если найдутся фальшивые, заарестовать. 2) По розыскам явилось, что денежных дворов мастера и работники крадут с денежных дворов золото, серебро и снасти - для делания воровских денег, из чего многих людей погибель и разорение происходит, причина же тому знамо из того, что или строения не довольно тверды, или смотрения недостает".
"Осмотрел я все денежные дворы, - писал Татищев к кабинет-секретарю Макарову, - и нахожу их так, как они во время поляков брошены и до сего дня в них никто не бывал... Весы я освидетельствовал и нашел, что присланный со мною из Берг-коллегии пуд здешнего тяжелее девятью золотниками; здешние гири деланы по присланной из коллегии

гире, только так дурно, что и между собою по золотнику не сходны; присланная же со мною фунтовая гиря явилась пред здешнюю четвертью тяжелее, только и эта неправдивая, и потому видно, что в Берг-коллегии правильных гирь нет, откуда проистекает немалый государственный вред..." Всегдашняя российская история, что тут сказать...
Личный вклад Брюса в развитие российской промышленности, в технический прогресс России несомненен. Как инженер, он много времени и усилий посвятил развитию артиллерии; принятые на вооружение петровской армии образцы, в создании которых Брюсу принадлежала ведущая роль, заложили основы последующего державного могущества российской армии. В течение многих лет Яков Вилимович неустанно трудился над совершенствованием пороха, организовал ряд крупных пороховых заводов. В результате, по признанию датского посла в России Юста Юля, «в России порохом дорожат не более, чем песком, и вряд ли найдешь в Европе государство, где бы его изготовляли в таком количестве и где бы по качеству и силе он мог сравниться со здешним». Потребности оружейной промышленности превратили Урал в «опорный край державы».

"Президентам, которые ныне не в сенате, сидеть в сенате с будущего 1718 году", - повелел государь. Так Яков Брюс стал сенатором. Вскоре выяснилось, что нововведение парализует работу высших государственных учреждений: дела в коллегиях лежат без движения в ожидании президентов. Совмещение постов в сенате и коллегиях было запрещено, но Брюс был одним из немногих, кому царь разрешил быть и сенатором и президентом коллегии одновременно, поскольку, как писал Петр, "надлежало бы и в берг-коллегию выбрать другого президента, но заобычного (привычного к делам) не знаю, того ради, пока такой сыщется, быть по-старому". Специалист по горному делу, впрочем, так и не сыскался. Но в 1722 г. Василий Новосильцев сменил Брюса на посту президента Мануфактур-коллегии.
Не оставлял своим попечением генерал-фельдцейхмейстер и артиллерию. Пообещав Петру добиться большей скорострельности орудий, он немало времени потратил на усовершенствование своего давнего изобретения - скорострельного ящика. Царь обращался к изобретателю: «Ежели сие сыщете, то великое дело будет, за которую вашу прилежность зело благодарствую».
Рассказ о сенатских буднях Якова Вилимовича еще впереди. Похоже, нам пора сделать передышку и вновь окунуться в атмосферу таинственного. Самое время поговорить о «Брюсовом календаре».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ?

X. КОНСПЕКТ ПРЕДРАССУДКОВ

Ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохульный чародей; оный по состоянию дела в жестоком заключении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть.
Из "Воинского устава" Петра Великого

Отголоски легенд о Якове Брюсе и по сию пору нет-нет, да и всплывают в нашем подсознании. А еще лет сто назад вся Москва и даже, пожалуй, вся Россия могла бы

поведать Вам все красочные подробности таинственных преданий о сухаревском волшебнике. Редкие московские мемуары обходились без них. Лажечников, Мережковский, Чаянов и многие другие литераторы проявили интерес к его противоречивой личности.
Брюс - чернокнижник, алхимик и астролог, Брюс - маг и чародей, Брюс - упырь и лучший друг душегуба Ваньки Каина... Кажется, будто не одну сотню лет копил в себе народ все самое отвратительное, ужасное и таинственное, что только есть на свете, а когда пробил час и совсем невмоготу стало все это в душе носить, выплеснулось все это наружу, и явился миру некий монстр по имени Яков Брюс. Воистину, эта штука посильнее "Дракулы" Брэма Стокера!...

Издревле в народе русском тяга к чертовщине не знала предела. Христианство и демонопоклонство всегда идут рука об руку, и одно без другого немыслимо. Так было, так есть, так будет... Всегда и везде, до тех пор, пока для людей существуют Бог и Дьявол, Христос и Антихрист.
Были и у нас свои волхвы и ведьмы, колдуны и чародеи. Были и "отреченные" книги, запрещенные Стоглавым собором при Иване Грозном (отсюда и пошло название). На Руси они появлялись, в первую очередь, из Византии, позднее из Польши и Западной Европы. С греческого и латинского языков переводили книги по астрологии, всевозможные зодии, сновидцы, зелейники. Упомянутый нами прежде "Шестокрыл" - любопытное исключение, перевод с древнееврейского оригинала, известный на Руси примерно с XV века.
Серию памятников "отреченной" литературы (а это не только оккультные писания, но и религиозные апокрифы, раскольнические произведения) издал в прошлом веке Н.С.Тихонравов, извлекший их из частных собраний и монастырских библиотек (на ум невольно приходит сюжетная канва романа "Имя Розы", вариация на тему о запретном плоде).
Церковь, как могла, боролась с еретиками и чародеями. И у нас их сжигали, правда, гораздо меньше, чем в "культурной и цивилизованной" Европе. Но все это было бесполезно... Вера в могущество сил зла одинаково царила и в деревенской избе, и в царских палатах Ивана III, Ивана Грозного, Бориса Годунова...

Впервые ученого мужа из Западной Европы в Москву решили пригласить в 1639 г. Адаму Олеарию, магистру Лейпцигского университета, не раз бывавшему ранее в Москве в составе голштинских посольств и оставившему классические записки о тогдашней России, послали предложение вновь приехать в Москву, ибо, как гласило приглашение, "ведомо нам, великому государю, учинилось, что ты гораздо научен и навычен астрологии и географус и небесного бегу и землемерию и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам таков мастер годен." Но Москву охватили слухи, что скоро прибудет волшебник, который по звездам узнает будущее, и Адам Олеарий, опасаясь за собственную безопасность, в Россию не поехал.
Иоганн Корб в своем «Дневнике путешествия в Московское государство» (начало XVIII века) пишет: «Упражнение в свободных науках, как излишнее утруждение молодежи, москвитяне отвергают, философию запрещают, астрономы, опозоренные названием чародеев, нередко подвергались наказанию по приговору суда... Москвитяне считают астрономию (по-видимому, Корб ведет речь все-таки об астрологии, а не об астрономии в ее нынешнем понимании) безбожной наукой, основанной на сношении с нечистыми

духами, и то, что астрономы предсказывают будущее, знание которого непостижимо умом смертных, считают предсказанием и объявлением демонов».
История сохранила для нас подробную историю о еще одном знаменитом предшественнике Якова Брюса, могущественном боярине Артамоне Матвееве. Любимец отца Петра I нажил себе немало врагов и завистников. Но свалить его им удалось только с помощью обвинений в колдовстве.
Общение с иностранцами, чтение иноземных книг, пользование всевозможными снадобьями и инструментами - все это вменялось ему в вину. Да еще появился донос о том, что Матвеев держал у себя дома "черную книгу", читал ее и ему являлись сонмы чертей. И готово дело - боярина сослали. Потом уже, к слову сказать, его подняли на пики во время стрелецкого бунта.
Однако уже и в то время, при дворе Алексея Михайловича, появляются как рукописные произведения астрологов, так и сами толкователи судеб и сновидений. В истории сохранились предания о Симеоне Полоцком, предсказавшем рождение царевича Петра, его блестящую судьбу и даже продолжительность жизни. А уж царевна Софья и ее "амант" князь Василий Голицын и шагу не ступали без колдунов и астрологов.

Добрых три сотни лет отделяют нас от петровской эпохи. "И академик, и герой, /И мореплаватель, и плотник, /На троне вечный был работник," - так написал о Петре Пушкин. А еще - "Медный всадник", вздыбивший Россию, рискующий или свалиться в пропасть и сломать себе шею, или все-таки подчинить страну своей воле и своим замыслам.
Таким мы привыкли видеть Петра: забронзовевший реформатор, "отец Отечества". Но есть и другой Петр, тот, который в сказаниях староверов стал страшным котом Котобрысом и даже самим Антихристом.
Это он низвел церковь до положения обычного госучреждения и обязал священников доносить об услышанном на исповеди. Он погубил собственного наследника и обрек Россию на суетную борьбу за трон, военизировал и бюрократизировал страну, карал мелких взяточников и пригрел на груди одного из величайших казнокрадов в мировой истории. Он рубил головы и брил бороды, рвал зубы и вскрывал трупы, резал больных и до одури опаивал своих приближенных, коллекционировал уродцев и до животного ужаса боялся тараканов, стремился вести Россию в ногу с европейской наукой и верил в силу чародеев и чернокнижников...

Некогда Рим капитулировал под интеллектуальным и культурным натиском Востока. Теперь проникновение Запада грозило Третьему Риму... Исподволь, шаг за шагом, надвигалась Немецкая слобода на державную Русь, западный прогресс размывал устои древнего благочестия...
Россия уже не могла обойтись без Европы. И Европа пришла. Пришла и принесла с собой парики и камзолы, пудру и табак, регулярную армию и галантное обхождение, искусство политики и незнакомую культуру, свою науку и свою лженауку: астрономию и астрологию, химию и алхимию, физику и метафизику. То, что не удалось при первых Романовых Олеарию и Матвееву, с успехом воплотил при Петре Великом Яков Брюс.
От случившихся в одночасье перемен голова у кого угодно могла пойти кругом. Страсти, доведшие не так давно страну до церковного раскола, продолжали бушевать и в начале XVIII века, пусть и с меньшей силой. Для ревнителей древнего благочестия Яков Брюс

стал едва ли не главнейшим врагом.
Но времена, когда царевы приближенные летели с красного крыльца на пики бешеных стрельцов, уже миновали. Слухи ползут по Москве, но остаются всего лишь слухами, а Брюс продолжает преспокойно заниматься своими делами, усердно помогая царю скрещивать Россию с Европой со всеми ее преимуществами и недостатками.

Петровское время ознаменовалось поиском и обнаружением всевозможных "куриозностей", в том числе и письменных, часть из которых, писанная, как водится, "на тарабарском языке" посылалась для перевода и толкования аж в Парижскую академию! Сам царь испытывал страх перед тайными науками и их мастерами, издавал даже специальные указы против чернокнижников; с другой же стороны, все мистическое и необъяснимое влекло его к себе с неодолимой силой. Он записывал свои сны, как утверждают некоторые из его биографов, повелел ловить кликуш и дознаваться до корней их недуга, его живо интересовали необъяснимые природные явления. Петр Алексеевич обожал частенько беседовать со своими придворными на самые разнообразные темы: о Библии, о святых мощах, о безбожниках и народных суевериях. Даже борясь с суевериями и предубеждениями своих подданных, государь сам оставался отчасти родственным им по духу и понятиям. "Хвост кнута длиннее хвоста бесовского" -, и весь сказ!
О том, насколько глубока была вера высокопоставленнейших петровских сановников (по крайней мере, части из них) в сверхъестественное, свидетельствует Татищев: "В 1714 году заехал я в Лубны (на Украине) к фельдмаршалу графу Шереметеву и слышал, что одна баба за чародейство осуждена на смерть, которая о себе сказывала, что в сороку и дым превращалась, и оная с пытки в том винилася. Я хотя много представлял, что то неправда и баба на себя лжет, но фельдмаршал нимало мне не внимал".
Обратите внимание, до чего похожа эта история на эльбингский эпизод в жизни Якова Брюса! Охота на ведьм (в те времена еще без кавычек) была массовым явлением во всей Европе, особенно в Германии. Не обошла война с колдунами стороной и матушку-Россию. Но если Брюсу удалось предотвратить казнь злосчастного немца-аптекаря, бросив на чашу весов весь свой авторитет и влияние, то у Татищева супротив фельдмаршала Шереметева с его предрассудками силенок оказалось маловато.

До удивления похожими на масонов и оккультистов предстают перед нами Петр и его приближенные при чтении рассказов (весьма и весьма многочисленных) о безумных развлечениях русского двора.
Как писал князь Куракин в "Гистории о царе Петре Алексеевиче", "Лефорт и денно и нощно был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами, и питье непрестанное; оттого и умер во время своих лет под пятьдесят".
Пристрастие к возлияниям, как мы уже отмечали, не обошло стороной и Брюса, причем, похоже, в молодости он ходил при дворе в первых рядах горьких пьяниц.
У каждого времени свои нравы. Хотелось Петру и его приближенным прожигать свою жизнь в попойках - кто мог им это запретить. Любопытно другое - каждая из петровских вакханалий строилась по строго заведенному ритуалу, причем главные составляющие его соблюдались и в перерывах между возлияниями.
Весь церемониал петровских празднеств, созданный им самим и совершенствовавшийся в течение всей жизни, был основан на пародировании основ православных и католических ритуалов.

"Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор", состоявший из своего патриарха, кардиналов, епископов и т.д. был постоянно действующим учреждением, со своим уставом. Как писал Н.И.Павленко, прозвища участников собора "нельзя не только печатать, но и произносить вслух в общественном месте, не рискуя при этом попасть в милицию".
Трезвость в петровской компании подвергалась всяческому осмеянию, "служение Бахусу и честное обхождение с крепкими напитками" считалось единственно возможным образом жизни для человека, рассчитывающего занять при дворе достойное место. Шутовской патриарх или, иначе, князь-папа (он был попеременно то православным, то католическим церковником) крестил свою паству крест-накрест сложенными курительными трубками и причащал из своего Евангелия, под обложкой которого скрывались не священные тексты, а бутылка водки. Время от времени вся пьяная коллегия выезжала в город, своими непотребными шутками повергая в смятение добропорядочных христиан.
Позаимствуем у известного в XIX веке писателя Даниила Лукича Мордовцева описание статуи Бахуса, которому поклонялся "собор". Итак, это был "огромный истукан распухшего от пьянства Бахуса, голова которого вместо лаврового или виноградного венца украшена была сухими листьями махорки. То место, которое на античных статуях прикрывается виноградным листком, у Бахуса прикрыто было листом капусты. В руках у Бахуса были: лук, редька, чеснок, соленый огурец, все, что он любит кушать с похмелья. Бахус посажен был верхом на пивную бочку, краном которой служил огромный фаллос со всеми атрибутами. На ногах у Бахуса были лапти прямо из лапотного ряда." Могущество "пьянейшего патриарха" было заключено не в застенках и пытках, как у князь-кесаря Ромодановского: в его власти было опоить любое высокопоставленное лицо, не до лишения живота, так до полусмерти. На придворных попойках не избегали всеобщей участи даже беременные женщины. Как писала когда-то "Русская старина", участники пьяной коллегии "были, по большей части, лица знатные - по происхождению, богатые - по состоянию, вечно пьяные - по душевной склонности и царскому назначению". Герой наш, по счастью, не входил в их число, поэтому для него пьянство не стало профессией, но кровь его, впрочем, порядком была разбавлена алкоголем.
Апогея своего история повального придворного пьянства достигла в 1715 г., когда в Москве состоялась знаменитая свадьба князь-папы Никиты Моисеевича Зотова (ему было уже за восемьдесят!). Царь настолько серьезно отнесся к грядущей церемонии, что даже устраивал ее генеральную репетицию в костюмах.
Шествие возглавлял сам Ромодановский, одетый царем Давидом, на санях, в которые были впряжены четыре медведя. Меншиков, Апраксин и Брюс были облачены в костюмы немецких бургомистров. Канцлер Головкин, князья Долгорукие и Голицыны были наряжены китайцами. Все они вразнобой играли на разнообразнейших музыкальных инструментах, а вокруг беснователась толпа, обряженная в японские, норвежские, калмыцкие костюмы... И все костюмы, все детали были полностью разработаны царем. "Молодых" (невесте было под шестьдесят) обвенчал в Архангельском соборе Кремля девяностолетний священник под колокольный звон всех московских церквей. Весь январь и часть февраля прошли в празднествах, в которых принимали участие толпы народа, щедро угощаемые вином и пивом. Отовсюду слышались пьяные крики: "Патриарх женился! Да здравствует патриарх с патриаршею!"
Антицерковные выходки петровской братии, поездки "церковного конклава" на свиньях

по Москве и Петербургу вызывали глухое недовольство в народе и откровенное возмущение в церковной среде. Сам иерусалимский патриарх Досифей в письмах к Петру просил истребить "оные комедии, которые составлены от некоторых в праздники, игры папежские и из серца дьявольского произведенные". Но «коллегия пьянства» продолжала существовать до самой смерти Петра.

Убедительного объяснения феномену "собора" до сих пор никем не дано. Столь странное и демонстративное непочтение к основам родительской веры роднит по образу действий петровских придворных с оккультистами и масонами, ведь, как известно, в основе любого оккультного действа лежит злобная пародия на церемониалы официальной церкви. Мы не торопимся обвинять Петра, Брюса и всю честную компанию в сатанизме, но, похоже, и сатанистами, и петровскими придворными двигали если не одинаковые по мысли, то довольно схожие по форме побуждения, только для Петра это был, скорее, не вопрос веры и убеждений, а часть политики. Хотя Петр со своей шутовской компанией смотрелся, наверное, ничуть не лучше Ивана Грозного с его ряжеными опричниками-монахами. Однако назвать Петра абсолютно неверующим человеком мы бы не рискнули. Да, он не любил православную церковь за ее роскошь и противодействие переменам, за безграмотность большинства священников, за претензии на роль государства в государстве. Не любил католическую церковь. Но в своих путешествиях он проявлял значительный интерес к жизни и деятельности протестантских конфессий в Германии, Англии и Голландии. Идея "дешевой церкви" вообще была не чужда Петру. По своим воззрениям на религию он был близок к западноевропейским протестантам. Царь высоко ценил нравственную роль церкви для народа. Особыми указами он заставлял своих подданных вести себя благопристойно в храмах, рекомендовал ввести в практику чтение проповедей на граждански значимые темы.

В Англии Петр охотно общался с англиканским епископом Бернетом, посещал молитвенные собрания христианской секты квакеров, полностью отвергающей церковность и обряды и выступающей за миролюбие, всеобщее братство и нравственное совершенствование. Государь встречался и с лидером движения квакеров Уильямом Пэном (в честь него назван американский штат Пенсильвания). В то время некоторая часть английских священников обращалась в Россию с идеей о присоединении своих приходов к русской церкви. К некоторым отечественным священнослужителям он тоже относился с достаточным почтением, при условии, что они не выступают против его образа действий в политике и личной жизни. Так, преподобный Митрофаний Воронежский наотрез отказался войти в дом царя в Воронеже, увенчанный статуями античных богов, и Петру пришлось приказать убрать статуи.

Петровский взгляд на благочестие мы, пожалуй, назвали бы практичным, но двойственным. Император заставлял священников учиться, монахов - устраивать сиротские и странноприимные дома, боролся с излишней церковной роскошью, покровительствовал православным в Польше, Сербии, Армении и Грузии. Но по отношению к самому себе и своим приближенным он действительно выступал в роли Антихриста, подавая повод к многочисленным проявлениям недовольства, усиливавшего и без того активное противостояние официальной церкви и государственной власти с раскольниками. Староверы продолжали сжигать себя заживо. От петровского времени сохранилась легенда о "черных людях", выплывающих из воды и утаскивающих свои жертвы на дно. В ее основе - трагические судьбы горевших заживо людей, пытавшихся,

прыгая в воду, спасти свои обугливающиеся тела.
Священники официальной церкви также с лихвой отплачивали Петру нелюбовью за нелюбовь. «Представьте теперь себе рядом с сектантами невежественное православное духовенство, большая часть которого, особенно в деревнях, была безграмотна, не знало хорошенько даже службы, обедню служило, как попало, путая и перевирая молитвы», - предлагает в своих «Записках» князь П.В.Долгоруков. «Суеверное, пьяное, оно не было, разумеется, в состоянии бороться с сектантством словом и убеждением, не прибегая к силе. Суеверие и невежество духовенства доходили до того, что в больших городах священники, зажиточные и влиятельные, серьезно рассказывали, что Петр умер за границей во время своего первого путешествия, в 1697 г., и что в Россию, под видом его, вернулся антихрист». В окружении царя идеальной мишенью для антиправительственных спекуляций являлся Яков Брюс. Иностранец, неправославного вероисповедания, известный своими непривычными для москвичей учеными занятиями - идеальная мишень для сочинения пасквилей. И вот уже церковники запугивают простой люд историями о связях Якова Вилимовича с дьяволом.
Кстати, на самом деле наш герой предпочитал не осложнять своего житья-бытья в России религиозными вопросами и действовал по известной поговорке «в Риме веди себя как римлянин». Любопытную историю сообщает в своих мемуарах Питер Генри Брюс. «Раз один из русских, - вспоминал он, - пришед ко мне с сообщением, оглядел всю комнату в поисках иконы (по стародавней нашей традиции, войдя в чужой дом, перекреститься; у мемуариста же, поскольку он был протестантом, ни одной иконы в доме не имелось) и, не найдя оной, спросил меня: - Где твой Бог? - На небе, - отвечал я. Получив такой ответ, он незамедлительно покинул мой дом, не оставив своего сообщения». Узнав об этом происшествии, Яков Брюс немедленно приказал своему родственнику повесить у себя изображение какого-либо святого, во избежание в дальнейшем подобных случаев. Религиозные противоречия ни в коем случае не должны были мешать интересам дела. Раз уж ты служишь в России - будь любезен ни в чем не отличаться от русских.
Впрочем, генерал-фельдцейхмейстер не упускал из виду необходимость позаботиться о единоверцах. Об этом в сентябре 1999 г. напоминала своим слушателям радиостанция «Немецкая волна». В новой столице России «примерно с 1711 года, - как сообщал корреспондент, - в Литейной части уже действовала лютеранская так называемая Литейная и артиллерийская домовая церковь. Община собиралась в Большой зале Горной коллегии. Богослужение совершал пастор Иоганн Леонард Шатнер. Однако со временем маленький приход увеличился настолько, что молитвенное помещение стало тесным, и президент Берг-Мануфактур-коллегии Яков Вилимович Брюс испросил у Петра I место для постройки новой церкви. Лютеранской общине был выделен участок земли, на котором и ныне стоит церковь святой Анны - между Фурштадтской и 4-й Артиллерийской (ныне - Кирочной) улицами».

Множественные предания о Брюсе, связанные с живой и мертвой водой, как мы уже отмечали, преломили в народной фантазии реальные факты, связанные с бальзамированием покойников и вскрытиями трупов. Сановники принуждены были регулярно таскаться за Петром в анатомический театр Николаса Бидлоо при Московском генеральном госпитале в Лефортове (ныне это госпиталь имени Бурденко). Голиков в "Деяниях Петра Великого" сообщает, что Петр приказывал "уведомлять себя, если в госпитале или в другом месте надлежало анатомировать тело или делать какую-нибудь

хирургическую операцию и, когда только время позволяло, редко пропускал такой случай, чтобы не присутствовать при этом, и часто даже сам помогал операциям. Со временем приобрел он в том столько навыку, что весьма искусно умел анатомировать тело, пускать кровь, вырывать зубы и делал то с великою охотою". Насчет искусности - сомневаемся, а вот насчет охоты - это уж точно! Яков Вилимович, в отличие от большинства своих коллег, с удовольствием сопровождал царя в прозекторскую и постоянно поддерживал деловые и приятельские отношения с Бидлоо. Для нашего героя практика анатома со временем стала одним из наиболее интересных занятий. В самом деле, как бы ни были сходны по строению люди, поиск различий между их телами и способствующих тому причин для неутомимого дилетанта гораздо интереснее опытов в неорганической химии. Что до Петра Алексеевича, то он вообще был одолеваем странной тягой к экспериментам с покойниками и связанным с этим познаниям. В одном из писем он обращался к Апраксину с просьбой прислать для перевода (очевидно, Брюсу и его полиглотам) на русский язык двух книг, 1) "Сфинкс, тайносказатель или упражнение иероглифическое", 2) "Что суть сфинкс и мумия".

Древнеегипетские воззрения на мумификацию фараонов как на одну из ступеней достижения бессмертия чрезвычайно интересовали как императора, так и его доверенного ученого. У нас еще будет возможность вернуться к этому вопросу и посмотреть, как пристальное внимание этих двоих к древнеегипетским погребальным ритуалам сказалось на посмертной судьбе самого императора. Сейчас же попробуем пояснить читателю (если это необходимо) суть вопроса, связанного с мумификацией. Смысл ее во времена фараонов сводился к одному - уберечь тело человеческое от тления. Удачно проведенная мумификация была залогом бессмертия, по крайней мере, хотя бы в пределах гробницы (потому так велики пирамиды фараонов). Следуя за древнеегипетскими метафорическими описаниями, необходимо учитывать, что древнейшие бальзамировщики относились к вверенному их искусству телу, как к кораблю, приходящему в движение лишь по воле капитана, сиречь души. Капитан вел свой корабль в земное плавание, а после отправлялся в путешествие загробное. Сохранить с помощью секретных составов тело и уберечь с помощью магических заклинаний душу - вот в чем заключалась суть заупокойного обряда. Душа человека после очищения от грехов должна была переселиться в свое физическое тело, тем самым обретая бессмертие. Вера в загробную жизнь, в бессмертие души - вот единственная причина тщательного бальзамирования тела у древних египтян. По одной из легенд, бальзамированию египтян обучил бог Тот (он же позднее в эллинистической традиции Гермес Трисмегист), проделав эту операцию с Озирисом.

В своем ремесле древние достигли небывалых высот. Не стоит излишне скептически относиться к крайне нелицеприятному виду выпотрошенных мумий, открытых уже в наши дни. Что мы, в сущности, знаем о тайнах функционирования человеческой плоти и способах, которыми предполагали вдохнуть в нее искру бессмертия безымянные бальзамировщики? Древние специалисты, во всяком случае, разбирались в этих вопросах ничуть не хуже нынешних предприимчивых медицинских светил, сколачивающих состояния на замораживании тел американцев, которые мечтают своими глазами увидеть отдаленное светлое будущее.

Интерес к вопросам бальзамирования появился в Европе в эпоху Возрождения вместе с интересом к философии герметизма. Позже известия о сулящей бессмертие процедуре дошли и до России.

Ученый спор Брюса и Петра Великого о бессмертии духа и плоти, начатый еще под

впечатлением посещения Рюйшевой кунсткамеры, продолжался до самой смерти императора. Воспитанный и выученный в духе философии опыта и достаточно познавший премудрости античных и новых адептов «тайного искусства», Брюс мог считать, что не только найдет объяснение секретам фараонов и святых мощей, но и сможет сам «взять бога за бороду», вырвав у него загадку бессмертия, не дававшую покоя десяткам поколений алхимиков и астрологов.

Учитель Петра в токарном искусстве Андрей Нартов сохранил в числе своих «Рассказов о Петре Великом» историю, которая, несмотря на свой хрестоматийный, назидательный характер, донесла до нас суть размышлений государя и ученого:

«Генерал-фельдцейгмейстер граф Брюс муж был ученый, упражнялся в высоких науках и чрезъестественному не верил. Его величество, любопытствуя о разных в природе вещах, часто говаривал с ним о физических и метафизических явлениях. Между прочим был разговор о святых мощах, которые он (т.е. Брюс) отвергал. Государь, желая доказать ему нетление чрез Божескую благодать, взял с собою Брюса в Москву и в проезд чрез Новгород зашел с ним в соборную Софийскую церковь, в которой находятся разные мощи, и, показывая оные Брюсу, спрашивал о причине нетления их. Но как Брюс относил сие к климату, к свойству земли, в которой прежде погребены были, к бальзамированию телес и к воздержной жизни и сухоядению или пощению, то Петр Великий, приступя, наконец, к мощам святого Никиты, архиепископа новгородского, открыл их, поднял их из раки, посадил, развел руки и, паки сложив их, положил, потом спросил:

- Что скажешь теперь, Яков Данилович? (Брюс назван так по своему английскому имени) Отчего сие происходит, что сгибы костей так движутся, якобы у живого, и не разрушаются, и что вид лица его, аки бы недавно скончавшегося?

Граф Брюс, увидя чудо сие, весьма дивился и в изумлении отвечал:

- Не знаю сего, а ведаю то, что Бог всемогущ и премудр.

На сие государь сказал ему:

- Сему-то верю и я и вижу, что светские науки далеко еще отстают от таинственного познания величества творца, которого молю, да вразумит меня по духу. Телесное, Яков Данилович, так привязано к плотскому, что трудно из сего выдраться».

Рассказ этот, содержащий в себе, очевидно, значительную долю правды и передающий достоверность самого события, не несет в себе всей истины. Читатель наш, без сомнения, мог убедиться уже, что действительные позиции и Петра, и Брюса по вопросам бессмертия и телесной нетленности были не столь однозначны. Разумеется, оба они, каждый в свою меру религиозности, не брались оспаривать могущества Творца, но при этом каждый (Брюс в особенности) полагал, что от человеческого разума скрыто еще многое, что он в состоянии постигнуть. Разгадке непознанного ученый и император посвятили немало времени.

Практическое освоение секретов бальзамирования Петр положил начать с трупа любимой собачки. В 1708 г. Николас Бидлоо получил следующее лапидарное послание: "Когда к вам сей посланной Лизетку привезет, тогда у него прими и устрой хорошенко сухими балсамами, чтоб не испортилась и духу не было, в чем пространнее к вам писал дохтур Дунель. О чем гораздо прошу, чтоб вы свой труд приложили". Вскоре доктор бодро рапортовал о достигнутых результатах: "А ныне, государь, как и живая является. Многим, государь, трудом щасливо от смолы все избавил и на многое время сохранить возможно".

В серии историй с мумифицированием всевозможных божьих тварей наиболее известен

случай, приключившийся с французом-великаном Николя Бурже. Приглашенный в Россию в качестве раритета в 1717 г., он развлекал царский двор. На маскараде в честь подписания мира со шведами, как вспоминал Ф.В.Берхгольц, "огромный француз царя и один из самых рослых гайдуков были одеты как маленькие дети, и их водили на помочах два крошечных карла, наряженные стариками с длинными седыми бородами".
В 1724 г. Бурже скончался, и царя посетила идея изготовить из него чучело. Работа была поручена некоему Еншау. К величайшему сожалению, император не успел насладиться видом этого произведения таксидермистского искусства, так как вскоре и сам последовал в мир иной. Но мастер закончил свою работу для Екатерины, которая особенно настаивала, чтобы в пальцы на руках и ногах были обязательно вделаны ногти. Увы, в более позднее время в Кунсткамере сохранился лишь скелет Бурже, который, конечно же, выглядел далеко не так эффектно, как мог бы выглядеть забальзамированный покойник-великан.

Кстати, о Кунсткамере. Те, кто видит в ее основании исключительно просветительские цели, к сожалению, ошибаются. Если бы только это!.. Собирание монстров, оказывается, имело под собой еще и религиозно-нравственную основу. "Един творец всея твари Бог, а не диавол, которому ни над каким созданием власти нет", - утверждалось в февральском указе 1718 г. об открытии кунсткамеры. Надзор за ней царь поручил своему лейб-медику, шотландцу Роберту Карлу Арескину, также одному из образованнейших людей эпохи в России. "Я велел губернаторам, - говорил Арескину Петр, - отбирать монстры и присылать к тебе; прикажи изготовить шкафы. Если бы я захотел присылать к тебе монстры человеческие не по виду телес, а по уродливым нравам, у тебя бы места для них не хватило; пускай шляются они во всенародной кунсткамере: между людьми они более приметны". Посещавший кунсткамеру Берхгольц видел в ней и живых уродцев, на содержание которых выдавалось по рублю в месяц. Царь особенно настаивал на бесплатном входе в кунсткамеру, абсолютно справедливо полагая, что в противном случае никого в это заведение на аркане не затащишь.
Кстати, проект обустройства Кунсткамеры очень детально обсуждался с Брюсом самим Арескиным и его сотрудником, а впоследствии библиотекарем Петра И.-Д.Шумахером. Судя по сохранившимся документом, Брюс еще при жизни передавал в Кунсткамеру отдельные коллекционные вещи, например в 1719 г. глиняный кувшин, найденный в Строгановских соляных копях.

К чему мы все это рассказываем, поинтересуется, быть может, нетерпеливый читатель. Давайте уже перейдем ближе к делу. С удовольствием, отвечаем мы. Но чтобы понять атмосферу, в которой появился на свет "Брюсов календарь", в которой родились легенды о Якове Брюсе, надо проникнуться духом этой взбаламученной эпохи, понять ее суеверия и эскапады, оценить отчаянную бесшабашность людей, очертя голову скинувших с себя путы кабалы святош. Мы не ставим через слово фамилию Брюса в этом тексте, но нужно понимать, что все описываемые события служили фоном его жизни и деятельности. Он принимал участие во всех чудачествах и выходках царя, в ряде случаев играя в них далеко не последнюю роль. Достаточно сказать, что его дом в Петербурге стоял бок о бок с домом Зотова, и он постоянно мог созерцать выезды пьянствующих процессий. Так что, дорогие читатели, продолжим наш экскурс в мир предрассудков петровской эпохи, а также упомянем ряд историй, знакомство с которыми поможет лучше понять ту

атмосферу, в которой зарождались легенды о русском шотландце.

Любопытна судьба некоего юродивого Васьки Босого. В 1723 г. его дело рассматривали вначале Синод, а затем Юстиц-коллегия. Этот "простонародный Брюс" "волшебством разлучил крестьянина с женою; ходя по селам, девичья полу людей волшебством превратил на растление человек с двадцать; будучи в Калуге, волшебству научил десять человек; чтоб не чувствовать холода, ходя зимой в одной рубашке, босиком, весною рвал малую крапиву, потом в горшке, без воды, выжимал сок и мазался; учил двоеперстному сложению. Демонов имел у себя в услужении; водяным демонам давал всякий скот по их требованию; когда погонят скот поить, и в то время отдавал им в воду; а воздушные бесы ему без всякого прекословия послушны, не уговариваясь, тогда как водяные без уговору, без подачки, ничего не делают, а главный над всеми бесами сатана Миха; из Калуги в Киев он, юродивый, был принесен демонскою силою в семь часов".
И в XVII, и в XVIII, и даже в XIX веке не редкостью были дела о "напускной икоте". В возможность наслать на кого-то икоту верило и простонародье, и местные власти, и питерские сановники. В свете подобных обстоятельств уже просто не вызывает удивления тот факт, что известный ученый Леонард Эйлер вынужден был регулярно составлять гороскопы для императрицы Анны Иоанновны. По-видимому, эпохи глобальных социальных потрясений и реформ не обходятся без подавляющего влияния на умы астрологов, чему примером может служить и наше время, когда люди превратились в Львов, Козерогов и Водолеев, а детские имена подбираются по книжкам путем сложнейших буквенно-цифровых вычислений .

От истории "Брюса для бедных" обратимся к его самому известному европейскому аналогу. Таковым является средневековый английский ученый Роджер Бэкон (ок.1214-1294), который был философом, филологом и естествоиспытателем. Будучи монахом-францисканцем, он преподавал в Оксфорде, но вначале был отстранен от преподавания, а в 1277 г. его защита астрологии была осуждена генералом ордена. Через год он был заточен в монастырскую тюрьму. Дальнейшая судьба его туманна. Как говорят, скончался он вскоре после освобождения. Образ Бэкона является одним из наиболее светлых в мрачном мире колдунов, магов и чернокнижников всех времен и народов.
История жизни Бэкона, освященная многовековой легендарной традицией, для нас интересна тем, что она по многим ключевым позициям схожа с брюсовской. Фактически Бэкон стоит у истоков течения в науке, поставившего перед ней задачу достижения абсолютного познания окружающей природы. Критикуя приверженность к следованию авторитетам и непроверенным теоретическим построениям средневековых схоластов, Р.Бэкон полагал, что в основе познания окружающего мира лежит эмпирическое знание, но принципы его для естествознания и мистических наук различны. Отсюда его интерес к разработке лингвистического инструментария для изучения Библии и Аристотеля, астрологических приборов для наблюдения неба.
Бэкон придерживался двойственного взгляда на магию и тайные науки, с одной стороны, отрицая расхожие суждения о немыслимых проделках колдунов и ведьм, с другой же, признавая возможность совершения магических действий при определенных условиях и с определенными целями. Легенды уверяли, что он обладал неким подобием оракула, представлявшим из себя механическую голову. В своих работах он высказал множество предположений о грядущих изобретениях летательных аппаратов, средств массового

уничтожения, географических открытиях.
Он внес в астрологию одно из принципиальных представлений, оказавшее в дальнейшем существенное влияние на ее развитие: небесные тела задают только определенные тенденции человеческой участи; остальное зависит от свободной воли человека, а также, в первую очередь, от воли Бога. Сочетание трех этих условий и созидает человеческую судьбу (см., к примеру, его «Введение к трактату псевдо-Аристотеля «Тайная тайных»).
Называя математику "дверью и ключом" к прочим наукам, Бэкон, тем не менее, в своем основном астролого-астрономическом труде "Зеркало астрономии" ("Speculum Astronomiae") связывал воедино магию, алхимию и астрологию, как три вершины естественнонаучного познания.

Сходство между Брюсом и Бэконом, помимо прочего, состоит еще и в том, что оба они практически палец о палец не ударили, чтобы сделаться героями магических легенд. Народная молва все сделала за них. Не таков был еще один популярнейший персонаж мистической фольклорной традиции - Иоганн Фауст. По контрасту с двумя почтенными учеными-оккультистами и для того, чтобы лучше понять место Брюса в мировой плеяде чернокнижников, вспомнить о Фаусте будет совсем не лишним.
Герой Марло и персонаж великого творения Гете, как уже давно выяснили исследователи, при жизни (в XVI веке) был откровенным шарлатаном, поставившим своей целью одурачивание простаков. Единственным его устремлением было прославиться в качестве великого мага, между тем, как ни единого магического действия он в жизни своей не совершил. Но - «не важно быть, сумей прослыть» - и вот, цель достигнута: обладавший весьма скромными познаниями имитатор встал вровень с великими умами и известнейшими адептами магии всех времен и народов...

Самое время вернуться к нашему герою. Образ царя-Антихриста в народном сознании с течением времени сошел на нет, а вот легенда о его подручном Якушке Брюсе не выветрилась из памяти народной, пережив и крушение империи, и гибель потомков Петра. С годами ореол таинственности вокруг фигуры Брюса не только не угас, но, напротив, все более усиливался. Легенды окружали его и на склоне лет. Не последнюю роль в этом играло и его происхождение. Шотландцам вообще и Брюсам в особенности искони везет на легенды. Недавно английские ученые нашли легендарный ковчег с сердцем Роберта Брюса. Самые знаменитые маги и чародеи средневековья были шотландцами, Майкл Скотт, например, воспетый в стихах Данте. Да и одна из ветвей масонства не случайно носит название шотландской, в Шотландии начала XX века насчитывалось более шестисот масонских лож. Итак, шотландская кровь и тяга к знаниям, научный скептицизм и отвага солдата, государственный ум и верность монарху во всех его (зачастую сомнительных) начинаниях - вот та взрывоопасная смесь, из которой родилась на свет легенда Якова Брюса.
Надеемся, наш читатель уже достаточно погрузился в атмосферу, породившую на свет знаменитый "Брюсов календарь". Самое время поговорить о нем более подробно.

XI. ВЕЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Что делает наш астролог, магик, алхимик или, просто, колдун, как называет его народ? Окончит ли он свой календарь с пророчеством на сто лет? Мерзнет ли по-прежнему на

Сухаревой башне, гоняясь за звездами? Жарится ли в своей кузнице, стряпая золото и снадобье вечной жизни. При свидании доброму, ученому чудаку мой низкий поклон. Я много люблю и уважаю его: он знает меня лучше других - не он ли пророчил мне высокую будущность?
И.Лажечников

Знаменитый астроном и астролог Иоганн Кеплер начал свою работу «О более достоверных основаниях астрологии» двумя тезисами:
«Тезис 1.
Принято считать, что составление ежегодных прогностиконов входит в обязанности математиков. Поэтому я в соответствии с этим решил выполнять таковую обязанность на грядущий 1602 год от Рождества Христова, Спасителя нашего. Ограничивая предсказания не столько любопытством публики, сколько обязанностями философа, начну с главного предсказания, которое можно высказать с полной уверенностью: в этом году будет богатый урожай предсказаний, так как из-за растущего спроса на них все больше авторов преумножают день ото дня число предсказаний.
Тезис 2.
В этих прогностиконах многое будет предсказано, что будет подтверждено событиями; но многое будет предсказано и такого, что время и опыт отвергнут как ложное и не достойное внимания. Последнее вскоре забудется, а первое глубоко запечатлеется в памяти, ибо так ведется на этом свете».
Сделав столь взвешенное умозаключение, Кеплер тем не менее не отказался от идеи поставить астрологию на научную основу, вопользовавшись данными астрономических наблюдений для публикации собственных прогнозов в области природных и общественных явлений. В России возможность сделать нечто подобное публично появилась лишь спустя немногим более ста лет.

В начале 1709 г. руководитель Монастырского приказа и патриаршей типографии, боярин, будущий граф и сенатор Иван Алексеевич Мусин-Пушкин писал царю: "По указу твоему шведские артикулы, выправя, печатать будем; геометрическая книга скоро не поспеет для фигур, архитектурная книга у Гагарина, 2000 календарей послал в армию для продажи, меньшие по 4 копейки, большие по 5, послал 30 книжек кумплементальных, то ж число слюзных (шлюзных). Эзопову книгу славянским диалектом исправили и можем напечатать вскоре". Так впервые в документах мы встречаемся с упоминанием календаря, вскоре приобретшего славу и наименование Брюсова и на века сохранившего имя этого замечательного во всех отношениях человека.
Вопреки довольно распространенному мнению "Брюсов календарь" был не первым, а вторым печатным русским календарем. Первый ("меньший") вышел в конце 1708 г. Но "Брюсов календарь" ("большой") был первым русским настенным календарем. Издавался он отдельными листами, и его первый лист вышел, по одним данным, 1 января 1709 г., по другим же - 14 мая 1709 г. Не исключено, впрочем, что обе даты верны, если предположить, что ввиду растущего спроса тираж мог быть допечатан. "Ново сия таблица издана, - гласил первый лист календаря, - в ней же предложено вступление солнца в 12 зодий приближно, такожде восхождения солнца, яко на оризонт сей, тако и со оризонта, еще же величество дней и нощей в царствующем великом граде Москве, яже имеет широту 55 градусов 15 минут; вычтена и тиснению предана обще, яко на едино лето, тако

и на прочие годы непременно, повелением его царского величества, во гражданской типографии, под надзрением его превосходительства, господина генерала лейтенанта Якова Вилимовича Брюса, тщанием библиотек. Васи. Киприя. мая 2, 1709".
Как можно понять уже из данного предуведомления, для приобретшего календарь сообщались сведения о датах вступления солнца в каждый из знаков зодиака, величине дня и ночи, времени восхода и захода солнца. Здесь же впервые в истории русского книгопечатания читателю давалось представление об основных понятиях астрологии. Знаки зодиака подразделялись по "естеству", один из них был "тепл и мокр", другой "студен и сух", третий "тепл и сух" и т.д. Именно эти определения лежали в основе всей астрологии кеплеровского толка, стремящейся в первую очередь делать предсказания в сфере природных явлений и природопользования. В последующих выпусках авторы «Календаря» подробно разрабатывали заявленные темы и добавляли к ним новые, сообразуясь как со своим стремлением ознакомить публику с азами астрономических и астрологических наблюдений, так и с интересами потенциального покупателя календарной продукции.
Второй лист, озаглавленный "Календарь повсемственный, или месяцеслов на все лета господня", вышел из печати в том же, 1709 году, в ноябре. Наряду с пасхалиями (сведениями о церковных праздниках), на втором листе продолжалось изложение основ астрологии. Авторы сообщали читателю о "характерах седми планет": "Венера - посредственная стужа и мокрота; Сатурн - студен и сух; Солнце - тепло и сухо"... и т.д. Здесь же были помещены ряд астрономических данных: сведения о полнолуниях и новолуниях на 19 лет вперед.
Третий лист, имеющий пышное заглавие "Предзнаменование времени по всякой год по планетам; еще же не точию знаменование времени, но и многих расположенных избранных вещей, которыя деются от каждой сильнейшия и господствующия планеты, чрез кийждо год по вся четыре времена всего лета" и являвшийся, как сообщалось, переводом, "с латинского диалекта из книги Иоанна Заган", вышел из печати в 1710 г. Вопреки широко распространенному мнению, Киприанов и Брюс не публиковали предсказаний ни на двести лет, ни до 2000 года. Срок действия их сообщений ограничен 1821 г., то есть, на 112 лет вперед (четыре 28-летних астрологических цикла).
Из таблиц четвертого листа, "Предзнаменование действ на каждый день по течению луны в зодии", опубликованного не ранее 1711 г., можно доподлинно узнать, когда нужно "кровь пущать, мыслить почать, брак иметь или жену пояти, долги платити, чины и достоинство воспринимать" и т.д. "Таблица или правило сие, - гласил календарь, - изыскано чрез Мартына Альберта Феофрастического медика и рудоискателя от Хемниц, яже преведенная с цесарского диалекта из книг астрологии или планетныя Вольфганга Гильдебранда; иным же числом преложенная со изображением действ и со обтечением луны в зодиах зело кратким способом в таблице сей".

Тут необходимо сделать отступление от описания листов календаря, ибо четвертый из них содержит крайне любопытную для нас информацию, дающую немало пищи для размышления. Сведущие в астрологии люди утверждают, что работы Гильдебранда в те времена были достаточно известны. Не являясь профессиональными прорицателями, мы тем не менее перелопатили груду как астрологической, так и исторической литературы, изучили ряд трудов ученых мужей того времени, но нигде не встретили упоминаний этого имени. А потому, рискуя впасть в ошибку (которую, надеемся, наши будущие критики

доброжелательно исправят), попробуем высказать свою собственную версию.
Цесарский (австрийский) «Феофрастический медик» - фигура загадочная и весьма интересная. На ум сразу приходит Парацельс, знаменитый средневековый философ, естествоиспытатель и врач, по мировоззрению - гностик и герметист. Его настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм. Но вот незадача - он не Мартын Альберт, следовательно, маловероятно, чтобы именно он был автором одной из частей «Брюсова календаря». Можно предположить, что автор таблицы принадлежал к школе Парацельса. Но нельзя исключать, что это вымышленное лицо, за фигурой которого укрылись сами составители календаря, Яков Брюс и Василий Киприанов. А анализ их жизненных путей и уровня осведомленности в делах оккультных позволяет нам говорить о том, что они вполне были способны сформировать астрологическую таблицу самостоятельно, на основании других имевшихся в их распоряжении источников. К тому же сама форма, использованная для упорядочения предсказаний - таблицы, требующие специальных вычислений, - вполне может указывать на авторство нашего героя, которому случалось уже издавать математические таблицы.
Если дело обстояло именно таким образом, то указанное в календаре имя «Феофрастического медика» можно было бы трактовать как легкий ироничный выпад в сторону официальных церковных идеологов (а что Брюс вполне был способен на это, доказывает хотя бы уже упомянутая нами ситуация с изданием «Космотеороса» Х.Гюйгенса). Прикрыв собственные астрологические разыскания вымышленным именем и тем самым обезопасив себя от преследований, они, вполне возможно, с помощью образа «Феофрастического медика» послали привет далеким потомкам, столетия спустя открывающим для себя «Неисходимый календарь». Возможно, это маленькая, но существенная деталь, которая позволит в конце концов пролить свет на историю появления календаря.

Пятый лист, с объяснением механизма действия предыдущих, выпущен в свет в 1715 г. и носит заглавие "Краткое предобъявление предложенных четырех таблиц и яже каждая что имать содержание в себе, на которых таблицах обще нарещися может, яко календарь неисходимый" (т.е. вечный, отсюда пошло и второе его название).
Шестой лист, вышедший в свет в том же году, назывался "Употребление предложенных четырех таблиц, на которых кратко собранный неисходимый календарь" и венчал собой все издание.
Любопытно, что он нес в себе определенный полемический смысл: по видимому, к этому моменту издатели календаря уже успели получить не слишком лестные отклики на свое детище, возможно, из церковных кругов. Так, среди пышных аллегорических рисунков, которыми, так же, как и остальные, был щедро украшен последний лист, выделялась картинка "на астрологов", изображавшая Икара, опаленного лучами солнца и падающего в море. Витиеватым языком высказывалось кредо авторов издания, их отношение к астрологии: "Егда присного лета, что чрез инфлюенцию, яко планет, тако и прочих светил, разныя действа сбывашеся; наипаче же убо, иде же бо хощет Бог, то всуе вся мняшесе, зане творцом вся твари инфлюенция вся побеждашеся". "Благодарю тя, всемогущий мой и всемилостивейший Творче, - восклицал автор календаря (очевидно, Киприанов) в надписи, расположенной в самом низу листа, - яко изволил сей общий календарь начати, его же твоею всещедрою помощию в честь своея Матере и всех святых и церкви окончати, аминь: зане ты еси всегда альфа и омега!" (то есть начало и конец).

При прочтении этих строк вновь хочется напомнить о Роджере Бэконе, успешно совмещавшего свое монашество с научными изысканиями и астрологическими увлечениями и впервые указавшего на тройственное влияние Провидения, небесных тел и человеческой воли на судьбу той или иной личности. Для нас надписи финального листа календаря послужили также еще одним свидетельством в пользу версии об обостренном интересе Якова Брюса к астрологии и его своеобразном к ней отношении, связанном с его взглядами, приобретенным образованием и жизненными занятиями.
Сама идея завершить таким образом календарь могла, кстати, принадлежать в первую очередь именно нашему герою. Ведь еще в 1697 г., начиная на немецком языке математическую рукопись, Брюс предпослал ей латинский эпиграф "Omnia cum deo et nihil sino ed", что можно перевести как "С богом - всё, без него - ничто". По сути дела, формулировка календаря является лишь более расширенным воспроизведением этого давнего кредо Брюса с учетом ситуации, в которой она были применена. И что любопытно, нам обе эти надписи напомнили фразу, начертанную на кольце, изображенном на одном из рисунков так называемой «Хризопеи» Клеопатры, женщины-алхимика, чьи труды являются одними из древнейших дошедших до нашего времени (им почти две тысячи лет). Фраза, ставшая впоследствии квинтэссенцией алхимического учения, гласила: «Один есть все, и все от него, и все в нем, а если он не содержит всего, он - ничто».

Для своего времени выход «Брюсова календаря» был той самой «первой ласточкой», которая еще не делает весны, но указывает на неизбежность ее скорого прихода. Положивший начало целой серии аналогичных изданий на русском языке, «Календарь» сделался бестселлером на долгие годы. И дело здесь, конечно же, не только в прогностической его части, хотя и она периодически обновлялась последующими поколениями издателей в соответствии с методикой оригинала. В календаре впервые была предпринята попытка перенести на русскую почву достижения европейской астрологии XVII в., в первую очередь, взглядов уже упомянутого нами Кеплера, который за столетие до этого представил на суд читающей публики пусть не бесспорную, но весьма любопытную астрологическую концепцию влияния космических аспектов на природные явления. Для землевладельца это была небесполезная информация, так же, как и вечная таблица исчисления церковных праздников. Убедительной для читателя была и идея о гармонизации хозяйственной деятельности с лунно-солнечными ритмами. Необходимость же регулярного переиздания календаря объяснялась, по-видимому, небольшими тиражами при постоянно увеличивавшемся спросе.
Мы умышленно не освещаем более подробно само астрологическое содержание календаря. Тому есть несколько причин: во-первых, сам календарь отчасти устарел, во-вторых, он написан достаточно неудобным для современного глаза и уха языком начала XVIII века и требует хорошего перевода на современный русский язык. К тому же он сложен для восприятия. Таблицы его, как мы уже говорили, не дают готовых ответов на праздные вопросы, вся система "неисходимого календаря" рассчитана на аккуратные и кропотливые вычисления, только совершив которые и можно узнать самое необходимое о своей потенциальной судьбе. Таким образом, у пожелавшего ознакомиться с «Брюсовым календарем» остается две возможности: либо дождаться выхода его современной версии в свет (а это рано или поздно должно случиться), либо отправиться в библиотеку. До революции он переиздавался не менее сорока раз, так что какое-нибудь из его изданий

наверняка может оказаться в достаточно крупной библиотеке. Опасения некоторых исследователей о том, что последующие издания не идентичны первому, поскольку со временем «Брюсов календарь» превратился просто в некий жанр книгопечатания, верны только отчасти. Да, действительно, во времена Елизаветы Петровны, Екатерины Великой, в XIX веке в содержание календаря вносились существенные добавки. Но, основываясь на тех кратких сведениях, которые приведены в этой главе, можно легко отделить оригинальный текст от позднейших вставок и получить достоверное представление о первом издании календаря. Поверьте, игра стоит свеч.
Определенную, достаточно интересную попытку воссоздания, омоложения, если угодно, "вечного календаря" предприняли в 1993 г. в журнале "Наука и религия" (N 10). Что же касается первого издания, то оно стало библиографической редкостью. В России от него сохранилось всего лишь три экземпляра. Несколько лет назад на знаменитом лондонском аукционе "Кристи" экземпляр первого издания был приобретен за большие деньги неким коллекционером.

Своим появлением календарь без всякого преувеличения произвел революцию в умах. Запретное знание вышло из-под спуда и стало нормой. Рухнул еще один бастион, тщательно охранявшийся доселе православной церковью. В образовавшуюся брешь сразу же хлынуло великое множество астрологических изданий, и остановить этот поток было уже невозможно. Напротив, уже через несколько лет царь прямо указывал Мусину-Пушкину, чтоб "в календарях напечатать прогностику". К сожалению, нам все чаще приходится сталкиваться с откровенно дилетантскими попытками бессчетного числа «желтых» газет, журналов и электронных СМИ с помощью доморощенных астрологов увеличить собственную популярность. Спрос скудоумных домохозяек на самодельные гороскопы и «французско-нижегородские» прогнозы рождает симметричное предложение, не имеющее ничего общего с классической астрологией, чьи истоки восходят ко временам строительства первых пирамид. Но к Якову Брюсу и «вечному календарю» вся эта «популярная» астрология не имеет вообще никакого отношения, что мы и постараемся показать в следующей главе.

XII. БРЮС, ГЕРМЕС И ЧЕРНАЯ КНИГА

«Ничего не разрушается и не исчезает, это только слова сбивают нас с толку...»
Corpus Hermeticum
Ora, Lege, Lege, Lege, Lege, Relege, Labora et Ivenies.
Молись, читай, читай, читай, читай, трудись и ты познаешь.
Алхимический афоризм

История появления на свет "Брюсова календаря" весьма любопытна. Он был взращен на почве народных мистических воззрений, обильно сдобренной "отреченной" литературой, взращен "тщанием" целой плеяды апологетов астрологии, и усилия Киприанова и Брюса только венчали эту многовековую пирамиду.

Борьба средневековых древнерусских представлений о недвижности «небесного шатра» и проникавших с Запада через православный Киев новейших космографических учений началась еще в конце XV в. Сторонники новых воззрений пропагандировали учение о девяти небесных сферах, окружающих Землю, о влиянии планет на земные события, о

возможности в связи с этим делать предсказания о судьбах людей и народов. Несмотря на сопротивление церковных авторитетов уже в XVII в. астрологические теории получают некоторое хождение и на Руси.
Мы говорили о деятельности Симеона Полоцкого по внедрению астрологических представлений в русскую придворную среду. 11-летний Петр ознакомился с переводом труда Я.Гевелия "Селенография", во вступлении к которому переводчик сообщал, что звездословие (астрология) "благопотребно есть на управление государства". Алексей Михайлович, его сыновья и дочери вплотную заинтересовались астрологией. К моменту же возмужания Петра Великого рукописные астрологические календари, составленные по «отреченным» книгам и переводным зарубежным первоисточникам, стали весьма популярным чтением.
Издание чего-либо подобного "Брюсову календарю" было вопросом времени. Но именно благодаря близкому знакомству и деловому сотрудничеству Василия Киприанова и Якова Брюса он смог появиться на свет.

С давних пор идет ожесточенный спор, насколько правомерно называть календарь Брюсовым. Новейшие исследования показывают, что Киприанову в деле его составления и издания принадлежит очень существенная роль. Он сам переводил с латыни астрологическую литературу и, основываясь на имевшихся в его распоряжении источниках, составил в начале XVIII века сочинение под названием "Планетник", посвятив его Петру I и царевичу Алексею. "Планетник" и явился той отправной точкой, на которой Киприанов и Брюс основали свое издание.
Но какова же все-таки роль Брюса? На наш взгляд, она также достаточно велика. Не говоря уж о чисто астрономической части календаря, которая, несомненно, была составлена Брюсом, хорошо представляя себе общественную обстановку начала XVIII века и отношение официальной церкви к малейшим отклонениям от раз и навсегда установленных догматов, можно вполне уверенно говорить о том, что иметь у себя оккультную и астрологическую литературу такому человеку, как средней руки торговец Киприанов, было просто небезопасно. Имя же протестанта, иноземца по происхождению и видного петровского сановника Якова Брюса служило хорошей защитой от всевозможных нападок. Но этим его роль не ограничивалась. Важно было и то, что сам Брюс испытывал значительный интерес к тайным наукам. В противном случае едва ли бы типография, в сущности, предназначенная к выпуску учебников и пособий для школьников, предприняла бы вдруг столь сомнительное по тогдашним временам издание. Очевидно и то, что календарь в том виде, как он вышел из печатного станка, несет на себе ощутимые следы правки Брюсовой рукой.
Начнем с того, что он является не просто сборником переводов с иностранных языков. В самом тексте присутствуют ясные указания на то, что иноземные первоисточники существенно переработаны. Зная, как тщательно редактировал и зачастую переписывал чуть ли не целиком Яков Вилимович все издания, выходившие из гражданской типографии, можем ли мы утверждать, что календарь избежал общей участи? Разумеется, нет. К тому же сама форма подачи астрологического материала в "неисходимом календаре" вызывает в памяти целый ряд математических таблиц, изданных в той же типографии под редакцией (надзрением) Брюса. Очевидна идентичность подхода к астрологическим и математическим данным, которая могла быть присуща именно Брюсу, но никак не Киприанову, который был скорее склонен к

увлечению гуманитарными науками.
Еще одним любопытным моментом в истории календаря, давно интересующим исследователей, является вопрос о степени использования в нем "отреченной литературы". Напомним, что переведенными с иностранных языков специально для "вечного календаря" названы в тексте только фрагменты всего издания. Остальные же его части, по видимому, почерпнуты из литературы, известной на Руси ранее, в частности, основные астрологические понятия, опубликованные еще в первом листе Брюсова календаря. А взяты они были, по всей видимости, из тех самых книг и рукописей, которые упоминаются Григорием Книголюбовым в перечне оккультной литературы, сокрытой в залах Сухаревой башни. И принадлежать все это богатство опять-таки могло именно Брюсу, но никак не Киприанову и, вероятно, предоставлялось им Василию Анофриевичу для работы.
Здесь самое время и место поговорить о влиянии на русскую чернокнижную традицию и конкретно на «Брюсов календарь» герметической литературы, а значит, пора подробнее рассказать об этом религиозно-философском течении.

Строго говоря, возможно, не стоило бы рассуждать о «герметизме» как едином комплексе философских трудов, ибо трактаты «Герметического Свода», книги «Асклепий» и «Зеница мира», другие дошедшие до нас отрывки, включаемые в коллекцию рукописей так называемого «Высокого герметизма», написаны в разное время (приблизительно с III в. до н. э. до III в. н. э.) и несут на себе следы известных мировоззренческих разногласий. Герметический культ возник в египетской Александрии и впитал в себя черты образа жизни и достижения мыслителей египтян, греков и иудеев. От египтян он взял древние магические тексты и ритуалы, от греков - классическую античную философию, от иудеев - библейскую мудрость. Древнеегипетский бог Тот (бог Луны, важнейший участник погребального ритуала, всемогущий маг, изобретатель письменности и выразитель воли верховного божества) и эллинский Гермес, извечный соперник Аполлона, слившись в единое целое, превратились в Гермеса Трисмегиста (Триждывеличайшего), различные ипостаси которого (Меркурий, св.Иеремия, Идрис, Будха и т.д.) известны также и целому ряду мировых религий. В древнерусском «Еллинском летописце» рассказывается о «Ермие тревеликом, сыне Дия, муже хитре и оумоучене, иже изобрете руду златую прьвие и ковати злато», великом изобретателе, который задолго до Священного писания «Троицу Единосущную исповеда». Изображения его присутствуют на вратах нескольких древнерусских соборов. На Руси Ермий был известен как отец кузнечного ремесла. Как писал Б.А.Тураев, имя его «сделалось для всего образованного общества вселенной олицетворением премудрости и лучших сторон человеческой души». Исследователи не раз отмечали значительное сходство основных положений герметизма и христианства и даже текстуальную близость герметических трактатов и Евангелий. Однако их многовековая борьба за людские умы и души окончилась поражением герметизма.

Второе дыхание он обрел во времена Возрождения и снискал значительную популярность у философов и естествоиспытателей Европы. Это неудивительно, если учесть, что одно из главных его отличий от христианства состоит в отсутствии понятия «веры в Бога». Герметизм проповедует «знание Бога» и утверждает, что «конечное Благо тех, кто владеет Знанием, - стать Богом». Традиция «высокого герметизма», обогатившегося к тому времени арабскими, индийскими и отчасти даже китайскими влияниями, активно

занималась обсуждением таких вопросов, как переселение душ, возможность достижения бессмертия, проблема сосуществования блага и зла во Вселенной.
Эпоха с момента падения Римской империи до XIII века в Европе была временем, когда христианская церковь имела абсолютное влияние, наука была сведена к затверженным непререкаемым постулатам, основанным на священных книгах. Однако постепенное развитие общественной мысли в конце концов привело к взрыву, который озарил своды мрачной кельи суеверного Средневековья светом Возрождения. Европейская научная и общественная жизнь двинулась вперед поистине семимильными шагами. Но произойти это могло только при условии возвращения к корням самой европейской цивилизации, воскрешения античной культуры. Так вместе с Аристотелем и Платоном в научный оборот вернулись и труды герметистов, которые считались написанными самим Гермесом Трисмегистом. В Средние века и в период Ренессанса он воспринимался как реально существовавшая историческая личность. Так, немец Корнелий Агриппа в своих работах об оккультизме излагал идеи Гермеса наряду с Аристотелем, Цельсом, Аверроэсом, Сократом и другими философами.
Появление целой системы взглядов, строившейся на пересечении идей науки и магии, вызвало усиление церковных репрессий против так называемых «колдунов» и «ведьм». Именно люди Возрождения стали свидетелями зарева костров, возжигаемых из человечьих тел во славу Господа неутомимой Святой Инквизицией. На протяжении нескольких сотен лет лучшие умы Европы спорили о вопросах магии и ведовства. «Молот ведьм», который стал идеологическим обоснованием ведовских процессов, вызвал бурную полемику. Даже в начале XVIII в. немецкий правовед Кристиан Томазиус в своей работе «О преступлениях магии» вынужден был протестовать против гонений на ведьм. Судя по эльбингской истории нашего героя, Германия все еще являлась страной, где костры для колдунов возжигались с легкостью.
При этом понятие «магии» оставалось одним из краеугольных в сфере познания. «Древние обозначали словом «магия» не всякое знание и мудрость, - читаем у Томазиуса, - но - мудрость тайную, то есть знание о таких вещах, причины которых не просто неизвестны простым людям, но тщательно сокрыты, чтобы люди, пребывая в вечном неведении, приписывали их действию сил, превышающих человеческие способности. Это наблюдение подтверждается общепринятым определением магии, подразделяющим магию на естественную, искусственную и демоническую. Ведь под этими различными видами в пределах рода «магии» подразумевается знание не каких угодно вещей, но вещей сокрытых, или, по меньшей мере, таких, которые считаются сокрытыми».
Допустимой по-прежнему считалась естественная и искусственная магия, другими словами, исследования, расширяющие рамки официальной науки, которым посвятили существенную часть своей жизни выдающиеся умы человечества: Парацельс, Бойль, Кеплер, Ньютон и др.

Понадобились века и века, чтобы целый ряд ученых, оккультистов и церковных идеологов сделали передышку в извечном споре об истинности того или иного подхода к изучению мира. Наконец-то к ним начало приходить понимание, что развитие общественной мысли - не марафонская дистанция, в конце которой победителя ждет чемпионский кубок. Познание Вселенной идет по извилистым тропкам, через дикую чащу, в которой корни цепляются за ноги, кустарник колет лицо и руки, густая листва надежно упрятала горизонт. Ортодоксальная наука не раз пыталась отодвинуть мистические учения на

периферию духовной жизни. Временами ей это удавалось. Казалось, еще чуть-чуть - и железной рукой, сорвав последний покров тайны, взяв все милости от Природы, наука загонит человечество к счастью. Ан нет - Природа всегда умудрялась подкинуть ученым мужам какую-нибудь каверзную задачу, которая вновь отбрасывала их далеко назад с последнего рубежа познания. Не раз и не два в течение последних столетий люди науки в массовом порядке начинали впадать в мистицизм, а оккультисты пытались праздновать победу, смыкая свои ряды. О широкой публике и говорить не приходится. Сегодняшний среднестатистический обыватель равным образом принимает, не задумываясь, прогнозы астрологов и клонирование овечки Долли, чудачества самолечения и полеты в космос, газетную рекламу ворожбы и достижения всеобщей компьютерной грамотности.
Томмазо Кампанелла писал когда-то: «Пока искусство не становится понятным, его всегда называют магией; только потом - просто наукой». Сейчас, на рубеже тысячелетий, мы начинаем постигать, что и ученые, и оккультисты всегда шли к одной и той же цели, но пути их практически всегда лежали параллельно. Лишь изредка вступали они в диалог, который обогащал и тех и других новыми познаниями и давал колоссальный толчок к развитию общественной мысли.
Именно таким временем была эпоха Возрождения и начало Нового Времени (XIII - XVIII вв.). Альберт Великий, Роджер Бэкон, Николай Коперник, Парацельс, Корнелий Агриппа, Иоганн Кеплер - кто они? Ученые? Да, каждый из них внес в большей или в меньшей степени свой вклад в развитие науки. Оккультисты? Да, ибо каждый из них отдал немало сил поискам философского камня и развитию астрологии. Более того, все они, каждый по-своему, поднимали «тайные искусства» на новый уровень сосуществования с официальной наукой. «Те, кто изучал сверхъестественное, не были всего лишь легковерны, - пишет Джон Фаулз в своем эссе о Джоне Обри. - Эпоха, в которой они существовали, изо всех сил стремилась найти объяснение устройству мира - как природы, так и человека, и их маниакальное увлечение астрологией, алхимией, мистическими знаками, магией цифр и тому подобными вещами было одним из результатов этого стремления. Нас может удивлять (даже ужасать) то, сколько времени Ньютон потратил на расшифровку откровения Иоанна Богослова, или то, что Кеплер верил в реальное существование музыки сфер, но ведь, с другой стороны, они просто допускали любые возможности, использовали все доступные им пути исследования».

В эпоху Средневековья мистико-магическая традиция, воплощенная в герметизме, влачила жалкое существование, будучи представленной лишь своими низшими формами; обрастала с течением времени легендами и небылицами; доставляла средства на хлеб насущный деревенским колдунам, разномастным астрологам и исступленным алхимикам, отравлявшимся ртутными парами в неистовых поисках философского камня (Магистериума, «камня, который не является камнем», «красного льва» и т.д.). XI век положил начало знакомству европейцев с явлениями арабской культуры. В трудах Аверроэса, Авиценны, Аль-Рази и Гебера они повторно открыли для себя сокровища античной мысли. Вскоре Платон и Аристотель, Пифагор и трактаты «Герметического свода» прочно вошли в повседневный обиход ученых мужей Европы.
С появлением столь могучего основания под работой средневековых ученых алхимия и астрология пережили свой «золотой век». Практически никому не приходило в голову отрицать «тайные искусства», но кто-то видел в них способ познания мира, для других же их истинный смысл крылся в осуществляемых таким образом кознях Дьявола.

Дальнейший ход событий естественным путем разделил пеструю толпу мистиков от науки на два людских потока. В одном из них сошлись предприимчивые дельцы, опустошавшие лживыми посулами кошельки сильных мира сего. Несть числа трюкам их, с помощью которых столетиями удерживали они интерес публики к превращениям металлов в золото, к смутным предсказаниям судьбы, к малопонятным магическим ритуалам. Алчность сиятельных особ плодила шарлатанов от магии.
Действительные же поборники познания в «тайных искусствах» искали ответов на многочисленные свои вопросы. Своих оппонентов они презрительно величали «дымильщиками» и говорили: «Лжеалхимики стремятся делать золото. Истинные философы стремятся к знанию. Первые создают тинктуры, софизмы, нелепости. Последние познают сущность вещей». В трудах адептов «божественной» и «натуральной» магии (Роджера Бэкона, Корнелия Агриппы, Василия Валентина, Джона Ди, Парацельса и др.) была сформирована своеобразная теория познания. Превращение (трансмутация) неблагородных металлов была зримым отражением происходящего при этом духовного процесса. Подобно тому, как из реторты должно было явиться золото, в процессе этого «Великого делания» душа должна была очиститься от скверны и пороков и превратиться в некое «духовное золото». «Наше золото не есть золото толпы», - горделиво заявляли алхимики.
Адепты алхимии и астрологии верили, что, познавая, каждый на своем месте, некую часть Вселенной, они в конечном итоге смогут постичь все ее тайны без остатка, поскольку целое может быть познано по частям. Они создали единую теорию мира, в которой теле небесные и тела земные находили соответствие друг в друге, процессам во внутреннем мире человека и его организме соответствовали природные процессы, а основой всего сущего являлась prima materia (первовещество, философский камень, эликсир жизни). Алхимия и астрология стали средствами духовного познания макрокосма и микрокосма (Вселенной в целом и внутреннего мира самого человека) и способом найти пути человечества к совершенству (и даже бессмертию). Таким образом, в конце концов, истинной целью герметистов XVI-XVII вв. стало познание Бога.

Путь адептов «тайных искусств» не был усыпан розами, в их рядах оказалось немало людей, чья жизнь, посвященная науке, окончилась трагически. Нищета, отравления ртутью, притеснения власть имущих, разочарованных безрезультатностью работ алхимиков и астрологов - вот путь большинства из герметистов. На этом пути было немало славных научных открытий, рождение современной астрономии, химии и медицины. Неизвестно, удалось ли кому-либо из них познать секреты Вселенной, обнаружить тайну превращения металлов в золото, открыть эликсир бессмертия… Унесли ли они свои знания в могилу, передали ли по наследству пытливым ученикам - бог весть. Но традиции «тайных искусств» не суждено было умереть, и эпитафия ей еще не написана…
К началу XVIII века герметизм практически полностью потерял свою привлекательность для широкой аудитории, последним крупным западноевропейским мыслителем и ученым, обратившим пристальное внимание на герметическую религиозно-философскую традицию, был Исаак Ньютон (последователем которого в России, как мы уже отмечали, стал Брюс). Но отголоски поверженного культа нашли свое отражение в истории современной науки, в истории развития мистических сект розенкрейцеров и масонских лож, в произведениях классиков мировой литературы, Густава Майринка, например.

Великий французский поэт XIX века Шарль Бодлер, чьи «Цветы зла» являются стихотворной энциклопедией порока, с грустной иронией писал о своем опыте обращения к герметизму:

Гермес мой тайный, ты всегда сам
Мне помогал, вселяя страх,
И в алхимических скорбях
Меня равняешь ты с Мидасом.

И превращаю я с тобой
В железо каждый золотой,
И в небе друга труп мне мнится,

Закутан в саван тучевой,
И там, где звезд летят станицы,
Я строю грозные гробницы.

Нет сомнений, что и по сию пору сокровенные мысли античного бога будоражат умы изысканных мистиков.

Подробное изложение принципов герметизма не входит в наши планы, об этом читатель легко может справиться в соответствующей литературе. В данном случае нам более интересно воплощение их в жизнь так называемыми герметическими, иначе оккультными, науками: магией, астрологией, алхимией и астромедициной. Генетически взаимосвязанные с философской системой герметизма и практикой «низкого герметизма» (повседневной мистической традицией, которая зародилась гораздо раньше «высокого герметизма» и надолго пережила его), они воплотили высокие идеи в утилитарной деятельности адептов. Герметическая космогония породила учение о влиянии на жизнь всего сущего знаков Зодиака. 12 знаков, поделенные на 36 деканов, получили свои соответствия в растительном и животном мирах и царстве камней.
Древнеегипетская магическая традиция, подхваченная греками, римлянами и арабами и в их интерпретации доставшаяся в наследство уже известным нам европейским адептам приписывала Гермесу Трисмегисту как легендарному отцу тайных наук все мало-мальски значимое в этой области. Легенда за легендой, тайна за тайной, опыт за опытом столетиями накладывались друг на друга, изменяя первозданный облик «низкого герметизма». Но черты его сквозь многочисленные наслоения все же можно разглядеть в классических трудах по оккультным наукам и даже в современных работах в этой области.

Самое же любопытное для нас в истории «низкого герметизма» заключается в том, что окольными путями он проник в средневековую Русь и оставил свой след в ее сказаниях и легендах. И это выразилось не только в самом факте появления книг по оккультизму на Руси. Предания разных народов, разделенных самой историей во времени и пространстве, зачастую оказываются поразительно похожими...
Античный писатель Сатни, по сообщению Б.А.Тураева, излагает в своем романе следующую историю: «Книга, написанная его (Тота) собственными перстами и

сообщающая божественную силу, сокрыта от глаз и пользования смертных среди волн у Копта в пяти ящиках, вставленных один в другой: железном, медном, из смоковничного дерева, из слоновой кости, золотом и серебряном. Кроме того, ее охраняют змеи, скорпионы, другие пресмыкающиеся и главная «вечная» змея. Только род магических действий и жертвоприношений указывали место и разверзали водную пучину, а благополучный исход борьбы со стражами-чудовищами отдавал книгу в руку дерзкого похитителя, который, по прочтении двух страниц, очаровывал небо, землю, преисподнюю, горы и моря, узнавал язык птиц небесных и пресмыкающихся, рассматривал рыб бездны морской. Чтение специально второй страницы давало возможность находящемуся в преисподней снова подняться на землю в прежнем виде, созерцать лучезарного бога и месяц в его блистании. Но даром это не сходило: Тот являлся к богу солнца с жалобой на похитителя, и последний немедленно и неминуемо наказывался». Согласно традиции, просуществовавшей на протяжении многих столетий, в оккультной литературе постоянно встречаются указания, что то или иное произведение (счет их идет на десятки) найдено в незапамятные времена на могиле Гермеса, который, как мы уже отмечали, является преемником Тота.

А теперь возвратимся к нашей легенде о «Черной книге», но теперь уже не в изложении Григория Книголюбова, а в более подробной интерпретации И.П.Сахарова: «... Черная книга хранилась на дне морском, под горячим камнем Алатырем. Какой-то злой чернокнижник, заключенный в медном городе, получил завет от старой ведьмы отыскать книгу. Когда был разрушен медный город, чернокнижник, освободясь от плена, опустился в море и достал Черную книгу. С тех пор эта книга гуляет по белому свету. Было когда-то время, в которое Черную книгу заклали в стены Сухаревой башни. Доселе еще не было ни одного чернокнижника, который бы мог достать Черную книгу из стен Сухаревой башни. Говорят, что она связана страшным проклятием на десять тысяч лет».

Не правда ли, сюжетные мотивы обоих сказаний весьма сходны в главном, с той лишь разницей, что египетский вариант более подробен и поэтичен, а русский в чем-то является его продолжением. Но это еще не главная черта, сближающая русский и античный эпос. Вспомним вновь опись сухаревских книг Книголюбова, среди которых фигурируют 9 книг Гермеса и еще раз процитируем более развернутый рассказ Сахарова: «Сказания о черной магии столь древни, что нет никакой возможности открыть их первоначальное происхождение. Мы встречаем магиков в начале всех историй, и влияние их продолжалось до распространения умственного образования. Говорят, что она существовала от начала мира и сохранена при потопе Хамом в камне. Сын Хамов, известный под названиями - у одних Мизраима (misri - египтянин - авт.), у других Зороастра, у третьих Гермеса (выделено нами - авт.), - по преданию своего отца, нашел после потопа скрытую его отцом книгу... В семейной жизни русского народа черная магия известна под именем чернокнижия. Напрасно мы будем вопрошать века и людей о переселении тайных сказаний в наше отечество. Темные намеки наших поселян о бытии чернокнижия состоят в том, что она писана непонятными письменами, что когда-то была закладена в Сухареву башню».

Итак, не исключено, что праотцом русской магической традиции вполне мог бы быть назван сам Гермес Трисмегист. И народная молва не напрасно называет его в числе возможных ее прародителей. Помимо прямо приписанных ему книг из Брюсовского собрания прочие эллинистические тексты из списка Книголюбова (а там перечислены самые знаменитые в Древней Руси произведения, относимые к содержанию «Черной

книги»), безусловно, несут на себе печать герметической магии, в том числе иудейские и арабские, которые там тоже присутствуют.
«Брюсов календарь» слишком невелик для того, чтобы возможно было дать его подробный текстологический анализ на предмет выявления в нем прямых герметических заимствований. Правда, некоторые из них сразу же бросаются в глаза: это сообщения о характерах «седми планет», характерах знаков Зодиака. Средневековый оккультизм возводит традицию подобных определений именно к Гермесу.

Итак, если просуммировать реально известные нам факты о жизни и деятельности нашего героя и многочисленные перекрещивающиеся друг с другом предания, можно сделать вывод о весьма тесной взаимосвязи как реального, так и легендарного Якова Брюса с герметической традицией. Брюс был знаком с лондонскими оккультистами, прежде всего, с Ньютоном, который зарекомендовал себя поклонником герметизма; в описании библиотеки нашего героя можно без труда выявить целый ряд сочинений античных и средневековых авторов, проповедовавших идеи, доставшиеся им в наследство от почитателей культа Гермеса Трисмегиста; среди приписываемых собранию Брюса древнерусских оккультных рукописей большинство также основаны на переосмыслении античных традиций; традиционно герметические тезисы использованы в «Календаре» и авторы его впрямую ссылаются на авторитеты оккультизма; наконец, народная молва построила замысловатую цепочку, благодаря которой Брюс оказался хранителем бесценных реликвий, некогда принадлежавших Триждывеликому Гермесу. Все это собрание фактов заставляет нас усомниться в справедливости безапелляционных выводов тех исследователей, которые полагают сведения о его мистических пристрастиях лишенными почвы.
И пора уже, наверное, подвести черту под почти трехвековыми спорами о «Брюсовом календаре». Он по праву носит это название, поскольку роль Якова Брюса в его создании и публикации ничуть не меньше роли Василия Киприанова, хотя справедливость требует не забывать и имя инициатора его появления на свет.
На этом мистические ситуации в жизни Брюса не закончились. Впереди читателя ждет еще немало тайн и загадок. И одна из них - его истинная роль в серии международных скандалов первой четверти XVIII столетия, которые завязались в единый клубок в истории Северной войны и русско-шведских отношений.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ - МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

XIII. ЗАЛОЖНИК АЛАНДСКИХ ОСТРОВОВ

Призванный только развивать, дополнять и систематизировать чужие вдохновения, нисходившие свыше, Брюс, с скромностью истинного ученого, покорился своему жребию и, с рвением преданного слуги, делал все, что от него требовалось.
М.Хмыров

Полностью разгромив врага на суше, Россия по-прежнему не могла уязвить противника в его исконных владениях. Для этого нужно было господство на море. Через пять лет после Полтавы Россия его добилась. В 1714 году молодой русский флот впервые нанес у мыса Гангут крупное поражение шведам. Вскоре шведы потерпели поражение в Померании -

единственной остававшейся у них вне Скандинавии территории.
В 1716 году у берегов Дании сосредоточились 84 корабля, принадлежавших России, Британии, Дании и Голландии. Петр возглавлял эту армаду, перед которой стояла задача высадки десанта на территории Швеции. Увы, совместных боевых действий не получилось. России предстояло решить исход войны в одиночку.
Активность русской армии и флота и полное опустошение шведской казны вынудили Карла XII искать мира с Россией. В Гааге князь Куракин вступил с доверенным лицом шведского короля бароном Георгом Генрихом Гёрцем фон-Шлитцем в секретные переговоры, на которых впервые обсуждались предварительные условия мирного договора. Так началась подготовка к конгрессу, которому суждено было начаться через несколько месяцев на Аландских островах у побережья Финляндии.

В начале 1718 г. иностранные резиденты в Петербурге были заинтригованы внезапным отъездом вначале Якова Брюса, а затем и Иоганна-Генриха (Андрея Ивановича) Остермана. Голландский посланник писал своему правительству, что Брюс, известный своей рачительностью, отбыл в неизвестном направлении с "новыми богатыми одеждами и серебряной посудой", а Остерман на все расспросы отвечал, что отправляется в инспекционную поездку. Что же случилось на самом деле?
15 декабря 1717 г. (ст.стиля) Брюс и Остерман были назначены полномочными русскими министрами на мирные переговоры с Швецией (Брюс был назначен первым министром). Согласно врученным им от имени царя "Генеральным кондициям к миру", они должны были, выяснив, какой ценой Карл XII готов заключить мир, настаивать на сохранении за Россией всего, ею завоеванного, кроме Финляндии, и включения в мирный процесс союзников России (Пруссии, Польши и Дании) с их притязаниями. С такими инструкциями русские уполномоченные и тронулись в путь.
Ехали порознь, чтобы сохранить до времени в тайне предстоящие переговоры ("дабы не толь догадно было", как писал Брюс). Прибыв в Выборг, Яков Вилимович дождался Остермана, и в начале февраля 1718 г. они вместе переправились на остров Або. С точки зрения географии и политики идеальным местом для ведения переговоров были признаны Аландские острова, куда и был загодя отправлен В.Н.Татищев с поручением присмотреть удобное место для открытия конгресса и приличные к сему случаю помещения. Выбор Татищева пал на деревню Лефе на острове Сундшер.
До апреля 1718 г., когда море очистилось ото льда и стало наконец возможным переправиться на Сундшер, Брюсу и Остерману пришлось оставаться на Або, испытывая колоссальные трудности. Оба они не знали шведского языка, в Финляндии, дотла разоренной войной, царила жуткая дороговизна, при этом и за бешеные деньги нельзя было купить самого необходимого, даже дров.
Поистине, эта зима, проведенная на Або опытным, аристократичным и высокоинтеллектуальным генералом и молодым авантюристическим карьеристом из Германии, которого впоследствии ждало в России яркое будущее, полное взлетов и провалов, эта зима достойна отдельного рассказа, который когда-нибудь будет написан!
Противоположности сходятся: обоими дипломатами двигали абсолютно разные интересы, но ради их осуществления они готовы были до конца претерпевать все трудности, пока, наконец, в конце апреля 1718 г. галера "Дольфин" не переправила их на Сундшер. С собой русские делегаты везли для представительских целей серебряный адмиральский сервиз Ф.М.Апраксина, шпалеры, венгерское вино, четыре бочки красного и белого вина. Уже

будучи на Аландах, Брюс вновь был обвинен в хищениях из казны совокупно с Меншиковым. И опять царь велел оставить его в покое, в то время как следствие по делишкам Меншикова было продолжено.

Переговоры со шведской делегацией, в которую входили Гёрц и граф Карл Гилленборг, начались в мае. С самого начала спор шел буквально из-за мелочей. Так, чтобы решить вопрос о равенстве делегаций в зале заседаний, пришлось вырубить стену и из разных помещений подходить к столу, стоявшему ровно посередине: двумя ножками в одной комнате, двумя - в другой. "Его величество шведский король желает сохранить все, им утраченное", - заявили шведы. "Его величество русский государь желает сохранить все, им завоеванное", - без промедления в тон ответствовали Брюс и Остерман. Приличия были соблюдены, после чего и началась, собственно, реальная работа конгресса.
Сразу же выяснилось, что полномочий шведских представителей недостаточно для кардинального решения всех вопросов. Существовал предел, дальше которого они просто не могли отступать, не рискуя поплатиться головой. Но этот предел был недостаточен для русской делегации, которая соглашалась уступить лишь Финляндию, да и ту без Выборга. Шведы колебались между возможностью примирения с союзниками России за счет своих германских владений и продолжения войны с Россией (вариант был призрачен ввиду полного истощения казны и людских ресурсов в Швеции); и возможностью примирения с Россией ценой уступки ей части Прибалтики, но с условием территориальной компенсации ей при помощи России в Европе. Весь этот клубок противоречий, в конечном итоге так и нераспутанный, означал для конгресса работу вхолостую.

Усилиями двух великих авантюристов начала XVIII века, Гёрца и Остермана, все переговоры вскоре сузились до рамок частного, более близкого, "фамилиарного" общения. С обеих сторон началась раздача подарков. Брюсу презентовали кортик, для Карла XII шведы выпрашивали черкесских и калмыцких лошадей. Посольская канцелярия слала на Сундшер деньги и соболей, которыми Брюс и Остерман отдаривали Гёрца, Гилленборга и его супругу. Русские посланники свели короткое знакомство со спутниками шведских дипломатов, все вместе они коротали вечера за обсуждением анекдотов из жизни шведского короля. Якову Вилимовичу сей монарх был откровенно неприятен. Он записал и поместил в своих донесениях две истории, сопроводив их саркастическими замечаниями. Согласно этим рассказам, Карл более всего времени проводил в скачках на лошадях, а когда возвращался под крышу - предавался обсуждению наиболее сальных историй из жизни своих офицеров, смакуя наиболее циничные подробности. Сам он при этом до конца жизни оставался равнодушен к слабому полу.
Лейбниц наверняка сообщал нашему герою подробности своего анекдотического свидания со шведским королем, которое случилось в 1707 г. Желая увидеть новоявленного Александра Македонского, знаменитый ученый прибыл в шведский лагерь. Карла долго не было, наконец, он приехал и сел обедать. В течение получаса он ел с большим аппетитом, не сказав ровным счетом ничего. «Я не знал, о чем с ним говорить», - жаловался впоследствии Лейбниц, которому ничего не оставалось, как покинуть общество коронованного солдафона. В своих донесениях с конгресса Брюс вполне разделил презрение своего ученого собрата по отношению к этому малосимпатичному завоевателю.

Личные отношения на конгрессе между русскими шотландцем и немцем с самого начала оставляли желать лучшего. Остерману, пользуясь проявленным особым доверием царя, постепенно удалось отодвинуть Брюса на вторые роли. Начинал он с того, что выпросил себе, в строжайшем секрете от Якова Вилимовича, тысячу рублей на собственные представительские расходы. Вскоре он даже пошел на значительное нарушение данных ему инструкций и субординации, обращая свои послания напрямую к своему покровителю вице-канцлеру Шафирову, минуя Петра I и канцлера Головкина. Ей-богу, ему досталось бы на орехи, знай об этом Петр! Дошло до того, что, когда ситуация потребовала частых отлучек Остермана в Петербург и Стокгольм, он бросил Брюса на Аландах без ключей к шифрам, и униженный глава делегации не мог прочесть ни одного секретного послания и написать ответ!
Перемена шифра не на шутку встревожила и рассердила Брюса, который расценил это как проявление высочайшего недоверия. Ранее он не вступал в открытое столкновение со своим пронырливым напарником. Не в его характере была чиновничья грызня за место под солнцем. Но в данной ситуации, вполне оценив как угрозу своей собственной персоне, так и судьбе самих переговоров от столь демонстративного несогласия среди участников делегации, он почел за лучшее напрямую обратиться к царю с просьбой разъяснить положение вещей. «Письмо твое чрез Татищева я здесь у вод получил, - отвечал Петр из Олонца в феврале 1719 г., - на которое ответствую. Что сумневаешься, нет ли какой отмены ктебе от меня в милости, и о том более не думай. Конечно, нет. Причины же, что пишеш на Остермана в перемене к оному азбуки, о чем я весма несведом, и приехав, буду о том спрашивать, для чего так учинено. А особливых указов Остерману… я никаких не давал (а без меня, не чаю, ктоб в такое важное дело вступил)». Дело так и осталось неразъясненным, но, думается, без проделок Шафирова не обошлось и на сей раз. Авторитетная исследовательница Аландского конгресса С.А.Фейгина отмечала, что "Андрей Иванович, гораздо менее представительный и сановитый, чем высокообразованный и аристократичный Брюс, был неизмеримо сметливее его. В этом отношении он был под стать Гёрцу... Душок авантюризма, присущий обоим... сближал их и облегчал им взаимное понимание". Если это и верно, то только отчасти. Проблема заключалась не только в подходах к решению тех или иных вопросов, но и в самой стратегии ведения конгресса. Остерман фактически пытался превратить его в "частную лавочку", решая, в первую очередь, свои карьерные вопросы. Равным образом это относилось и к Герцу. Увлекшись, они сами не заметили, как преступили грань, дальше которой начался развал конгресса. Брюс же, возможно, менее годный на первых порах к дипломатической работе, впоследствии показал себя вполне достойным дипломатом. И если коньком Остермана были изворотливость и интриги, то Брюс проявлял завидную твердость в отстаивании интересов России, которая, несмотря на его нерусское происхождение, была его Родиной. И что же в данной ситуации было более подходящим средством решения споров?
Кстати, нередко оккультисты становились помощниками правительств в самых щекотливых обстоятельствах, исполняя и дипломатические, и шпионские поручения. Так, известнейший мастер «тайных искусств» Джон Ди состоял на службе британской елизаветинской разведки, помогая ее руководителю Уолсингему получать достоверную информацию об австрийском императорском дворе.

В конце декабря 1718 года, во время осады норвежской крепости Фридрихсгаль Карл XII

был убит. Так бесславно закончилась жизнь этого воинственного короля, который всю свою жизнь провел в походах, мечтая о славе Александра Македонского, а закончил ее, потеряв бльшую часть территории своего государства, который выиграл почти все свои сражения, но проиграл самое главное.
Это обстоятельство осложнило и без того плачевную судьбу конгресса. На шведский престол вступила сестра Карла Ульрика Элеонора. Сторонники продолжения войны вновь возобладали в Стокгольме. В декабре 1718 г. Гёрц был арестован, а впоследствии и казнен. Остерман уехал в Петербург докладывать царю о ходе конгресса, вместе с ним, прихватив часть документов, бежал секретарь Гёрца Стэмбл. Брюс остался на островах. В его задачу входило дождаться приезда Лилиенштета, нового представителя Швеции, побуждая тем временем Гилленборга к вступлению в переговоры без него. Так продолжалось до марта 1719 г. В апреле вернулся Остерман, позднее появился Лилиенштет. Переговоры продолжились, но вновь безрезультатно. Русские уполномоченные писали Петру, что для получения скорейшего, выгодного мира необходимо предпринять какое-нибудь "сильное действо". Для получения дальнейших инструкций Брюс и прибывший на конгресс Ягужинский в июле встретились с Петром.

В ответ на неприемлемые требования шведов русские переходят к осуществлению десантных операций на шведском побережье Балтики. Русские казаки появляются в окрестностях Стокгольма.
Теперь Швеция возлагает свои надежды на британцев. Английский король Георг I раздражен растущей мощью России. В качестве ганноверского курфюрста он напуган масштабным присутствием русской армии в Германии. Эскадра британского адмирала Норриса в течение 1719-1720 гг. курсирует в балтийских водах, не решаясь напасть на русский флот, но пытаясь самим своим присутствием оказать давление на Россию. В ответ Петр продолжает громить шведов на суше и на море.
В сентябре 1719 г., под занавес конгресса, на Сундшер явился английский представитель Беркли. При нем находились письма от британского посла в Швеции лорда Картерета и адмирала Норриса к царю. Присланный изъявил желание, чтобы письма эти Яков Вилимович отправил в Санкт-Петербург.
Брюс не только не принял писем, но и не дал самому Беркли возможности передать их в Петербург, отказав ему в русском паспорте. Вполне освоившись уже с ролью дипломата великой державы, он прочитал британцу целую лекцию о современном состоянии отношений двух стран. Русский первый министр на конгрессе просил Беркли довести до сведения лорда Картерета, что находит его письма столь своеобразными и несовместимыми с узами союзничества и дружбы, все еще скрепляющими его царское величество и английского короля, что не может удовлетворить просьбу англичан. К тому же, наставлял англичанина Брюс, насколько ему известно, его британское величество не нашел возможности самолично познакомить Петра со своими мыслями по вопросу столь великой важности ни письмом к государю, ни прибегнув к помощи своего министра в Санкт-Петербурге. А посему, холодно заключил русский шотландец, нет никакой необходимости использовать столь экстраординарные пути и меры.
Сказанное явилось для британцев холодным душем. Негодованию лондонского двора не было предела. Получив такую оплеуху, королевское правительство отдало приказ Джеффрису и Веберу, английскому и ганноверскому министрам в Санкт-Петербурге, покинуть Россию. Равным образом должны были поступить и все британские подданные,

состоящие в русской службе. В ответ царь пригрозил арестом товаров английских купцов, что должно было нанести им убыток более чем на 50 миллионов тогдашних полновесных рублей!

28 сентября 1719 г. Аландский конгресс окончился безо всякого результата. Стороны разъехались, признав достижение соглашения невозможным. Но благодаря активным действиям русских войск создавались предпосылки для начала новых переговоров, о которых речь пойдет впереди. Сейчас же мы хотели бы обратиться к одному из вопросов, обсуждавшихся на протяжении нескольких последних лет Северной войны, и нашедшему свое место в дискуссиях Аландского конгресса. Вопрос этот интересен тем, что изучение его способно пролить свет на так называемую "тайную миссию" Якова Брюса, над разгадкой которой ломало головы не одно поколение и историков, и оккультистов.
В самом деле, излагая ход Аландского конгресса, большинство исследователей до сих пор задаются вопросом, каким образом получилось, что русскую делегацию возглавил генерал-фельдцейхмейстер. Вспоминают, что Брюс и ранее исполнял дипломатические поручения царя (впрочем, как мы знаем, без особого блеска). Говорят о том, что Брюс как генерал, мог координировать дипломатические усилия русской делегации и вылазки русских войск в Швеции.
Все это отчасти верно, но, пожалуй, главные достоинства Брюса как руководителя русской делегации заключались все же в другом: он был шотландцем и он был Брюсои.

XIV. ЯКОБИТЫ И СИОНСКИЕ МУДРЕЦЫ

Магия есть человеческая попытка добиться того, чтобы дважды два не было четыре, средствами, обходящими железный закон мирового Разума... Собственно говоря, это - доведенный до абсурда идеал приобретения наибольшего блага при наименьшей затрате усилий.
А.Амфитеатров
 - Ну, Вы как начнете о масонах, так и Адам согрешил по наущению масонов.
- Да дьявол-то и был учредителем масонства. Недаром это в Библии.
А.Суворин

История многовекового сосуществования Шотландии и Англии наполнена трагическими сюжетами. Рассказывая родовую биографию нашего героя, мы оставили семейство Стюартов в самом начале его царственного блеска. Дальнейшие события - цепь межгосударственных противоречий. Королей и наследников престола из рода Стюартов убивали и брали в плен, Мария Стюарт была обезглавлена. Стюарты воевали с Плантагенетами, воевали с Тюдорами и породнялись с ними... Редкий год в истории Британских островов бывал мирным.
В конце концов оба государства оказались в личной унии. Елизавета, великая Елизавета, королева английская, чье имя дало название целой эпохе, умерла, и на престол Англии, Шотландии и Ирландии вступил в 1603 г. Яков (Джеймс) I Стюарт. Так правление Стюартов распространилось и на Англию.
Шотландские короли принесли в Лондон свои представления о королевской власти. На протяжении нескольких столетий они вели с переменным успехом борьбу с шотландским дворянством и духовенством за абсолютную власть. Для Англии с ее уже во многом сложившейся системой общественных институтов, ограничивающих произвол

королевского правления, это было уже немыслимой архаикой.
Яков I прославился как ревностный защитник католицизма. Папский престол присвоил ему титул "защитника веры". Он был заметным церковным писателем своей эпохи, сделанный по его заказу и при его активном участии перевод Библии на английский язык существенно отличался от оригинала, в нем были добавлены все мыслимые и немыслимые кары против ведовства и чернокнижия, процессы против ведьм достигли в Англии высшей точки. Но и английское, и шотландское общество уже не совпадали по своим религиозным воззрениям с королевской властью. В Шотландии зародилась евангелическая пресвитерианская церковь, приобретшая поддержку в народе. Англия еще раньше решительно разорвала с папистами.
Елизавета Тюдор, королева английская, современница Иоанна Васильевича Грозного, правила Англией железной рукой. Как правило, закономерным итогом любого деспотичного правления становится воцарение хаоса. Высвободившись из под недреманного ока и твердой руки Ивана IV, Россия при его преемниках впала в Смуту. Противоречия в британском обществе достигли своего апогея при сыне Якова I Стюарта Карле I. Разразилась революция, на авансцену истории вышел Оливер Кромвель, а король был обезглавлен. Когда после смерти Кромвеля настало время так называемой Реставрации, и на британском престоле оказались поочередно Карл II и Яков II, противоречия между интересами королевской власти и чаяниями общества достигли такого уровня, что, когда стало известно о рождении в 1688 г. наследника престола, это стало причиной так называемой "Славной революции". Как потом говорили, во имя своего религиозного фанатизма Яков II расстался с тремя коронами: Англии, Шотландии и Ирландии. Ему удалось бежать во Францию, а на английский престол был приглашен его зять, голландский штатгальтер Вильгельм III Оранский.

Эти события стали толчком к зарождению движения, получившего название якобитства. Множество людей, по преимуществу шотландцев, сплотилось вокруг сына Якова II, Якова Эдуарда. Некоторое время в их число входил даже Генри Болинброк, один из друзей Свифта, крупнейший политический деятель Англии времен королевы Анны. В качестве короля Великобритании Якова III претендент был признан Францией, кровными узами и многовековыми договорами связанной со Стюартами, а также Испанией и Ватиканом. Борьба за престол особенно обострилась после того, как в 1707 г. Шотландия и Англия объединились в одно государство, а после смерти в 1714 г. королевы Анны (дочери Якова II), согласно закону о престолонаследии, английская корона перешла к германской Ганноверской династии, и на английский престол вступил Георг I. Теперь уже в международную интригу ввязалась и каролинская Швеция – соперник Ганновера в Германии.
В 1715 году уже известные нам Гёрц и Гилленборг были арестованы за соучастие в якобитском заговоре. Согласно мирному договору с Британией, завершившему войну за испанское наследство, Франция вынуждена была отказать Якову III в убежище. Стюартовское семейство перебралось в Рим, где в 1720 г. родился Карл-Эдуард, "молодой претендент", которому предстояло в течение десятилетий бороться за корону, и, в конце концов, признать свое полное поражение.

В описываемые нами времена все это было еще впереди. Стюарты обладали прекрасными международными связями, вокруг них образовалась разветвленная сеть тайных обществ.

Эндрю Рамзей, воспитатель Карла-Эдуарда, считается основателем высших степеней масонства, соединивших новейшее увлечение XVIII века с тайной историей тамплиеров и мальтийских рыцарей.
На этой основе возникла знаменитая система "строгого наблюдения", связавшая масонство с розенкрейцерством и даже более древними, изначальными оккультными течениями. Стюартов же и их окружение считают и основателями особой формы масонства - так называемого "шотландского ритуала", более закрытого, более обстоятельного в посвящении в специфические тайны.
Все вышесказанное является абсолютно неопровержимым историческим фактом. То, о чем речь пойдет теперь - не более, чем догадки и предположения. В начале 1980-х годов западноевропейские исследователи Байджент, Лей и Линкольн поделились с читающей публикой своим открытием. Этим открытием стала Сионская община.

Согласно версии этих авторов, Сионская община появилась на свет в XII веке и была материнской организацией по отношению к тамплиерам. Целью ее было восстановление на престоле потомков Иисуса Христа, которыми являлись франкские короли Меровингской династии. В соответствии с этой теорией, католическая церковь была посвящена в тайну происхождения Меровингов, и между ними и папским Римом существовал своеобразный пакт, который был нарушен убийством в VIII веке короля Дагоберта II, после чего престол франков был узурпирован их противниками.
Многовековая деятельность Сионской общины, если верить Байдженту и его соавторам, представляет собой любопытнейший экскурс в историю. Великим магистрами данного тайного общества были в разное время Роберт Бойль, Исаак Ньютон, Виктор Гюго, Дебюсси и Жан Кокто.

За великим ученым Робертом Бойлем (помните закон Бойля-Мариотта?) еще при жизни, в XVII в. закрепилась репутация оккультиста. Еще в 1660 г. он становится одним из ярких приверженцев Стюартов. Алхимик, он мечтал оставить после себя некое завещание для адептов герметизма и открыть им секреты некоторых химических и медицинских процессов. Полагают, что свои бумаги и таинственный "красный порошок" (напомним, что это одно из иносказательных названий алхимического «философского камня») он оставил Ньютону, который вроде бы пытался повторить некоторые опыты Бойля, но уверял, к примеру, Локка - в своих письмах, написанных в период помрачения рассудка, что выронил часть рецепта из кармана.
Исаак Ньютон, как уже вполне доказано, был, с точки зрения церкви, отпетым еретиком. Его масонские связи не секрет для его биографов. Не говоря уже об одном из отцов современного масонства Кристофере Рэне, который был его другом, среди близких знакомых великого ученого был и Эндрю Рамзей. До конца жизни Ньютон занимался алхимией, имел в своей библиотеке труды розенкрейцеров, а за несколько недель до смерти якобы сжег бльшую часть своих бумаг и рукописей и умер, не приняв последнего причастия. Правда, что касается его политической деятельности, то он отличился всего лишь одним выступлением в парламенте, попросив закрыть окно. Но для великого магистра тайного общества вполне естественно не выделяться своими активными общественными занятиями.
Дальнейшая история Сионской общины столь же тесно связана с историей дома Стюартов. Великие магистры Чарльз Рэдклифф (незаконнорожденный сын Якова II), Карл

Лотарингский (младший брат мужа австрийской императрицы, превративший Вену в столицу европейского оккультизма и масонства) - оба они были напрямую связаны с якобитством. Объяснение же этому заключалось в том, что благодаря династическим бракам Стюартов с Лотарингским домом, считавшимся преемником Меровингов (так, Мария де Гиз была замужем за шотландским королем Яковом V, а дочь Якова I английского была замужем за герцогом Бульонским), Стюарты якобы вошли в число избранных, в чьих жилах текла кровь Спасителя. Полностью потеряв надежду на Гизов, потерпевших поражение в борьбе за французский престол, Сионская община сосредоточила свое заботливое внимание на Стюартах, а когда они были изгнаны - поставила своей целью их восстановление на престоле. Кстати, как сообщают Байджент и его соавторы, печально знаменитые протоколы "сионских мудрецов" на деле являются не чем иным, как вольным переложением идей Сионской общины, существующей и поныне.

Как относиться ко всему вышеизложенному? Однозначного ответа дать невозможно. Авторитетнейший русский исследователь масонства А.Н. Пыпин полагал, что подобного рода истории сочиняются пронырливыми дельцами, которым хотелось придать своим масонским изыскам некое подобие древности и преемственности традиций. Он резко отрицал возможность многовекового существования тамплиеров с их "тайной".

Не хотелось бы быть столь же безапелляционными. Вспомним о «Братстве Креста и Розы», тайном обществе розенкрейцеров. Первая книга о нем появилась в 1610 г. До сих пор ни адептам тайных искусств, ни скептикам не удалось привести убедительных доводов ни в пользу версии о его существовании начиная с XV века, ни в пользу теории о масштабной мистификации, предпринятой несколькими деятелями эпохи Возрождения и церковной Реформации. В любом случае, семена розенкрейцеровских воззрений упали на подготовленную почву, и вскоре уже в различных уголках Европы возникло множество обществ, исповедовавших герметические идеи в трактовке учения «Братства». Напомним, что в одном из таких отделений состоял Лейбниц. Таким образом, потребность в существовании «Братства» и вера в него буквально из ничего породила целую сеть структур.

Точно так же Сионская община, существуя на каком-то этапе исключительно как воображаемое тайное сообщество, могла появиться на свет и вовлечь в свою орбиту большую плеяду достойнейших умов своего времени, которые озаботились воплощением ее идей в жизнь. Не исключено, что окружением Стюартов и была придумана эта тайная организация как еще одно звено в цепи династических заговоров.

Не располагая убедительными доводами в пользу "сионской версии" и не имея возможности ее отвергнуть, мы просто предлагаем посмотреть, как якобитские и "сионские" затеи получили своеобразное преломление в судьбе нашего героя, Якова Вилимовича Брюса.

XV. «ТАЙНАЯ МИССИЯ» ЯКОВА БРЮСА

Твое таинственное влияние на народ может умы и мнения расположить в нашу пользу, ты можешь и судьбу подговорить в наш заговор. Ты всемогущ не только на земле, но и на небе. Чего стоит тебе иногда, для пользы общественной, переставить одну звездочку на место другой!

И.Лажечников

Президент Лиги независимых астрологов Карена Диланян в своей статье (NN 1-2 "Науки и религии" за 1997 г.) ввела понятие "тайной миссии" Якова Брюса, превосходное по звучанию, но, к сожалению, неудачно конкретизированное. Ставя вопрос о причастности Брюса к делам тамплиеров и "сионских мудрецов", она полагает, что "близость к российскому монарху, интерес к оккультизму, гностическому знанию, герметически наукам и, наконец, настоящая королевская кровь, текущая в его жилах... делали Якова Брюса незаменимой кандидатурой на распространение, или, по крайней мере, хранение идей Общины на Востоке". Это, конечно, могло быть важно для Общины, но к моменту знакомства Брюса с идеями и деятелями Общины ее приоритеты резко изменились. Не могло уже быть и речи о широком распространении влияния "сионских мудрецов" на Восток, поскольку и на Западе последние позиции были утрачены. Поэтому единственно серьезной "тайной миссией" Якова Брюса могло быть содействие восстановлению на английском престоле династии Стюартов.
Вероятно, для самого русского шотландца это было не только, и даже не столько вопросом беспрекословного выполнения поручений полумифического общества. Не стоит забывать, что основатель рода Клакмэннанов приходился близким родственником основателю королевской династии Стюартов, а последующие бароны Клакмэннаны с помощью брачных уз навечно скрепили себя родственными связями с этой королевской фамилией. Грубо говоря, если бы Якову Вилимовичу это пришло в голову, он легко мог провести непрерывную генеалогическую линию "от Иисуса до Якова Брюса" (прости, Господи!).

В своих якобитских симпатиях Брюс был не одинок при русском дворе. Можно даже сказать, что из числа находившихся на виду питерских деятелей он был далеко не главным приверженцем Стюартов. В этом ему легко мог дать фору знаменитый лейб-медик Петра I, архиатер (главный врач России) Роберт Карл Арескин (Эрскин, или, по русской традиции, "доктор Арешкин").
Роберта Арескина, представителя родовой шотландской знати, современники считали лучшим придворным врачом за все время царствования Петра Великого и главой якобитской партии в Петербурге. И небезосновательно. Двоюродный брат графа Мара, руководившего делами претендента, окруженный многочисленными якобитскими родственниками, двоюродными братьями и племянниками и обложивший ими Петра I; ведший многочисленную переписку со стюартовскими эмигрантами по всей Европе и вместе с тем имевший абсолютно неофициальный статус - этот человек приковывал в 1716-1718 гг. внимание всей Европы и будоражил болезненное воображение англо-ганноверского двора. Он мог успешно исполнять секретные и доверительные поручения (даже Головкин и Шафиров не были в курсе его интриги), а его деятельность легко могла в случае неудачи быть дезавуирована из-за его частного статуса лейб-медика. Собственно говоря, так в ряде случаев и делалось.

Тревоги и смутные ожидания Европы особенно усилились, когда стало ясно, что царь покровительствует интригам Арескина. Петр, разумеется, не был якобитом, но ему нравилась вся эта катавасия вокруг английского трона. Благодаря ей, он мог держать в постоянном напряжении короля Георга, а из-за участия шведов в якобитских проделках или добиваться их разрыва с Англией (и даже войны между этими странами) и привлечения Англии на русскую сторону, или заключения выгодного для России мира со

Швецией. Он побуждал своих переговорщиков потворствовать требованиям Карла XII на возмещение территориальных потерь за счет неблагодарных северных союзников: где угодно и как угодно, но только не в Прибалтике.
Царь охотно встречался с племянником Арескина Генри Стирлингом, позднее даже разрешил впустить в Россию видного стюартовского деятеля герцога Ормондского, с которым ранее встречался на водах в Спа. Во время поездки царя в Голландию и Францию в 1716-1717 гг. Арескин повсюду сопровождал государя, а в Париже Петр даже нанес визит матери Якова III королеве Марии в ответ на присланный ею в подарок миниатюрный портрет претендента.
Великий государь предоставлял якобитам действовать, поддерживая в них огонь надежды на его сочувствие и поддержку и обещая в крайнем случае помощь высадкой русского воинского десанта в Шотландию. Окрыленные этими, весьма туманными обещаниями (как у Пушкина: "Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!"), якобиты восторженно трубили друг другу в письмах, что, дескать, "царь теперь обеспечен для нас," и "он не будет пассивно созерцать борьбу". Якобиты претендовали на роль посредников, некой "третьей силы" в русско-шведских переговорах. Царь не разубеждал их в этих надеждах. А вскоре, в том же 1717 г., правительство Испании выступило с идеей создания антианглийской лиги в составе России, Испании и Швеции при активном участии якобитов.

Все эти факторы необходимо учитывать, чтобы понять роль якобитской интриги в русско-шведских переговорах на Сундшере и, соответственно, участие в ней Брюса. Мы далеки от мысли считать его завзятым шотландским патриотом и горячим приверженцем Стюартов. Для этого он слишком обрусел, причем еще его отец, имевший, надо полагать, прекрасную возможность вернуться в Англию в период Реставрации, не воспользовался ею и остался в России, которая, как известно, обладает просто магически притягательной силой для иностранцев. Но и отрицать в нашем герое наличие любви к далекой исторической родине и симпатию к династии Стюартов было бы бессмысленно. Шотландская история, судьба современной ему Шотландии, наконец, участь его собственного рода интересовали его весьма сильно, свидетельством чему может служить его литературное собрание, богатое книгами по всем перечисленным проблемам.
Ко всему прочему Яков Брюс поддерживал достаточно близкие отношения с Арескиным, обменивался с ним книгами. После смерти петровского лейб-медика бльшая часть его имущества возвратилась на родину, а часть бибиотеки перешла по наследству к Якову Вилимовичу. Род его, кстати, происходил из графства Стирлинг, что связывало Клакмэннанов добрососедскими отношениями с предками племянника Роберта Эрскина. Не следует упускать из виду и гипотетическую возможность участия Якова Брюса в планах якобитов в обмен на включение в круг лиц, причастных к неким научным тайнам, завещанным Робертом Бойлем и известным Исааку Ньютону.

Это те взаимосвязи, которые лежат на поверхности, а ведь история XVIII века – это одна нескончаемая интрига с переодеваниями и шифрованной перепиской. Известно, что доктор Арешкин неоднократно обращался к участникам Аландского конгресса с секретными посланиями, которые, к сожалению, не сохранились. Что он писал, бог весть. Можно только догадываться...
В стюартовских бумагах, изданных уже в двадцатом веке и все еще не полностью

расшифрованных, упоминается некий посредник в шведско-якобитских сношениях, который должен был постоянно напоминать Петру о венценосных изгнанниках. Кто это был? Известно лишь, что он "московит по рождению". С.А.Фейгина полагала, что им мог быть Иван Чамберс, еще один русский шотландец. Мысль о Брюсе почему-то не пришла ей в голову. Но, скорей всего, речь шла именно о нем. Чамберс, как известно, был всего лишь одним из русских военачальников и не входил в ближайшее окружение императора, а, следовательно, и не мог влиять на принятие решений и проследить, как они претворяются в жизнь. Наш герой, еще один московский горец, по всем параметрам идеально подходил для исполнения роли в этом запутанном деле. Не исключено, что и в назначении Якова Вилимовича на Аландский конгресс в первую очередь сыграло роль его происхождение и родовая близость к Стюартам и, возможно, оно было следствием некой контригры со стороны Петра Великого. Ясно и то, что, будучи лицом государственным, Брюс не мог, да, вероятно, и не захотел бы очертя голову кинуться в пучину якобитских страстей подобно Арескину, который больше занимался политикой, нежели медициной и для которого преданное служение Стюартам сделалось смыслом всей жизни. Однако нелишне будет вновь вспомнить о приложенных Яковом Вилимовичем стараниях к срыву миссии Беркли на Аландские острова, благодаря чему еще более обострились отношения между Россией и Англией. Не исключено, что столь резкая линия поведения руководителя русской делегации объяснялась не только интересами российской внешней политики, но еще и надеждами, которые якобиты возлагали на конфликт двух стран.

В 1718 г. Роберт Эрскин умер, завещав перед смертью вырученные от распродажи его имущества деньги поделить между его матерью и сестрами, а часть денег раздать нищим в Эдинбурге. Его богатейшая библиотека (около 4,5 тысяч томов) поступила в царское книжное собрание (за исключением той части, которая попала в руки Якова Брюса). Дело его подхватил племянник, который, конечно, не мог заменить стюартовским кругам своего дядю, который всегда имел возможность поддерживать в своем венценосном пациенте интерес к делам влачащего жалкое существование семейства претендентов. Аландский конгресс был для якобитов безрезультатен. Как полагают некоторые исследователи, руку, застрелившую Карла XII, направляли из Лондона (нечто подобное имело место и в заговоре против российского императора Павла I, но это уже другая история). Однако контакты Якова Брюса со сторонниками Стюартов не затихают. Теперь, он, по-видимому, сносится с якобитской эмиграцией уже напрямую. Любопытно проследить связи Брюса, благодаря которым он получил в 1720 г. копию своей родословной. Не говоря уже о том, что подписана она Александром Арескиным, шотландским обер-герольдмейстером, и заверена британскими родственниками Якова Вилимовича, в самом ее тексте прямо говорится о том, что Яков Брюс являлся первым министром на переговорах на Аландских островах. По-видимому, его роль в якобитских делах имела при получении документа определенное значение.
Подтверждения контактов Брюса со стюартовской эмиграцией и якобитами на самом туманном Альбионе (и его предположительно существовавших "сионских знакомств") мы вновь находим, подвергая тщательному анализу состав его библиотеки. Так, он практически до самой смерти продолжает получать издания Лондонского Королевского общества, в подготовке которых принимал активное участие Эндрю Рамзей, к тому времени вернувшийся в Англию, чтобы подтачивать изнутри георгианский королевский двор. Королевское же общество 20-х годов XVIII века многие признают как минимум

рассадником якобитских устремлений, если не штаб-квартирой Сионской общины.
В библиотеке Брюса, помимо прочего, хранилась и написанная Рамзеем энциклопедия мифологических и теологических воззрений древности. Очевидно, получая литературу из Англии, Яков Вилимович должен был вести и переписку с научными кругами Британии. Следовательно, он, как минимум, заочно был знаком с Рамзеем, который, еще раз напомним, был одним из активнейших якобитов, одним из основателей классического масонства и, если верить Байдженту и компании, одной из ключевых фигур Сионской общины. Нелишне вспомнить, что тиражи книг в те времена не превышали нескольких сотен штук ("Начала натуральной философии" Ньютона вообще в первый раз были изданы тиражом в 12 экземпляров). Поэтому появление рамзеевской "Киропедии" в библиотеке Брюса наверняка обусловлено не только интересом к теме труда, но и личным знакомством (хотя бы и заочным) с автором, его деятельностью и идейным багажом.

Итак, присутствие Якова Брюса в качестве первого министра на Аландских переговорах, похоже, должно было, в первую очередь, служить определенным раздражителем для одних из наблюдателей и неким условным сигналом для других. Черновую, повседневную работу должен был делать Остерман, с неутомимостью рекламного зайчика курсирующий между Сундшером, Петербургом и Стокгольмом. В один из его отъездов Брюс с изумлением обнаружил, что Остерман успел сменить шифр своей переписки, и глава делегации в его отсутствие не в состоянии вести шифрованную переписку с царским двором. Брюс вступил в письменный диалог с царем и его секретарем Макаровым по поводу предполагаемой им утраты доверия Петра. И хотя государь разуверял его в его сомнениях, никаких последствий для Остермана его самодеятельность не имела, что заставляет нас думать, что самодеятельностью она не являлась. Каждый из них по-своему оказался нужным Петру на Аландах, и он, возможно, с успехом разыграл бы свою комбинацию, если бы смерть Карла XII не помешала его планам. После этого Петр даже подумывал о замене Брюса, чья «тайная миссия» оказалась исчерпанной, на Ягужинского. «Говорят, будто его отзывают по причине его ограниченности», - сообщал своему правительству французский консул в Петербурге Лави. Однако Аландский конгресс почил в бозе прежде, чем подобная замена состоялась.
С течением времени значение английского вопроса для русского двора потеряло былую остроту. После заключения мира со Швецией из разряда имевших отдаленное отношение к практике он перешел в область грозных мечтаний, которыми при случае можно было попугать недружелюбную Британию. Для любого, даже столь искушенного в делах государственного мужа, как наш герой, уже не существовало таких блестящих оснований регулярно беспокоить великого государя делами венценосных шотландских изгнанников. А после ухода Якова Вилимовича в отставку он и вовсе потерял возможность влиять на формирование российской внешней политики. И хотя враждебность между русским и английским дворами по-прежнему существовала, искусно подстегиваемая, в частности, испанским посланником в России, ярым католиком герцогом де Лириа (сыном маршала Бервика, незаконнорожденного сына короля Якова), судьба Стюартов уже не являлась «пятым тузом» в дипломатической колоде. Само якобитское движение год от года становилось все слабее, и к середине века последние отчаянные борцы за династию окончательно разуверились в успехе своего дела. В конце концов зачахла и сама династия, и последний прямой потомок Стюартов по мужской линии умер в безвестности…

Ставя жирное многоточие в решении вопроса о степени участия Брюса в деятельности якобитов и "сионских мудрецов", добавим напоследок, что в его книжном собрании достаточно много книг о Британии, немалое количество изданий о Швеции (что также вполне объяснимо), многотомные труды по всеобщей истории. И лишь одна (!) книга из истории Франции. И книга эта посвящена не кому иному, как меровингскому королю Дагоберту! Так что, похоже, рано подводить итоги в изучении вопроса о причастности Брюса к делам стюартовской эмиграции и Сионской общины. Похоже, в этой области сделаны далеко еще не все открытия. Вопрос этот можно считать открытым…

Чтобы закончить тему, вспомним, каково было будущее воцарившейся в Лондоне новой династии, и сошлемся для этого на мнение известного историка В.Г.Трухановского: "Корона - символ государства - была втоптана в грязь правившей ганноверской династией... Недостойное поведение коронованных особ и принцев королевской крови было общеизвестным.
В довершение всего некоторые представители этой династии были психически ненормальными..."
Скандалы и по сей день сопутствуют жизни королевского дома, в XX веке принявшего имя виндзорского. Достаточно вспомнить предвоенное отречение Эдуарда VII или трагическую судьбу принцессы Дианы. Шотландия же вновь уверенным голосом поднимает вопрос об обособлении от центрального правительства и добивается в этом деле определенных успехов. Кто знает, куда приведет на сей раз Великобританию спираль истории.
Любопытно, что наиболее известная правительница из ганноверского дома королева Виктория «сумела отомстить» потомкам Петра I за его попытки свергнуть с престола ее предков. Как известно, царевич Алексей, сын Николая II, именно благодаря своей английской родне приобрел гемофилию.

XVI. НИШТАДТСКИЙ МИР

Неуклонное стремление Петра Великого заключить мир, беспрестанные атаки русских войск на шведское побережье сделали свое дело. В январе 1721 г. Брюс и Остерман получили назначение на новый мирный конгресс, на сей раз в Ништадте (Нюстаде, ныне г. Усикаупунки Финляндия). В марте они прибыли в этот городок, а 28 апреля 1721 г. (ст.стиля) работа началась.
Ништадтский конгресс должен был наконец-то завершить более чем двадцатилетнюю войну. Петр так жаждал мира, что все лето старался в своих поездках держаться ближе к побережью, чтобы быстрее получать вести о ходе переговоров.
Не стал он и менять Брюса в качестве руководителя русских переговорщиков, стремясь, видимо, подчеркнуть преемственность своей политики по отношению к Швеции со временем Аландского конгресса. К тому же теперь, когда на повестку дня встал вопрос силового понуждения шведов к миру, генерал-фельдцейхмейстер в качестве главы русской делегации служил грозным предупреждением о печальных для Швеции последствиях в случае проволочек с заключением выгодного для России мира.
Яков Вилимович и Андрей Иванович получили от Петра точные инструкции об условиях мирного соглашения: все захваченные земли, за исключением Финляндии, должны были остаться за Россией: "Я предлагал брату моему Карлу два раза мир со своей стороны:

сперва по нужде, а потом из великодушия; но он в оба раза отказался. Теперь пусть же шведы заключат со мною мир по принуждению, для них постыдный".

Следуя своему обычаю, Остерман выпросил себе титул барона и ранг тайного советника канцелярии незадолго до начала переговоров. Но Петр, руководствуясь своими принципами, одновременно с этим произвел Якова Вилимовича в графское достоинство. И неспроста: ведь на конгресс от шведов были присланы граф Лилиенштет и барон Штремфельд. К фамильному гербу граф Яков Брюс добавил изображения стены с летящим раскаленным ядром, символизирующим его блестящую военную карьеру, а также голову орла в короне - на языке геральдики она означала прозорливость и успехи на государственном поприще.
По-видимому, Брюсу, наконец, надоело терпеть жалобы и интриги своего партнера, и он еще раз предпринял свои меры для его отрезвления. Вскоре Остерман вынужден был писать кабинет-секретарю Петра I Макарову: "Вам известно о противных на меня доношениях господина генерала-фельдцейгмейстера Брюса без всякой моей вины и заслужения. Я воистинно доброй и честной человек, и не хочу и не пожелаю с ним в каком несогласии быть, и истинным Богом засвидетельствую, что кроме услужения всякого и паче и больше, может быть, как надлежало, никакого случая к таким противностям от меня не подано. Пожалуйте, - упрашивал Остерман своего корреспондента, - извольте к нему партикулярно от себя написать, чтоб он жил со мною согласно, и ежели он чает причину иметь к жалобам на меня, чтоб он мне самому лучше о том наперед объявил, ибо все то лучше как для него, так и для меня, нежели без основания жаловаться и государю докучать".
Но доношения, отнюдь не безосновательные, возымели свое действие, и Брюс с Остерманом предстали наконец-то перед шведами сплоченной командой. Преобладания Андрея Ивановича теперь не было уже и в помине. Все дела перешли в руки Брюса, и, наконец, стало ясно, кто из них истинный радетель об интересах России.
Своими пронзительными глазами он иронично вглядывался в собеседников, которые по прежнему никак не могли уразуметь скорейшего пути к достижению мира.
"Об Аландских условиях теперь нечего думать, - заявляли шведы. - В то время Швеция имела четверых неприятелей, из которых с датским и прусским королем мир заключила, с польским, надобно надеяться, также скоро помирится, а король английский, как всем известно, теперь союзник Швеции, на помощь которого она всегда надеется; теперь эту помощь для наступательной войны Швеция не приняла, желая скорейшего заключения мира".
Брюс отвечал терпеливо и настойчиво, словно повторял неразумным ученикам непонятый урок: «Царское величество, когда был в союзе с упомянутыми королями, - почти никакой от них помощи не имел; от англичан Швеция никакой помощи не получит, как видно из примера прошлого года». Тут Яков Вилимович несколько возвышал голос и выкладывал на стол последний, весьма убедительный резон: «И царское величество всегда в состоянии против врагов своих один войну вести".
"Мы думаем, что царское величество желает удержать за собою Лифляндию и Выборг, - понимающе кивали шведы. - Но если они останутся за Россиею, - жаловались они, - то мы все в Швеции должны будем в отчаянии и безо всякого довольства помереть, и скорее согласимся дать обрубить себе руки, чем подписать такой мирный договор» (Лифляндия была основным поставщиком хлеба в Швецию; Выборг король или королева, согласно

форме правления, не могли уступать иностранному государству как коронную землю, не нарушив своей клятвы риксдагу).
"Без Лифляндии и Выборга царское величество мира не заключит, - жестко отрезал Брюс, - а Швеции будет довольно получить опять Финляндию".
"Но на Аландском конгрессе было предложено оставить Лифляндию за Россиею только на время", - пытались было возразить шведы.
"Это предложение было сделано тогда, чтоб помешать заключению мира у Швеции с Англиею", - хладнокровно отчеканил Яков Вилимович. Шведам оставалось только попытаться затянуть переговоры, а тем временем убеждать свое правительство в непоколебимости позиции русских делегатов и необходимости заключить мир столь тяжкой ценой.

Твердая позиция Брюса, подкрепленная русскими десантами на скандинавское побережье, сделала противника гораздо более сговорчивым. Шведы, требовавшие Выборг и Пернау (Пярну), вынуждены были охладить свой пыл. "Выкиньте это из головы, - безапелляционно заявил им Брюс. - Пернау принадлежит к Лифляндии, где нам соседа иметь вовсе не нужно; а Выборга отдать вам нельзя".
"Просим хотя бы, чтоб царское величество не посылал теперь войск своих в Швецию для ее разорения, потому что от этого будет большое препятствие здешнему нашему делу: и Аландский конгресс прекратился от того же", - упрашивали шведы.
На это Брюс отвечал жестко: "Если царское величество пошлет свое войско в Швецию, то от этого здешнему делу никакого препятствия не будет, а еще скорее мир будет заключен". Столь хладнокровным и безжалостным ответом последние попытки сопротивления шведских дипломатов были окончательно сломлены.

В преддверие окончания переговоров произошло еще одно неприятное событие, сыгравшее в дальнейшей судьбе генерал-фельдцейхмейстера отрицательную роль. Петр, желавший ускорить дело, готов был уже уступить Выборг. Для ускорения хода переговоров и обнародования уступки на конгресс был откомандирован Ягужинский, который должен был вмешаться в деятельность русской делегации. Перед лицом общей угрозы Брюсу и Остерману удалось объединиться. Всего какая-нибудь пара дней отделяла их от благополучного разрешения всех спорных вопросов, а тут является какой-то Ягужинский - и в итоге все лавры достанутся именно ему? И это после нескольких лет напряженных переговоров? Яков Вилимович, которому, как военному человеку, не надо было объяснять стратегическое значение Выборга для обороноспособности Петербурга, решился отстаивать этот город до победного конца. Не только честь мундира и царское благоволение, но и выгода России зависела теперь от того, поспеет ли Ягужинский в срок к переговорному столу.
Ловкач Остерман и Яков Брюс, которого удары судьбы в конце концов научили азбучным истинам хитрости, успели вовремя обзавестись союзником в лице выборгского коменданта. Их совместными стараниями знаменитого своим злостным пьянством генерального прокурора «загуляли» чуть ли не на неделю именно в том самом Выборге, который он должен был возвратить шведам. В Ништадт злой и помятый Ягужинский поспел в аккурат к «шапочному разбору». Одураченный чиновник запомнил это надолго и не простил никогда.

Итак, мирный договор был подписан 30 августа 1721 г. (ст.стиля), а уже 3 сентября царь получает из Ништадта письмо:
"Всемилостивейший Государь! При сем к вашему царскому величеству всеподданнейше посылаем подлинный трактат мирный, который сего часу со шведскими министрами заключили, подписали и разменялись. Мы оный перевесть не успели, понеже на то время потребно было, и мы опаслись, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась. Токмо вашему царскому величеству всеподданнейше доносим, что оный в главных делах во всем против указов вашего величества написан...вашего царского величества всенижайшие рабы - Яков Брюс, Андрей Остерман. Августа 30 дня, в четвертом часу пополуночи".
При послании был приложен текст договора, привезенный капралом Обрезковым "в двух лубках, которые по именному указу Его Величества и доселе хранятся вместе с договором в Московском Архиве Государственной коллегии иностранных дел", как писал через сто с лишним лет после подписания мира Д.Н.Бантыш-Каменский.
По условиям соглашения, России достались в вечное владение Лифляндия, Эстляндия, Ингрия и часть Карелии с Выборгом, но за это в течение нескольких лет необходимо было заплатить два миллиона ефимков (талеров), четырьмя платежами полновесной серебряной монетой по полмиллиона талеров. Причем Брюс должен был участвовать в контроле за этим процессом, что автоматически включало его в число главных действующих лиц российской внешней политики. 27 февраля (ст.стиля) 1727 г. шведский король Фредерик I передал русскому послу в Стокгольме князю Василию Лукичу Долгорукому квитанцию о принятии сполна Швецией этих денег.

Петр 10 сентября (ст.стиля) писал своим министрам: "Высокоблагородный и благородный! Отправленный от вас нашей гвардии капрал Обрезков, в бытность нашу у Котлина острова, к нам прибыл с заключенным мирным трактатом, с которою всерадостною ведомостью мы сами в 4-й день сего месяца сюда прибыли и воздали Всевысшему благодарение за такой благополучный мир, и тот от вас присланный трактат немедленно перевесть велели..."
19 сентября Брюс и Остерман обменялись со шведами ратификационными грамотами, 7 октября (обе даты по ст.стилю) прибыли в Кронштадт, а далее их ожидала новая столица.

Празднества в столице шли до конца октября, когда Петр был торжественно провозглашен "Всероссийским императором и Отцом Отечества". Затем торжества продолжились в Москве.
Маскарады, фейерверки, танцы, шествия... Мы упоминали уже о санных прогулках по Москве в январе 1722 г. Генерал-фельдцейхмейстер и его Маргарита нередко становились желанными гостями на свадьбах и крестинах. Особенно злоупотребляли гостеприимством иноземные купцы, для которых присутствие президента Мануфактур-коллегии в качестве посаженного или крестного отца на семейном торжестве могло служить благовидным предлогом для обращения с корыстными просьбами. Брюс охотно откликался на их приглашения, справедливо полагая, что своим участием в празднествах способствует поддержанию доверительных отношений русского правительства с деловыми людьми. Его собственные дома и в Питере, и в Москве также радушно принимали всевозможных гостей.
Бесспорно, Петр и его приближенные знали толк не только в сражениях и

государственных делах, но и в увеселениях. Впрочем, нередко придворных развлекали и принудительно. Сам Петр никогда не бывал мертвецки пьян, в отличие от своих придворных. Причина проста: в любой момент он мог покинуть своих товарищей и отправиться вздремнуть часок-другой, запретив кого бы то ни было выпускать из-за стола. Вернувшись, он с особым удовольствием спаивал тех, кто, по его мнению, был недостаточно пьян. Результаты впечатляли: так, на одной из ассамблей адмирал Апраксин плакал, как ребенок, Меншиков упал без чувств, и большого труда стоило привести его в сознание, Брюс и прочие собутыльники бессмысленно хохотали и выясняли, достаточно ли они уважаемы. Уклонение же от всеобщего веселья каралось крупным денежным штрафом. По нынешним временам, сомнительное удовольствие не присутствовать, к примеру, на водной прогулке по Неве и заливу обошлось бы, видимо, в добрые тысячи рублей!

Любопытен и показателен рассказ Берхгольца об имевшем место в ноябре 1722 г. в Москве праздновании дня святого Андрея. В этот день семь андреевских кавалеров в соответствии с определенным ритуалом должны были поздравить друг друга и принять поздравления от прочих гостей. Поскольку принято было по этому случаю обедать у каждого из кавалеров по очереди, веселье, начавшись в полдень у герцога Голштинского, до глубокой ночи продолжалось в домах прочих кавалеров. Постановив для себя в этот день не выпивать в одном месте более трех стаканов вина, виновники торжества не смогли удержаться и у Шафирова выпили не менее пяти-шести тостов. У Брюса, несмотря на прекрасно приготовленный стол, «занимались больше питьем, чем едою», не следовали правилу и у Меншикова. Не выполнили они и данного друг другу зарока съездить по всем семи адресам. По причине начавшейся уже вражды среди сановников Меншиков и Головкин не захотели побывать у Шафирова, а тот, в свою очередь, не поехал к ним.

Итак, карьера нашего героя достигла своего апогея. Теперь он именовался "Его сиятельство высокорожденный граф Яков Вилимович Брюс". Более того, Петр дал сенату указ: "Генералу-фелтьцейхмейстеру графу Брюсу, за ево нынешнюю, показанную нам и государству нашему, верную службу на нейштацком конгресе в постановлении с короною швецкою вечного миру, определяем пятьсот дворов крестьян..." 295 из них когда-то принадлежали Анне Монс. По состоянию на январь 1722 г. в России был один генерал-фельдмаршал (Меншиков) и пять полных генералов, один из них - "генерал-фельдцейхмейстер и кавалер граф Яков Брюс".

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ПОД УКЛОН

XVII. ПОДКОВЕРНАЯ БОРЬБА В ТРОННОМ ЗАЛЕ

«Царь,- с балкона бросает Брюс,- хоть ты и велик,
а змеи-то не видишь,- раздавить не мешало б,
раздвоенное вырвав жало, вставить язык».
М.Амелин

Едва стихли последние залпы салютов и отшипели фейерверки празднеств по случаю заключения мира, как опять началась война. С севера борьба вновь родившейся империи за жизненное пространство перекинулась на юг. 1722 г. ознаменовался Персидским

походом, который возглавил сам царь. Северный Кавказ и побережье Каспийского моря были присоединены к России.
Как ни странно, при живом и на вид по-прежнему могучем, способном нагнать страху императоре при дворе негласно зашевелились будто из ничего возникшие партии, ежечасно зарождались и умирали пока еще робкие комплоты.
Пока царь воевал - сенаторы в Петербурге и Москве выясняли отношения. Они уже давно сбились в две группировки. Меншиков и Головкин принадлежали к "новикм", людям-выскочкам, которые смогли в полной мере блеснуть своими талантами только благодаря благоприятному общественному климату, созданному Петром Великим. Они были в числе личных врагов царевича Алексея, а после суда над ним и его таинственной смерти в тюрьме сделали ставку на Екатерину. За пределами Сената их поддерживал кровавых дел мастер, преемник "великого и ужасного" Ромодановского Петр Толстой, который искупал своим безостановочным служением грех своего участия в стрелецких смутах. Во время Персидского похода Толстой лучше всех скрашивал походный быт императрицы, находившей его общество хорошим лекарством от скуки и жары.
На другом полюсе находились представители родовитой знати, не менее даровитые государственные мужи, князья Голицын и Долгорукий, которым выдвижение "пирожника" Меншикова и захудалого дворянина Головкина и иже с ними на первые роли в государстве было словно нож острый. Сын Алексея Петр был их знаменем. В силу личных причин "новик" Шафиров оказался в их стане. Именно вокруг его фигуры и развернулся скандал между сенаторами, столь отчетливо выявивший все противоречия вокруг трона и расстановку сил перед генеральным сражением за власть.

Брюсу, безусловно, ближе по духу были "новики", хотя явно он и не примыкал ни к одной из группировок, впрочем, как и еще несколько сенаторов. Волей судьбы, не раз дававшей ему возможность огибать острые углы, он никак не был замешан в деле царевича Алексея. Его подписи под приговором Алексею не было - он просто-напросто оказался в это время на Аландском конгрессе! Поэтому любой исход уже начавшейся борьбы за наследие Петра позволял ему надеяться на благополучные лично для него последствия.
Значение Якова Брюса в последний период царствования Петра I после заключенного со шведами мира возросло неимоверно. Царь благоволит к генералу. 1 ноября 1721 г. (ст.стиля), на свадьбе князя Репнина, как вспоминал Берхгольц, «император сидел недалеко от входных дверей, но так, что мог видеть танцевавших; около него сидели все его вельможи, но его величество большею частию разговаривал с генерал-фельдцейхмейстером Брюсом, сидевшим подле него с левой стороны». Дружбы и расположения Брюса и раньше искали просители из самых разных слоев общества, а сам он старался выстроить устойчивые и теплые отношения с лицами равными ему и вышестоящими, хотя всегда был внимателен к обращениям своих подчиненных и просто людей со стороны, не имеющих протекции в высших сферах. Равным образом он умел удружить людям всех партий: и приятелю царевича Алексея Кикину, и Ромодановскому, и родовитому Г.Ф.Долгорукому, и прибыльщику Курбатову, и даже двоюродному брату царя Нарышкину.
После Ништадта поток просителей возрастает еще больше. Тот же Берхгольц свидетельствует, что герцог Голштинский, будучи приглашенным в Москве на обед к Якову Вилимовичу («где было великолепное угощение и многочисленное общество»), выступал в качестве просителя за ювелира из Немецкой слободы Клерка перед хозяином

как президентом Берг-коллегии. Французский посланник Кампредон, рекомендуя своему правительству установить доверительные отношения с Брюсом, отмечал, что «его королевское величество доставил бы ему большое удовольствие, если бы подарил ему гравированное по приказанию покойного короля собрание эстампов королевских дворцов».
Нет ничего удивительного в том, что дорогой ценой завоеванные авторитет и влияние и устойчивое доверие царя Брюс не торопился расходовать попусту. Поэтому и на процессе по делу Шафирова, являясь членом так называемого "Вышнего суда", он поначалу занял уклончивую, двусмысленную позицию.
Не будем подробно останавливаться на этом процессе. Шафирову вменены были в вину его недостойное поведение на заседаниях Сената, его конфликт с Меншиковым и обер-прокурором Сената Скорняковым, его финансовые злоупотребления в пользу брата и т.д. В конечном итоге по приговору "Вышнего суда", утвержденному возвратившимся из похода царем, он был выведен на площадь для казни, в последний момент замененной ссылкой и конфискацией имущества. После этого обеим партиям только и оставалось, что дожидаться окончательного решения вопроса о петровском наследии.

Между тем, уже становилось очевидным, что это решение не заставит себя долго ждать. После смерти Арескина, как отмечали современники, сменившему его Лаврентию Блюментросту уже не удавалось поддерживать Петра в такой же хорошей форме. Стареющий и попадающий из хвори в хворь Отец Отечества все чаще задумывался о преемнике, о будущем России после своей смерти. Но он, изменивший порядок престолонаследия, присвоивший императору право самому назначать себе преемника, все так же колебался, не объявляя имени наследника. Он только все больше запутывал ситуацию, сватая свою дочь Анну за герцога Голштинского, Елизавету - за всех поочередно французских принцев, торжественно короновав в 1724 г. Екатерину императорской короной. «Петруша младший… Екатерина… Елисавет Петровна… Анна», - передавали шепотом друг другу подслушанные разговоры дворцовые шпалеры. Неправда, будто смерть государя Петра Алексеича была неожиданной. Возможно, ее не ждали так скоро, но желали почти все.
И все-таки он еще внушал ужас своему ближайшему окружению. В конце 1722 г. до Москвы, где предавались праздности высшие сановники империи, докатился слух, что Петр чуть ранее, чем ожидали его, возвращается с Кавказа. Одного упоминания об этом оказалось достаточно, чтобы вся знать, трепеща, разбежалась по своим московским домам и, затаившись, ожидала явления государя в Белокаменной: казнит ли, милует ли? Одарит ли отеческим поцелуем в губы и алмазами усыпанным портретом своим или тростью суковатой пройдется по спинам расшалившихся «чад своих возлюбленных», или, хуже того, познакомит с палачом? На сей раз гроза миновала…

Возвратившись, Петр по-прежнему общался со своими бывшими товарищами по компании, хотя теперь это все больше были деловые встречи. Без доклада к нему имели право входить только его любимец токарь Нартов да несколько мастеров с верфей Адмиралтейства. Брюс и ряд других высших сановников - только по докладу. Развлекаться он предпочитал в обществе голштинцев, привезших в столицу империи свой оркестр, в обществе денщиков (уже тогда поползли робкие слухи о его гомосексуальных наклонностях), время от времени сгоняя весь сановный Питер на морские прогулки.

Меншиков вообще с каждым годом все более терял доверие царя и, в конце концов, был лишен поста президента Военной коллегии.
Эти послевоенные годы прошли для царя и его приближенных в каждодневных заботах о становлении юной империи, по решению хозяйственных, финансовых и социальных вопросов. Петр спешил. Он торопился наверстать украденные войной и подступающей старостью годы и разом свершить все задуманное: реорганизовать систему управления, изменить церковь, развить хозяйство страны, наладить торговлю. В его голове роились фантастические планы покорения Индии и овладения Мадагаскаром, мечты о великих географических открытиях, замыслы дипломатических и военных побед в Европе и Азии. Он поучал крестьян, как правильно ткать холсты, открывал целебные воды, строил корабли, рвал зубы, писал указы, планировал каналы, устраивал ассамблеи... Утром столица, вслед за монархом просыпалась в 5-6 часов, в 10 вечера всякая жизнь должна была замирать до следующего кипучего дня.

С благостной высоты веков суета последних лет петровской эпохи являет любопытствующему уму отрадную картину задорно кипящей стройки. Да, империя строилась. Но для ее подданных первые годы мира показались едва ли не тяжелее пережитой войны. Бремя налогов, суровость таможенных пошлин, абсолютизация бюрократических методов управления, засилье военных чинов в гражданской жизни - от всего этого приходилось несладко даже ближайшему окружению Петра, а что уж говорить об остальных россиянах. Это уже потом на свет явятся легенды о царе-реформаторе, который не царствовал, а на службе Отечеству сызмальства состоял.
Империя строилась. Но строилась на костях, поте, крови и слезах. Казна пустовала. Страна находилась на грани войны с целым рядом государств Европы и Азии, взаимное отчуждение петровских сановников достигло фазы "холодной войны всех против всех". Иностранные резиденты жаловались своим дворам, что даже дела первоочередного государственного значения в Питере предпочитают обделывать в тайне друг от друга. Пружина общественного механизма растянулась до упора. Властной руке первого императора было еще по силам сдерживать ее. Но срок, ему отпущенный, был несоразмерен амбициозности целей и жестокости средств...

Наступил 1724. Императору оставался год жизни. Не желая задумываться о подступающей старости, о настойчивых недугах, он провел этот год не столько в интенсивных трудах, сколько в изощренных увеселениях. Не останавливался и конвейер публичных наказаний.
Судите сами. В январе невских жителей развлекли диковинными похоронами придворного шута-карлика. Для участия в похоронной процессии по указу Петра отобрали несколько десятков наиболее безобразных карликов и карлиц, окружив их со всех сторон высокорослыми гайдуками и гренадерами. Конец января ознаменовался казнями четырех фискалов, обвиненных в чудовищном взяточничестве. Отрубленные их головы насажены были на специальные шесты и долго еще торчали на них в назидание чиновному люду столицы.
В феврале столица империи на время превратилась в библейский Вавилон. В течение нескольких дней все мало-мальски значимые люди принуждены были, вырядившись голландскими матросами, индийскими браминами, французскими пастушками и мифическими существами (вроде древнеегипетских павианов), предаваться официально

объявленному веселью. На заседаниях Сената, в присутствиях коллегий, на публичных экзекуциях, на похоронах близких - нигде под угрозой наказания шутовской костюм не мог быть снят. Шумно и искренне веселились привычные ко всему члены «всепьянейшей конгрегации».
Вдоволь натешив государя, один за другим придворные с семьями начали отбывать в Москву, где уже начались приготовления к коронации Екатерины. С конца февраля до начала мая толпа сановников и сановный люд большей частью толпились в кремлевских палатах, нетерпеливо ожидая свершения церемонии.

На коронации, состоявшейся в Кремле 7 мая 1724 г., нести перед царской четой императорскую корону доверили Якову Брюсу, а жена его, одна из пяти удостоенных чести аристократок и жен виднейших людей России, поддерживала шлейф платья императрицы. Помогали ей в этом супруги Меншикова, Трубецкого, канцлера Головкина и президента военной коллегии Бутурлина. Сам Яков Вилимович занимал в процессии одно из первейших мест, вступая в Успенский собор перед царствующей четой.
Яков Вилимович наверняка после коронации часто перебирал в памяти лица первейших людей империи, как навечно застывшие маски. Пронзительный, до души в пятках достающий взгляд Петра Андреича Толстого, погубителя никудышного царевича Алексея, подхватившего «заплечных дел» ремесло из мертвых рук Ромодановского. В бытность свою русским послом в Стамбуле, говорили, изобличил Толстой среди собственных людей шпиона и заставил принять отравленное питье. Теперь же ежечасно, рук не покладая, раскрывал он покушения на помазанника Божия, без устали выпекал и сам же разоблачал заговор за заговором в Тайной канцелярии. До того опутал заговорами Петра, мнительного с младых ногтей, что и сам уже не мог отличить правды от вымысла. Толстому частенько становилось уже невмочь настолько, что готов был бросить все, но тогда уже сам царь требовал раскрытия все новых и новых антигосударственных преступлений…
Бабье, пухлое и розовощекое лицо Остермана. На Аландских островах Брюс съел с ним достаточно соли, чтобы не доверять уже никогда. По части интриг, недомолвок и суесловия не сыскать ему равных от Ла Манша до Урала. Карьера его выросла в считанные месяцы. Он вполне заменил и даже превзошел Шафирова в делах дипломатии. Иностранные резиденты, коих он обволакивал свои витиеватым красноречием, уходили от Андрея Ивановича сраженные мигренью, не в силах постигнуть не то, что всей глубины, но даже смысла его хитромудрых комбинаций. Распаляемый собственными неуемными планами, он совершенно забывал о государстве, интересы которого поставлен был блюсти. В результате решение неотложных дел срывалось, раздраженные дипломаты пытались, игнорируя Остермана, со всякой малостью взывать к решению самого императора…
Потерянный, потускневший взгляд Меншикова. По прежнему деятельный и все еще нужный, ныне он ежечасно ожидал, что суровая рука государева накинет ему петлю на шею за все те неисчислимые казнокрадства и своеволия, цепь которых тянулась за ним на протяжении десятилетий. Некогда светлейшему прощалось многое, ибо полезен был. То время миновало. Меншиков, хоть и сдерживался, а видно было: более всех радовался коронации Екатерины. Ее ласковый взгляд, укрощавший гневливого Петра, нежное прикосновение пальцев, которыми гладила она его изрядно поредевшие волосы, ее вовремя сказанное примирительное слово - вот и все, что стояло между князюшкой и

приговором. Но стена эта с каждым днем становилась все ненадежнее.

В июне, вдоволь погуляв в первопрестольной, сановники начали возвращаться в Санкт-Петербург. С этого времени почти до самой кончины императора след Якова Брюса в официальных бумагах осьмнадцатого столетия теряется. По-видимому, он решил по-своему использовать передышку, подаренную счастливым стечением обстоятельств. Несколько месяцев после коронации Екатерины Яков Брюс, столь деятельный на протяжении десятилетий, неожиданно для многих удалившись от дел, проводит затворником в своем доме, никого не принимая и почти не выезжая из дома. Эти дни и месяцы, когда исподволь уже начала складываться новая конфигурация власти, Яков Вилимович предпочел провести наедине со своими ретортами и манускриптами, ища в напряженной работе мысли спасения от дворцовых интриг и собственных застарелых телесных недугов.

Вероятно, с этим периодом его жизни и связана еще одна, на сей раз питерская, легенда. Русский двор, как известно, был прост в увеселениях и экономен в расходах. Вернувшись в Питер, государь развлекался вовлечением своих подданных в регулярное повальное пьянство под музыку оркестра, привезенного заморским женихом герцогом Голштинским, сдабривая незатейливое веселье изрядной порцией наукообразных бесед и назидательных рассказов. Случалось, ассамблея происходила во дворце или в доме кого-либо из приближенных. Бывало, что по пушечному выстрелу с Невы весь сановный и чиновный Питербурх должен был, побросав все дела, отправляться на водную прогулку на залив. Ослушников штрафовали нещадно.
Яков Брюс давно уже был не в духе, каждый неудачный опыт, каждая нерешенная математическая задача только прибавляли ему мрачности и раздражения. Однако отсидеться в «башне из слоновой кости» ему не удалось. Он было перестал вовсе ездить ко двору и на морские прогулки, но царю, чтобы развлечься, требовался достойный собеседник. Неоспоримые желания монарха наткнулись на упрямое сопротивление подданного, и вот что из этого вышло.
На ассамблее (или водном променаде), после очередной партии в шахматы, покуривая трубку, Петр для увеселения разношерстной публики попросил Брюса сделать что-нибудь необычное. Яков Вилимович, пряча лукавую усмешку в уголках больших близоруких глаз, утомленных бессонными ночами, стремительным движением руки указал государю на окно (за борт): "Как же можно веселиться? Ведь Нева вышла из берегов, смотрите, какой ураган, небо потемнело... Вода заливает зал (корабль)!" После этих слов началась паника, все бросились на столы, Петр начал отдавать приказания. "Что делать?" - закричали все, обратившись к Брюсу. "Все в порядке, - отвечал генерал. - Видите, солнце появилось, вода убывает, ветер стих". Все опомнились и увидели, что день по-прежнему ясный и солнечный. Так, якобы, Брюс отомстил царю за беспокойство, продемонстрировав его гостям сеанс массового гипноза...
Интересно, что с уже упоминавшимся на этих страницах героем средневековых легенд Вергилием подобные истории приключались дважды. «Он заставил императора поверить, будто вокруг них повсюду, куда ни глянь, глубокая вода, так что ни в какую сторону нельзя сделать ни шагу, а можно только стоять на одном месте», - так в «Книге о жизни Вергилия» герой останавливает войска, штурмующие его замок. В другой раз, оказавшись пленником некоего восточного султана, Вергилий, «воспользовавшись своим чудесным

искусством, сделал так, что и самому султану, и всем его лордам стало казаться, будто великая река Вавилон вышла из берегов, затопила дворец, а сами они превратились в уток и стали по той реке плавать и нырять».

Размеренная жизнь русской столицы взорвалась в ноябре. В первых числах месяца внезапно началось грандиозное следствие над камергером Вилимом Монсом со товарищи, пойманными за руку на многолетнем и бессовестно неумеренном получении взяток. Первейшие лица империи (Меншиков, вдовствующая царица Прасковья и ее дочери, представители родовой аристократии и видные «птенцы гнезда Петрова») всеми подручными средствами ублажали брата покойницы Анны Монс, в чьей власти оказались к концу царствования Петра пожалование чинов и титулов, разрешение судебных споров, махинации с поместьями.

Анонимные доносчики и придворные наушники безжалостно ткнули императора носом в плутни Монса, словно наивного полугодовалого щенка. Весь сановный Петербург в течение шести лет был прекрасно осведомлен о корыстолюбии Монса и его сестры генеральши Балк. Для многих из знающих отнюдь не зазорным было пользоваться услугами бойкого семейства. Главное, ни для кого не составляло секрета, что исполнение желаний происходило в силу особого положения молодого, красивого и неженатого камергера при особе императрицы Екатерины.

После того, как доброхоты открыли Петру глаза на Монсов фавор, все переменилось враз, как в дурном сне. Едва-едва успел двор отпраздновать коронацию Екатерины, как она уже в немилости. Жена императора не смогла остаться вне подозрений. Само имя Екатеринина избранника напомнило царю об Аннушкиной мелочности: не смогла представить, что когда-нибудь станет царицей (Екатерина-то смогла!), предпочла умещавшийся в ее кукольной головке банальный брак с саксонским посланником. Хороший немецкий расчет, в котором не хватало русского «авось», емелиного «щучьего хотения».

Екатерина отказалась гораздо умней, терпеливей и рисковей. Собственно, ни один серьезный историк не взял на себя смелости сказать без обиняков, был ли действительно у Екатерины с Монсом роман или так, легкий флирт без последствий. Но, по-видимому, она на самом деле размякла, достигнув предела своей мечты. А царь, сам неистово охочий до женского пола, герой множества физиологических похождений, измены супруги, столь же дорогой ему, как флот, стерпеть не мог.

Баловня судьбы Монса, обвинив во взятках, предали в руки Вышнего суда, который не так давно еще, в деле Шафирова, показал себя хорошей машиной для «подмахивания» царских приговоров. Впрочем, на сей раз это был действительно единственный орган в России, члены которого могли со спокойной совестью подписывать Монсу приговор: среди них не было ни одного сановника, который был бы уличен в даче камергеру взяток и подношении даров. Судьи, числом девять, среди них Яков Брюс, Бутурлин, Дмитриев-Мамонов (один из составителей Табели о рангах), Иван Мусин-Пушкин единогласно, не колеблясь, объявили Вилиму Монсу смертную казнь. Яков Брюс, который находил в себе смелость ходатайствовать за Марию Гамильтон и сопротивляться попыткам Тайной канцелярии превратить мануфактуры в места наказания болтливых баб за «политические преступления», ни единым словом не возразил против смертного приговора: преступления Монса были очевидны, еще яснее была его тайная вина перед государем. Утром 16 ноября 1724 г. (ст.стиля) отрубленная голова бывшего баловня судьбы водружена была на шест на Троицкой площади.

Судьба несчастного фаворита вселила в его недавних придворных товарищей смятенный ужас. С этого момента уже никто не мог чувствовать себя в безопасности, ибо под карающую руку великого царя рисковал попасть каждый.
Екатерина уже, наверное, перебирала в памяти названия всех известных монастырей, прикидывая, где именно сгноит ее обманутый супруг. Однако, вопреки общепринятому мнению (которое еще в XIX веке блестяще опроверг М.И.Семевский), с головы Екатерины не упал ни один волосок. Ни сцен, ни объяснений, ни разбитых ваз венецианского стекла не было. Простил ли ее император, смирился ли со случившимся («я слишком стар, ты слишком молода», как говорил лермонтовский Арбенин, который, впрочем, сам не простил) или Петр просто не хотел выносить сор из питерской избы на всеевропейское посмешище (ему ведь еще и дочерей надо было замуж выдавать)… Верней всего, все вместе. Так или иначе, Петр до самой смерти и виду не казал, что Екатерина попала в немилость. Правда, на людях вместе появлялись они все реже и, по-видимому, он окончательно отказался от идеи вручить ей бразды правления. На почве животного страха за свое будущее Екатерина еще более сблизилась с Меншиковым. Современники поговаривали даже, что они-то и отравили царя.

Причину смерти царя искали среди ядов, видели в ней к тому же застарелый сифилис (из-за проблем с мочеиспусканием). Помимо прочего его мучили камни в почках. В течение всей жизни этот "чудотворец-исполин" отнюдь не отличался богатырским здоровьем. Пьянство, чесотки и лихорадки не прошли даром. Ему, казалось, стало лучше, но 28 января 1725 г. (ст.стиля) он скончался, не только не оставив завещания, но даже (вопреки широко бытующему мнению) и не пытаясь назвать имя своего преемника. Петр умер. Начиналась новая эпоха...
Мы, однако, всем версиям гибели императора предпочитаем мысль о том, что его кончина была своеобразным самоубийством, и с этим никакой маг ничего не мог поделать. Совершенно очевидно, Петр с маниакальным упорством искал смерти на протяжении всех двух месяцев с того момента, как ему открылись обстоятельства Монсова дела. В конечном счете, случай сжалился над упрямцем и подарил ему смерть - от простуды, подхваченной в ледяной воде при спасении матроса.
Верил ли он в справедливость предсказания Симеона Полоцкого о предельном сроке своей жизни? Петр был суеверен, но упрям, и в душе его скорей взыграло бы стремление помужествовать с неумолимым роком, нежели покориться предначертаниям судьбы. Нет же, не в этом было дело - Петр умер тогда, когда наконец-то понял, что он никому не нужен, что все желают ему скорейшей смерти, что единодержавная система власти, вся абсолютистская вертикаль, выстроенная им за десятилетия правления, затрещала по швам и рухнула.
В самом деле, урок покойного камергера был несладок. Стоило полжизни потратить, чтобы создавать систему беспрекословного подчинения, превращать чиновные чернильные души в табельные строчки, плодить указ за указом в попытке создать идеальные законы, по которым жизнь России текла бы столь же естественно и непринужденно, как солнце шествует по небесной эклиптике - и случайно узнать, в конце концов, что за это время жадные крысы в шитых золотом сановных камзолах успели прогрызть в такой стройной и ладной системе дыру, через которую можно было пол-империи утащить! Выяснить, что ни единого человека не осталось, на которого положиться мог бы, что жена любимая - и та заедино с прочими, жадно ловящими каждый

вздох твой в надежде услышать последний…
Казнив Монса и обручив дочь Анну с герцогом Голштинским, Петру более нечего было делать на свете - и он умер, даже не озаботившись вопросом о престолонаследии.

XVIII. СОРОК ДНЕЙ

Нам, русским, хлеба не надо: мы едим друг друга и сыты этим.
Волынский, кабинет-министр Анны Иоанновны

Брюс вернулся к активной деятельности перед кончиной Петра. Возможно, это произошло после уже описанного нами легендарного сеанса гипноза.
В ночь смерти императора на дворцовом совещании высших сановников России, как свидетельствует Феофан Прокопович, «от всех прошен был генерал-фельдцейхмейстер сенатор и кавалер граф Яков Брюс, дабы принял на себя труд о устроении погребения императорского, и принадлежащего к тому, по обычаю прочих в Европе государств». Наш герой должен был наблюдать за тем, как лекари позаботятся о сохранности тела императора и руководить организацией приличествующих похорон.
30 января 1725 г. набальзамированное тело покойного императора (секретному составу Рюйша впервые нашлось в руках Лаврентия Блюментроста и Якова Брюса достойное применение) было выставлено во дворце, и народ был допущен для прощания. Яков Брюс и генерал Бок подготовляли траурный зал, который был окончательно оформлен к 13 февраля (обе даты по ст.стилю). Среди обычных украшений, употреблявшихся для подобных случаев при европейских дворах (уж кому, как не Брюсу, было знать подробности дела), виднелись пирамиды с надписями: "От попечения о церкви", "О исправлении гражданства", "От обучения воинства", "От строения флота", заполненные патетическими текстами. В феврале же Сенат с незначительными изменениями утвердил предложенный нашим героем проект памятной медали в честь Петра I.

Тело Петра после его кончины пролежало непогребенным сорок дней. В самом акте бальзамирования тела императора можно усмотреть причудливое смешение европейских традиций с верованиями, восходящими к древнеегипетскому культу мертвых и одновременно к древнерусской традиции поклонения «святым мощам». Бальзамирование осуществлялось впервые в истории России. Тело за несколько лет до того умершей царицы Прасковьи подобным испытаниям не подвергалось. Бессмертие Петра, духовное, а, возможно, и телесное - не эти ли цели стояли перед Яковом Брюсом? Поставил ли Петр своей смертью точку в их многолетних спорах о бессмертии?
Более полутора столетий спустя знаменитый русский врач Н.И.Пирогов обращался к теме бессмертия в своих последних дневниковых записях. Вспоминая о первой жене, он писал: “В первый раз я пожелал бессмертия - загробной жизни. Это сделала любовь. Захотелось, чтобы любовь была вечна - так она была сладка... Со временем я узнал по опыту, что не одна только любовь составляет причину желанию вечно жить.
Вера в бессмертие основана на чем-то еще более высшем, чем сама любовь. Теперь я верю, или, вернее, желаю в бессмертие не потому только, что любовью жизни за любовь мою - и истинную любовь - ко второй жене и детям (от первой), нет, моя вера в бессмертие основана теперь на другом нравственном начале, на другом идеале”. В соответствии с пожеланием Пирогова его тело было забальзамировано и на протяжении

более сотни лет покоится в специально сооруженном мавзолее на Украине.

Удачно ли прошло бальзамирование тела Петра или секрет Рюйша так и не покорился новым хозяевам? Факты разноречивы. Во дворце поговаривали, что от ядовитых миазмов, распространявшихся от разлагающегося тела монарха, скончалась восьмилетняя дочь Петра царевна Наталья. Но даже если сотворение святых мощей из тела императора и прошло успешно, преемников Петра это вряд ли обрадовало. Упокоившийся Отец Отечества служил немым укором наследникам дела своего, в одночасье расточившим плоды жизни великого государя. И если для Екатерины незахороненное тело его еще служило весомым аргументом в споре за право на верховную власть, то для последующих властителей России его пребывание на земле стало явной помехой.
По истечении сорока дней состоялись похороны Петра. Брюс 9 и 10 марта 1725 г. (ст.стиля) в должности верховного обер-маршала печальной комиссии отдал свой последний долг великому императору. Впервые в российской истории предпринятая попытка создать нечто вроде античного мавзолея, попытка, предшествующая появлению на территории нашей страны мавзолеев Пирогова и Ленина-Сталина, продолжалась недолго. В недостроенном соборе тело царя посыпали землею, закрыли гроб, разостлали на нем императорскую мантию и оставили его на катафалке под балдахином посреди церкви. А уже при императрице Анне в июне 1731 г. саркофаг был захоронен. Кстати, именно к этому периоду относятся легенды об опытах Брюса с замораживанием. Возможно, незавидная судьба тела государя поколебала многолетнюю веру Брюса в непогрешимость методов бальзамирования и заставила его в экспериментах обратиться к привычному спутнику русской жизни – холоду.
Екатерина все время до похорон, как говорили одни, плакала безутешно над телом венценосного супруга; как поговаривали другие, пребывала в беспробудном пьянстве, в то время, как придворная камарилья решала вопрос о власти. Карлики делили наследство великана, а простой русский люд, не слишком-то туживший о скончавшемся государе, сочинил ехидную картинку «Как мыши кота хоронили».

В известных исторических документах о роли нашего героя в этих событиях нет ни слова. Он словно растворился в огромной придворной толпе, на первом плане которой просматриваются силуэты Меншикова, Остермана, Толстого и полковника гвардии Бутурлина, активно проталкивавших в правительницы Екатерину. Собственно, все было решено еще в ночь смерти Петра, когда суетную толпу сенаторов, министров и генералов поставили перед фактом. Более удачливые заговорщики привели под окна дворца гвардию, а робкое предложение президента военной коллегии Репнина открыть окно, чтобы спросить у толпы, кому быть на троне, были решительно пресечены хладнокровным заявлением Меншикова: «Не надо раскрывать окна. Чай, не весна на дворе». Правда, оставались еще опасения народных волнений против новой императрицы, но вскоре стало очевидно, что и с этой стороны бояться нечего.
Сторонники Петра, сына царевича Алексея попритихли, понимая, что окончательное решение вопроса просто-напросто отсрочено. Петр был юн, он мог и подождать.
Брюсу, по большому счету, было все равно, кто станет императором. Осторожный, дипломатичный и неамбициозный, он одинаково хорошо ладил с "новиками" и с бывшими боярами. С одной стороны, на нем не было крови царевича Алексея, с другой - за ним закрепилась репутация одного из виднейших реформаторов петровского круга. Имея на

руках столь неплохую комбинацию, он имел возможность молча дожидаться любого исхода событий.

Но… "Кто не рискует, тот не пьет шампанское", - недаром говорят французы. Толстой, Остерман и Меншиков очертя голову кинулись в новые придворные интриги, каждый ратуя сам за себя. Не столь напористого Якова Вилимовича рано или поздно должны были оттереть от подножия трона. В день брака Анны Петровны с герцогом Голштинским Екатерина поручила Брюсу весьма почетную свадебную должность брата невесты. Он еще успел удостоиться 30 августа 1725 г. (ст.стиля) ордена святого Александра Невского в числе прочих кавалеров ордена святого Андрея, среди которых были Меншиков, Головин, Репнин и М.М.Голицын. Но в карьере его наступил решительный и окончательный перелом. Пошли разговоры о том, что надо бы упразднить Мануфактур-коллегию, проверить деятельность Монетных дворов. Наконец, сенаторы были поставлены перед фактом организации Верховного Тайного совета, членами которого состояли только несколько действительных тайных советников. Брюсу оставалось только сожалеть о том, что в свое время он не принял от императора этот чин. Теперь же, не входя в их число, он оказался на вторых ролях. Сенат лишился звания "правительствующего", над ним навис Тайный совет, составленный из самомнений и амбиций.
Подлил масла в огонь и Ягужинский. Он ничего не забыл и ныне, воспользовавшись подходящим моментом и не имея довольно сил отомстить обоим своим обидчикам, постарался побольнее задеть хотя бы одного из них. В поданной им императрице «Записке о состоянии России» Ягужинский давал Брюсу уничижительную характеристику, ухитрившись одновременно и похвалить его, и подвергнуть сомнению целесообразность дальнейшего пребывания его на посту. «Не малый апартамент в государстве артиллерия, - осторожно выбирая выражения, доносил генеральный прокурор, - а генерал-фельдцейхмейстер уже весьма ослабел, а на его место не токмо кто видится быть достоин, но ниже (даже) и в помышление (не) приходит кому, чтоб на его место человека заранее усматривать». Нечего сказать, подсластил пилюлю!

Полагаем, Брюс, как и многие другие петровские сановники, действительно должен был почувствовать определенную усталость. Эпоха Петра держала всех в напряжении, указ за указом, письмо за письмом сулили исполнителям царской воли суровую кару за малейшую оплошность. Но и новое время не отличилось в лучшую сторону. Почувствовав отсутствие строгого воспитателя, сановники вздохнули с облегчением и расшалились, как малые дети. Сама императрица подавала им в этом пример. Поговаривали, что ее утро начиналось с вопроса Меншикова: "Ну, что, матушка, чем сегодня похмеляться будем?" Указы же подписывала за матушку умница Елизавета. Вот и от деятельности Якова Вилимовича в 1725-1726 г. на поприще начальника русской артиллерии и президента двух коллегий почти не осталось никаких документов.
Как мы уже отмечали, Петр, при всем уважении к науке и ее представителям, не держал их в ближайшем своем окружении. Его привлекали люди практического склада, с административной жилкой, чиновники, дипломаты и генералы. Повинуясь общему закону царствования, и Брюс вынужден был отложить свои научные занятия в долгий ящик. Теперь же перед ним впервые за долгие годы предстала возможность заняться своими научными исследованиями (при этом на торжественном открытии Академии наук накануне нового, 1726 г. он не присутствовал, якобы в связи с «недомоганием»).

Весь этот комплекс мыслей и чувств привел в конечном итоге Якова Вилимовича к мысли уйти в отставку. В нестаром еще возрасте, 56-ти лет от роду, в июле 1726 г., как пишет Бантыш-Каменский, "взирая с неудовольствием на возникшую между первейшими российскими боярами вражду и несогласие, и не желая пристать ни к которой из сих партий", он вышел в почетную (с повышением до чина генерал-фельдмаршала) отставку. Мы не разделяем точку зрения, существующую в среде современных российских астрологов (ее высказал, к примеру, доктор химических наук, проректор Астрологической Академии Ф.К.Величко), что отставка Якова Вилимовича могла быть своеобразной формой протеста против насильственного устранения императора и последующего падения культурного и образовательного уровня при дворе. Как мы уже отмечали, физическая мощь царя - один из мифов, устойчиво внедрившихся в массовое сознание благодаря художественной литературе и кинематографу. Едва ли Брюсу удалось и составить гороскоп Петра, в котором не просматривались бы признаки естественной или насильственной смерти на 53-м году жизни. В этом, очевидно, не было необходимости, поскольку еще при рождении государя смерть вскоре после 50 лет была предсказана ему Симеоном Полоцким. Падению же культурного и образовательного уровня Яков Брюс не имел возможности быть свидетелем: двор, в сущности, еще не успел измениться со смертью императора. Напротив, вскоре была открыта Академия наук, любимое детище Петра. Другое дело, что моральный климат Санкт-Петербургского двора резко ухудшился.

Летом 1726 года, покинув Петербург с несколькими возами своих книг, инструментов и раритетов, Брюс с Марфой Андреевной приезжает в Москву и вскоре поселяется в Глинках, своем подмосковном имении, купленном им в 1727 г. Одним из первых в российской истории добровольно уйдя от власти, он создал таким образом поучительный прецедент для своих коллег, никто из которых, к сожалению, не имел ни ума, ни прозорливости им воспользоваться.
Только Меншиков перед своей отставкой, когда уже ничего нельзя было поправить, молил Петра II: "Также сказан мне указ, чтоб мне ни в какия дела не вступаться, так что я всенижайше и прошу, дабы ваше величество повелели для моей старости и болезни от всех дел меня уволить вовсе, как по указу блаженной и вечной достойной памяти ея императорского величества уволен генерал-фельдцейгмейстер Брюс." В это время, а позднее и при Анне Иоанновне, Якову Вилимовичу оставалось уже только наблюдать из своей подмосковной, как один за другим сходят со своих политических орбит его недавние друзья и соперники: Меншиков чахнет в Березове, Толстой умирает на Соловках, секретарь Петра Макаров сидит под домашним арестом, а Шафиров, возвращенный из ссылки, измучен "на мелких работах". Один лишь Иоганн Остерман продолжал делать головокружительную карьеру.

XIX. ОТСТАВНОЙ ЧАРОДЕЙ

Тут (в Сухаревой башне) ученый фельдмаршал-колдун проверял свои деревенские вычисления, мало заботясь и о молве народной и о событиях при дворе, представлявшем тогда истинную фантасмагорию явлений и лиц, которые мелькали и исчезали одно за другим... Даже гроза Бирена... не смущала ни московских, ни деревенских занятий ученого потомка шотландских королей-изгнанников, хотя и более чем обеспеченного Россиею в средствах ко всем удобствам жизни, но, как кажется, чуждого и тогдашним бедствиям России, и всему в мире, кроме книг и знаний.

М.Хмыров

Яков Вилимович за многие годы добросовестной службы сумел стать если не богатым человеком, то, по крайней мере, смог скопить изрядное состояние, достаточное для того, чтобы не окончить дни свои в бедности. В разных уголках России в разные годы был он пожалован поместьями. Так, сделался он козельским помещиком, получив в дар от императора несколько сел за составление положения о коллегиях и успешное завершение мирных переговоров со шведами. Ранее, одним из первых среди петровских сподвижников, пожалован был имениями на Северной Двине. Ему был пожалован один из четырех участков в Петергофе (ныне парк «Александрия»), выкупив которые в 1725-26 гг., Меншиков начал строить свой дворец «Монкураж».
Не довольствуясь царскими «дачами», Яков Брюс прикупал приглянувшиеся ему небольшие поместья. Так, в 1732 г. Н.П.Голицын заложил Брюсу свое подмосковное село Перово (сейчас это московский район недалеко от знаменитого Кусково), и впоследствии эти земли перешли в его собственность. У Александра Романовича Брюса село выкупила цесаревна Елизавета Петровна. Много позже, став императрицей, она подарила Перово своему фавориту Разумовскому. По слухам, здесь состоялось их тайное венчание. Похоже, покупая Перово, Яков Вилимович пытался перебраться поближе к Москве, в место, удобнейшее для передвижений (неподалеку от Владимирской дороги, нынешнего Шоссе Энтузиастов), но толком не успел распорядиться своим приобретением. Для будущих поколений исследователей его имя навсегда оказалось связано с Глинками.

В поместье Глинки Богородского уезда Московской губернии, в 42 верстах от тогдашней Москвы (теперь это Щелковский район Московской области), неподалеку от впадения реки Вори в Клязьму, Брюс провел бльшую часть из десяти последних лет своей жизни. Неподалеку располагались казенные провиантский и пороховой заводы, а также лосинная мануфактура, выстроенная по его проекту в петровские времена. Она-то и дала название городу Лосино-Петровский, в окрестностях которого находятся Глинки.
Усадьба Брюса была самой первой подмосковной, сооруженной из камня. Приобретя село и нескольких деревень у А.Г.Долгорукого, Яков Вилимович построил здесь для себя и Маргариты Андреевны целый архитектурный ансамбль, включавший не только жилой дом, но и хозяйственные строения, каменные оранжереи и конюшни, а также украшенный скульптурой регулярный парк с прудами, садовыми гротами и музыкальным павильоном. В.И.Вернадский, описывая глинковскую усадьбу, отмечал «дом «прелестной архитектуры», носящий печать аннинской эпохи и в то же время не напоминающий никого из тогдашних архитекторов». «Очень может быть, - полагал Вернадский, - он выстроен Брюсом по собственным чертежам». В одном из флигелей нынешнего главного корпуса усадьбы (первоначальное главное здание не сохранилось) теперь создан музей Я.В.Брюса.
По смерти владельца усадьба перешла в наследство к племяннику его, Александру Романовичу, который довершил ансамбль зданий, выстроив церковь и не дошедшую до нас небольшую усыпальницу. С середины XIX в. имение перестало принадлежать отдаленным потомкам Брюсов. Сперва им завладел купец Усачев, затем богомольная помещица Колесова, в порыве ложного благочестия якобы приказавшая утопить в пруду всю «богопротивную» античную парковую скульптуру (уже в наше время энтузиастами-добровольцами предпринимались попытки подтвердить эту легенду, но безуспешно –

статуи на дне обнаружены не были). Следующий владелец - бумагопрядильный фабрикант Лопатин, - уложил оставшиеся изваяния в основание плотины, а в главном корпусе усадьбы учинил хлопковый склад. Так что не только парковая скульптура, но и сами постройки имения не дошли до нас в первозданном виде: главное здание усадьбы некогда представляло собой прямоугольный комплекс построек, ориентированных по сторонам света. По легенде, Брюс предсказывал, что здание сгорит на рубеже веков. Оно действительно сильно пострадало при пожаре в 1899 г. Но и в нынешнем своем виде постройка, являющаяся жилым корпусом санатория «Монино», позволяет представить, как хозяин использовал ее в качестве обсерватории. По легенде, белокаменные маски, украшавшие наличники окон первого этажа, являлись карикатурными изображениями петровских вельмож, укреплявшими, по всей видимости, Якова Вилимовича в решимости никогда более не возвращаться в мир их прототипов. Брюсу, большому любителю лошадей (в переписке с Шереметевым и Репниным немало теплых слов сказано об этих животных), как утверждают, было присуще чувство, за которое людей прозывают "лозоходами" - теперь в бывших конюшнях генерал-фельдмаршала отдыхающие принимают ванны из минеральной воды.
Яков Брюс пережил дочерей, умерших в юном возрасте, и жену, которую осенью 1727 г. разбил паралич. Маргарита Брюс, добрейшая Марфа Андреевна умерла в 1728 г. Его внучатый племянник Питер Генри Брюс не оправдал его надежд, задержавшись на русской службе не более десяти лет. Питер не нашел в России второй родины. Он с детства был приучен к тому, что род его по мужской линии всегда находился в услужении всевозможным монархам: где война, там и они. А тут ему досталось маленькое наследство в Шотландии. Питер несколько лет добивался отставки с русской службы, чтобы уехать на историческую родину, но всякий раз наталкивался на противодействие своего покровителя. Якову Вилимовичу было очень тяжело расстаться с внучатым племянником, которого он принял как родного сына и возлагал на него большие надежды. В конце концов ему пришлось смириться с твердым решением Питера. Он даже предоставил в его распоряжение карету, запряженную шестеркой лучших лошадей из своей конюшни. Эти отборные лошади и увезли прочь из России любимого внучатого племянника…
На склоне лет в Англии Питер Генри написал мемуары, в которых запечатлел ряд наиболее запомнившихся ему в России событий, изобразил обычаи и нравы этой хлебосольной и одновременно жестокосердной страны. В своей книге он уделил своему высокопоставленному родственнику, к сожалению, не слишком много внимания, но, тем не менее, оставил на память потомкам несколько прелюбопытнейших эпизодов из жизни генерал-фельдцейхмейстера, которые мы с удовольствием пересказали в этой биографии.
Удаленность от придворных интриг позволила Якову Вилимовичу окончить свою жизнь в относительно благополучной размеренной атмосфере собственного дома. Но и семейство Брюсов не обошла стороной политическая борьба в послепетровской России. Его племянник Александр Романович Брюс, впоследствии генерал гвардии, чуть было не впал в немилость в царствование Петра II за свою близость к семейству Меншиковых. По иронии судьбы, позднее он взял в жены Екатерину Долгорукову, несостоявшуюся невесту малолетнего царя, происки семейства которой и послужили причиной ссылки Меншикова.

Чему были отданы последние годы жизни нашего героя, почти целое десятилетие? Покинув политическую арену страны, он тем не менее по-прежнему оставался заметной фигурой империи. Со смертью Екатерины значение Петербурга в делах государства резко

ослабло. Столицей России при Петре II фактически вновь стала Москва. Малолетний император со своей свитой, взбалмошной сестрой Натальей и любезной молоденькой тетушкой Елизаветой, развлекаясь, исследовал все окрестности Москвы. Наверняка бывал он и в Глинках. Тяготясь опекой «полудержавного властелина» Меншикова, Петр с удовольствием использовал любую возможность, чтобы пообщаться с людьми, которые могли бы дать ему то, чем не в состоянии был поделиться светлейший: знания и надлежащее воспитание. Среди этих людей должное место занял и Яков Вилимович (увы, новому императору судьбой было отпущено слишком мало лет жизни). К тому же он по-прежнему оставался одним из авторитетнейших людей империи, хотя и пребывал в отставке. Удобство неофициального статуса заключалось в том, что он с легкостью мог избегать участия в борьбе придворных группировок Меншикова и Долгоруковых за влияние на ум и душу юного императора, вместе с тем имея возможность до некоторой степени оказывать влияние на события в России. Уже возникшая и день ото дня упрочивавшаяся слава его как волшебника и провидца заставляла сильных мира сего вновь искать его дружбы и расположения. Однако кончина Марфы Андреевны резко охладила интерес его к суетным светским делам.

В последний раз роль практически в буквальном смысле «свадебного генерала» ему предстояло сыграть на торжественном обручении юного императора с княжной Екатериной Долгоруковой. Церемонии назначено было быть в Лефортовском дворце 30 ноября 1729 г. (ст.стиля).

Новая придворная камарилья торопилась опутать Петра II узами непреодолимых обязательств. Во избежание неприятных сюрпризов батальон преображенцев численностью в двести человек был расположен частью в зале торжества, частью в близлежащих покоях. Простой люд Москвы не разделял тягостных предчувствий знати по поводу предстоящего царственного брака. В толпе, приветствовавшей карету с царской невестой, понятия не имели о дворцовых распрях. Там просто радовались, что впервые за долгие годы законный русский государь, успевший полюбиться народу, женится на русской невесте из хорошей родовитой фамилии. Однако когда карета въезжала во двор, аркой ворот с ее крыши снесло золоченую корону, которая упала и разбилась вдребезги. «Плохая примета, свадьбе не бывать…», - прошелестело в толпе.

В зале, где происходила церемония, собрался весь цвет общества: первые чины государства, знатнейшие фамилии империи, генералитет, дипломатический корпус. По правую сторону от кресел императора стояли первые дамы России, по левую - члены Верховного тайного совета и три фельдмаршала: Голицын, Трубецкой и Брюс. Церемония была краткой, император безо всякой радости обручился с навязанной ему невестой, бледной, неожиданно занемогшей Долгоруковой. Из-за ее недомогания бал после отгоревшего фейерверка был недолгим.

Свадьба была назначена на 19 января 1730 г. (ст.стиля). Именно в этот день Петр II после скоротечной болезни умер и уже 11 февраля вся придворная Москва вновь собралась, чтобы похоронить императора. 15 февраля Брюс в числе других знатнейших людей сопровождал торжественный кортеж новой императрицы Анны Иоанновны. Его протеже Василий Татищев задолго до этого с головой окунулся в борьбу враждующих фракций верховников, новиков и немецкой партии, выказав при сем немалую изворотливость и умение менять принципы в зависимости от малейших колебаний придворной атмосферы. Якову Вилимовичу, одному из патриархов российской правящей элиты, такое ловкачество

было не по годам и не по сердцу. Стареющий вдовец, переживший собственных дочерей, уже не помышлял о возвращении к активной политической деятельности. Отбыв все комиссии, положенные по случаю восхождения на престол Анны Иоанновны, фельдмаршал уехал в Глинки.

Теперь Брюс навещал Москву лишь изредка, общаясь в основном с приборами и инструментами, запираясь в обсерватории Сухаревки. Так продолжалось до тех пор, пока он не создал собственную обсерваторию в усадьбе. Он не прекращал активную исследовательскую работу. Впервые именно после отставки Яков Вилимович начал через англичанина Джона Томаса заказывать оптические инструменты, по-прежнему занимался собиранием библиотеки и своего знаменитого кабинета.

Это десятилетие он посвятил и активной научной переписке с сотрудниками Петербургской Академии наук: Леонардом Эйлером, Иоганном-Георгом Лейтманном. Последний, кстати, уговаривал Брюса напечатать его математические рукописи, считая их достойными обнародования, но Брюс так и не собрался этого сделать. Продолжал он активно сотрудничать и с Василием Татищевым, который частенько обращался к нему за советами как к специалисту в области истории монеты, ученому и государственному деятелю.

Особую страницу в жизни Брюса составили его опыты по изготовлению зеркального телескопа по образу и подобию созданных Ньютоном. Отталкиваясь от ньютоновской идеи, Брюс сам провел серию экспериментов с металлами и стеклами для изготовления собственных двух телескопов, пробуя различные сплавы, добавляя в составы мышьяк, излюбленное вещество астрологов. В конце концов Яков Вилимович создал первый в России ньютоновский телескоп. Он был сохранен в Эрмитаже, на обороте зеркала Брюс оставил надпись: "Зделано собственным тщанием графа Якова Вилимовича Брюса 1733 году августа месяца".

Проявлял интерес фельдмаршал и к области медицины. Имеющиеся документы свидетельствуют о его глубоком интересе к называемой ныне «нетрадиционной» лечебной науке. По его поручению не раз знахарки из Немецкой слободы изготовляли некие «лекарственные водки» (в одном из документально засвидетельствованных случаев с Брюса денег за это не взяли). Ими ли, другими ли препаратами пользовал он в своей усадьбе? Сохранились рецепты травяных настоев, которые он прописывал местным жителям.

Несомненно, отставного сенатора должно было тяготить, что передать по наследству огромную сумму накопленных знаний некому. Ученый муж и легендарный чародей остался без ученика. Татищев, племянник - оба они не годились для этой роли. Александр, доблестный служака, весь пошел в своего отца, наука и оккультизм не были для него интересны. Василий Никитич полностью разделял интерес Брюса к научной деятельности, но был яростным противником «тайных искусств». Можно было, по примеру доктора Арешкина, полностью препоручить заботу о своем наследии государству. Брюс вроде бы даже распорядился упаковать свои коллекции в начале 1735 г. Может, чувствовал (или знал) приближение скорого конца или готовился к переезду в Перово.

Е.А.Савельева, как никто другой, хорошо знакомая с вопросом, пишет: «Видимо, по аналогии с библиотекой Арескина долгое время считали, что свои книги и кабинет редкостей Брюс завещал тому учреждению, с которым он был связан в последние годы. Дело обстояло иначе. Когда известие о смерти Брюса достигло Петербурга, бывший в то

время президентом Академии наук барон И.А.Корф, зная его библиотеку и кабинет редкостей и разделяя его увлечение оккультными науками, добился от императрицы Анны Иоанновны распоряжения московскому генерал-губернатору Салтыкову перевезти книги и редкости Брюса из его московского дома в Петербург. Для составления описей в Москву были отправлены служащие Академии наук Тидеман и Аладьин. В декабре 1735 г. книги и коллекция редкостей вместе с составленными описями были перевезены в Академию наук. Книги передавались в библиотеку, а редкости — в Кунсткамеру в течение двух лет, с 1735 по 1737 г.».
Судьбой своих интеллектуальных и художественных сокровищ генерал-фельдмаршал едва ли был бы доволен. Предметы, попавшие в Кунсткамеру, сохранились без особых потерь (но, к сожалению, в настоящее время из-за пробелов в документации XVIII в. не все из принадлежавшего Брюсу можно идентифицировать), а первые недостачи в библиотеке и рукописном фонде Брюса, видимо, начались еще при передаче в Академию. Опись была сделана топорно, впоследствии многое было утеряно, разворовано, кое-что даже пошло на растопку. Когда Екатерина II заинтересовалась рукописным фондом Брюса, из академической библиотеки ей по чиновному хладнокровно сообщили, что интересующие ее документы «не найдены, но так как сверток с бумагами оценен только в 50 коп., то, кажется, в нем куриозного не было», а другие записи, оцененные только в 5 коп., «яко не годные ни к какому употреблению, уничтожены». Вполне правильно оценив ситуацию, на полях доклада Екатерина саркастически заметила: «Хто ж выкрал? У меня в канюшни отцепили и продали за тридцать рублев англинскую лошадь, которая стоит пятьсот рублев, но то учинено незнающими людьми». К расхищению, как выяснилось, приложили свою руку знатнейшие члены Российской Академии. Манускрипты уничтожались и вывозились за границу при попустительстве Шумахера, когда-то библиотекаря Петра, а впоследствии президента Академии. Это человек, много работавший с Арескиным и самим Брюсом (и, надо отдать ему должное, сделавший немало полезного для России), знал истинную цену библиотеки Брюса, а проданные им за границу материалы представляли действительный интерес для науки и составляли предмет национальной гордости России. По «косвенным уликам» можно заподозрить в присвоении брюсовских раритетов и барона Корфа. По-видимому, мы никогда уже не узнаем в полной мере, каковы были в действительности сокровища ума, скопленные Яковом Брюсом за долгие годы интенсивных занятий наукой официальной и параллельной, и каков урон, понесенный нашей страной в результате мародерства «цивилизованных» академиков. «В настоящее время найдено в Библиотеке Академии наук, Горном институте, Московском университете и в библиотеке Хельсинкского университета около 1000 книг Брюса. Более 800 из них находятся в Библиотеке Академии наук», - отмечает Савельева.

С годами ореол таинственности вокруг фигуры Брюса не только не угас, но, напротив, все более усиливался. Легенды окружали его и на склоне лет. Он внушал суеверный ужас жителям окрестных деревень, что было немудрено: вспышки огня в лаборатории легко в рассказах крестьян превращались в «дьявольский огонь» («Брюс свечу зажег от молнии»); парковая статуя, изображавшая мифологическое существо, покрытое чешуей, в пересказах крестьян превратилась в дракона, служившего Брюсу, который в конце концов за некую провинность превратил его в камень; деревья, высаженные в парке усадьбы, все вместе представляли собой якобы зодиакальный круг. Преданиям о том, что летом граф катался

на коньках по поверхности своего пруда, а зимой, напротив, плавал на лодке, пытаются найти объяснение с точки зрения естественных наук: теплоизоляция могла создаваться за счет засыпания льда опилками, таким образом, лед мог относительно благополучно пережить весну; и наоборот, растопить его в случае необходимости зимой возможно было с помощью концентрированной серной кислоты, которая при разбавлении водой выделяет значительное количество тепла. Утверждают, что насладиться удивительными внесезонными прогулками по глади Глинковского пруда приезжали весьма высокородные гости. Среди них бывали изъездивший все московские окрестности в поисках развлечений избалованный венценосный мальчишка Петр II со своей любимой тетушкой Екатериной Петровной. Говорят также, что одним из излюбленнейших развлечений гостей в саду у старика-хозяина была «музыкальная беседка»: особым образом сконструированный Брюсом собственноручно аппарат издавал божественные, пению арфы подобные звуки, которые происходили от дуновения ветра на аллеях парка.

Любопытно еще раз сравнить нашего героя со знаменитым средневековым ученым и оккультистом Роджером Бэконом. История мистики уверяет нас, что некоторым знаменитым чародеям, запродавшим душу дьяволу или просто со страхом ожидавшим посмертной расплаты за чрезмерное любопытство относительно тайн Вселенной, удавалось обмануть Сатану, и не только ускользать от адского вознаграждения, но даже употреблять силу Сатаны на добрые дела. Про Роджера Бэкона говорили, что он смог освободить от заклятия некоего рыцаря, продавшего дьяволу душу. Сам же он в конце жизни сжег все свои оккультные книги (поскольку знание всех секретов природы принесло ему «только потерю лучших знаний, потерю божественных излучений, которые очищают темную часть человеческой души») и начал жить в нише церковной стены. Оттуда он уже больше не выходил и после двух лет покаянного подвига скончался, счастливо избегнув погибели своей души.

Как знать, возможно, нечто подобное выпало и на долю Якова Брюса, и своей практически безвыездной жизнью в Глинках он вполне искупил перед Богом свою причудливую, полную духовных противоречий жизнь.

Незадолго до смерти знаменитому полководцу довелось пережить новые неприятности. В окрестностях Глинок появилась разбойничья шайка. По всей видимости, злодеев привлекли многочисленные слухи, и они рассчитывали поживиться неплохой добычей, ограбив чародея, для которого выплавка золота все равно была плевым делом. Однако те же самые слухи о могуществе хозяина усадьбы удержали «работников ножа и топора» от активных действий. В усадьбу одно за другим подкинули три письма «о присылке к ним в воровскую кампанию денег, с великим устрашением». Отнюдь не всемогущему, уставшему Брюсу ничего не оставалось, как обратиться к правительству с просьбой о наведении порядка. В ноябре 1734 г., ознакомившись с копиями разбойных писем, Анна Иоанновна велела московскому генерал-губернатору Салтыкову позаботиться о «поимании и всеконечном искоренении всех тех разбойнических компаний и воров». Возможно, эти события стали для Брюса толчком к подготовке к возможному переезду в Перово, поближе к Москве.

В перечне основных дат жизни Якова Брюса, которым закончил подробную его биографию А.Филимон, сообщается, что в феврале 1735 г. Яков Вилимович взял на воспитание Дмитрия Васильева, но, к сожалению, ничего более об этом решении генерал-фельдмаршала не сообщается.

Умер Яков Вилимович Брюс 19/30 апреля 1735 г. в Глинках, а похоронен был 14/25 мая в Немецкой слободе. Устройством его похорон занимался дядя императрицы Анны Иоанновны московский генерал-губернатор граф Салтыков. 26 мая он писал Анне: "Всемилостивейшая Государыня. Вашему Императорскому Величеству Всемилостивейшей Государыне всенижайше рабски доношу генерала фельтмаршала Якова Вилимовича Брюса погребение учинено с надлежащею по его рангу честию сего мая 14 дня с пушечною и из мелкого ружья стрелбою, и погребли его в Немецкой слободе в Старой Обедни".
Испанский посол де Лириа (один из активнейших участников международной якобитской интриги) так отозвался на кончину Якова Вилимовича: «Одаренный большими способностями, он хорошо знал свое дело и Русскую землю, а неукоризненным ни в чем поведением он заслужил общую к себе любовь и уважение». Титул графа, уважая заслуги покойного, императрица присвоила его племяннику. Через два-три поколения род Брюсов в России пресекся, за неимением потомков-мужчин растворившись своей женской половиной в других знатных русских фамилиях. Один из Мусиных-Пушкиных, женившись на правнучке Романа Брюса, стал Мусиным-Пушкиным-Брюсом и одним из богатейших людей России. Известный историк Москвы Пыляев отмечал, что истоки богатства семьи Брюсов для их современников были покрыты мраком неизвестности. Полагали, что Яков Брюс на склоне лет сумел-таки обратить в золото знания, накопленные им в течение жизни, и оставил своей родне достаточные средства к безбедному существованию на много лет вперед.
Все, что осталось Москве на память о Брюсах - так это Брюсов переулок недалеко от мэрии, где жили дети и внуки Вилима Брюса. Переулок - и многочисленные, поражающие воображение легенды…

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ЛЕГЕНДА, НЕ СТАВШАЯ МИФОМ

Ждите, - и Брюс вернется, - он и поныне жив!
М.Амелин

Не успев покончить со средневековой мистикой, не задержавшись в гостях у эпохи Возрождения, проскочив с размаха времена Рационализма, Россия и не заметила, как вместе со всей Европой окунулась в масонский XVIII век. Здание Истории из века в век покоится на фундаменте легенд и мифов. Словно древние атланты, держат его на своих плечах некогда живые люди, незримой, неумолимой волей превращенные в персонажей вечного театра: Нострадамус, Парацельс, Казанова, Калиостро, Влад Цепеш (Дракула), Месмер, граф де Сен-Жермен, Жанна д'Арк, Синяя Борода... Такие разные, они одинаково легендарны. Яков Брюс - из их числа.
Если же выстроить только знаменитых магов и чернокнижников в единую цепочку, которую с одной стороны будет заканчивать прославленный обманщик Иоганн Фауст, а с другой - великий ученый монах Роджер Бэкон, в этой системе координат Яков Брюс, очевидно, будет скорее товарищем Бэкона, нежели собратом Фауста. Он никогда не рекламировал себя как волшебника или мага, к увлечению оккультными искусствами его привели интенсивные научные занятия и пытливость ума, не находящего в современной

ему реальности исчерпывающих ответов на извечные вопросы бытия.
В конце XVI в. уже упомянутый нами король Яков I Стюарт, с которым Брюс состоял в отдаленном родстве, в своей «Демонологии» допускал, что «Бог посредством проклятого дьявола желает допустить нас к знанию таких своих небесных таинств, которые Он не явил нам ни в Писании, ни в Пророках, но думать так, - полагал он, - ни один христианин не должен. Напротив, следует думать, что Он закрыл все свои мистерии печатью тайны, и нам приличествует мириться со смиренным невежеством, ибо знать такие вещи, по крайней мере, не необходимо для нашего спасения». «Любопытство ко всему редкостному и необычному», стремление к не стесненному никакими рамками познанию - это страсть, утверждал король, благодаря которой дьявол завлекает ученый люд в свои сети. Около столетия спустя Джон Локк призывал почитателей своей философии смириться с ограниченностью пределов постижения тайн Вселенной. Но века проходят, а человек по-прежнему пытается раздвинуть эти тесные рубежи и мечтает наконец-то добраться до сердцевины плода познания, который, как полагал Ньютон, он успел отведать в садах Эдема, но впоследствии позабыл его вкус.
Что заставляет его искать философский камень, мечтать о бессмертии? Страх перед вечностью, тщеславное себялюбие, сатанинское наущение, жажда познания, сострадание к ближнему своему? Что? Возможно, все это в совокупности, быть может, ни одна из этих причин. Но всегда есть какая-то последняя капля, падение которой заставляет реку выйти из берегов, сметая на пути все преграды, и тогда уже ничто не в состоянии заставить ее вернуться в русло.

В одном из древнеиндийских трактатов рассказывается об алхимике Нагарджуне. Смерть горячо любимого маленького сына так возмутила его своей непоправимостью, что он задумал сотворить эликсир бессмертия и навсегда избавить людей от страданий, болезней и смерти.
Узнав об этом, разгневались боги: «Уж не собрался ли ты бросить вызов Творцу? Созданы смертными люди. Если ж бессмертными станут, в чем от богов их отличие будет? Прекрати же свой труд и оставь все таким же, как создал Творец, а иначе не избежать тебе гнева богов и проклятья. Сын же твой ныне отправлен в обитель блаженства, где и пребудет во веки веков».
Своими речами отвратили боги Нагарджуну от его дерзкого намерения. Он покорился их воле и спрятал почти готовый эликсир бессмертия, удовлетворившись тем, что сын его награжден в загробной жизни.
Словно герою индийских трактатов, на долю Якова Брюса выпало немало трудностей. Видел он и коварство, и крушение замыслов, и предательство. Столько смертей близких людей доводится пережить не каждому. Судьба как будто посылала ему испытание за испытанием, но хранила его от вражеского выстрела, от монаршего гнева, от смертельных болезней, оставляя ему право найти свой Магистериум, свой философский камень.
А мы? Всякий ли может сказать, что журавль в небе прекраснее ручной синицы, что свет Луны ценнее трехгрошового блеска, что прильнуть жадным ртом к фляге жизни честнее, чем отхлебывать бесценную влагу скупыми глотками в надежде никогда не увидать дна? Шанс обрести свой «красный порошок» при рождении дается каждому, но в путь постижения Истины пускаются единицы.
Герой нашего повествования, вне всякого сомнения, был из тех немногих, кто во все времена, выступая впереди толпы, прокладывает ей путь и своим недреманным,

требовательным взором заставляет «миллионы миллионов» разноязыких племен, населяющих сей мир, поневоле брести за собой в поисках Абсолюта, который всякий раз лукаво ускользает за горизонтом. Есть ли конец у этой дороги? Как знать… Но останавливаться нельзя.

И все же, несмотря на свою загадочность, фигура Якова Брюса - явление хотя и легендарное, но не мифологическое. В легендах о нем присутствует ряд деталей мифологического порядка: ученик, перенимающий магическое искусство; обряд посвящения в оккультные знания. Но ему никогда не приписывалась сверхъестественность появления на свет, рождение его не сопровождалось знамениями. Легенды не сообщают ничего о том, приходилось ли ему вступать в соперничество с другими чародеями, окончание его жизни, хотя и таинственное, все же не было подобно ужасающему финалу судьбы Фауста или Зито, похищенных дьяволом. Словом, в его судьбе не удается проследить значительную часть из числа мифообразующих элементов. Скорее, их можно обнаружить в связи с именем его великого повелителя Петра I. Но век восемнадцатый уже не был плодотворной эпохой для создания мифов. Развитие средств информации, накопление источниковой базы для последующих поколений, наконец, сама объективная данность существования конкретной личности во вполне конкретной среде и вполне реальном времени - это ли не лучшие убийцы мифа?
Для мифологического героя Брюс слишком реален, для исторического деятеля - чересчур легендарен. В русской истории он стоит особняком. Своей неординарной личностью и поразительной биографией он затмил всех других легендарных и мифологических персонажей, которые стали лишь бледными тенями на фоне его удивительной жизни и судьбы. Но его легендарный образ так и остался единичным фактом в истории России, и его существование не послужило созданию мистической традиции в русской культуре, что удалось в Германии фигуре Фауста, а в Британии - Роджера Бэкона. Вся русская мистика держится на имени Якова Брюса, в основе практически любого магического артефакта в России лежит комплекс событий и легенд, завязанных в единый узел когда-то имевшим место существованием Брюса. И в этом смысле, безусловно, наличие столь живописной фигуры нанесло определенный ущерб дальнейшему развитию мистического начала в русской культуре, хотя, с другой стороны, сам образ легендарного русского чернокнижника с лихвой искупает этот недостаток, не переставая удивлять нас все новыми и новыми гранями как своей реальной, так и вымышленной судьбы.
Неудивительно, что ни историки, ни адепты мистики так и не смогли до сих пор вплотную подступиться к личности русского горца. Не удивимся, если читатель со вздохом разочарования скажет, что это не удалось и нам. Что ж, мы сделали свое дело, и пусть кто-то сделает лучше...

Начиная свое исследование жизни и судьбы Якова Вилимовича Брюса, мы отнюдь не предполагали, что оно приведет нас к такому количеству нераскрытых тайн и загадок. Еще много их хранит в себе история петровского времени. Еще многое предстоит изучить в биографии Якова Брюса. На многих, вполне привычных нам вещах лежит печать трудов этого человека.
Интересно, что писатели-реалисты, изображая эпоху Петра, обходят фигуру Брюса практически гробовым молчанием. Напротив, Мережковский и те, кто, вслед за ним пытались отразить мистические начала петровского времени, сосредоточивали свое

особенно пристальное внимание на Якове Брюсе, давая простор своей безудержной фантазии.
Но точку ставить рано, и мы вместе с Вами, дорогой Читатель, наверное, еще не раз вернемся к истории жизни и легендам о Якове Брюсе, полководце и ученом, дипломате и государственном деятеле, астрологе и алхимике, колдуне и чернокнижнике, участнике заговоров и тайных обществ, который одновременно состоял на службе царю и дьяволу...

Литература

1. А.В.Амфитеатров. Дьявол. В кн.: Дьявол. М. 1992.
2. Е.В.Анисимов. Петр I: Рождение империи. Вопросы истории. 1989. N 7.
3. М.Байджент, Р.Лей, Г.Линкольн. Священная загадка: Иисус Христос, катары, священный Грааль, тамплиеры. СП б. 1993.
4. Д.Н.Бантыш-Каменский. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб. 1840. Ч.1.
5. Д.Н.Бантыш-Каменский. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М. 1821.
6. Е.М.Батлер. Маги. М. 1997.
7. Ф.В.Берхгольц. Дневник камер-юнкера. - История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII - XX вв. Неистовый реформатор. М. 2000.
8. Библиотека Флорентия Павленкова. Биографическая серия. Т. 24. Ф.Бэкон, Д.Локк, Г.Лейбниц. Челябинск. 1996.
9. Библиотека Я.В.Брюса. Сост. Е.Савельева. Л. 1989.
10. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. Энциклопедический словарь. - Любое издание.
11. Брюсов календарь - любое издание.
12. В.И.Буганов, А.В.Буганов. Полководцы, XVIII век. М. 1992.
13. К.Валишевский. Петр Великий. Воронеж. 1993.
14. А.А.Васильев. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении. - Военно-исторический журнал. 1989. N 7.
15. Великие некроманты и обыкновенные чародеи. Пер. с англ. Н.Масловой. С.-Пб. 2004.
16. В.И.Вернадский. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. - Труды по истории науки в России. М. 1988.
17. Н.Волчкова. Самая старая из подмосковных усадеб. - Черноголовская газета, 19-25 сентября 1998.
18. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. Сост., коммент. и переводы К.Богуцкого. Киев-Москва. 1998.
19. Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII-XIX вв. Под ред. И.Т.Касавина. М. 1999.
20. И.Грачева. Яков Брюс. Реальность и легенды. - Наука и жизнь. № 3. 1998.
21. Н.И.Гусаков. Петр I и медицина. М. 1994.
22. К.Диланян. Тайная миссия Якова Брюса. - Наука и религия. NN 1-2. 1997.
23. П.В.Долгоруков. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Из записок князя П.В.Долгорукова. М. 1909.
24. Ю.Енцов. Музей ученого в усадьбе чародея. - Подмосковье. 16.07.1994.
25. И.А.Желябужский. Дневные записки. - История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII - XX вв. Рождение империи. М. 1997.

26. А.Жеребцов. Тайны алхимиков и секретных обществ. М. 1999.
27. И.Е.Забелин. Кабинет и библиотека Я.В.Брюса. - Летописи русской литературы и древности. М. 1859. Т.I.
28. В.О.Ключевский. Петр Великий среди своих сотрудников. М. 1915.
29. С.Князьков. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М. 1990.
30. И.Колкина. Яков Вилимович Брюс. – В кн.: Н.Павленко, О.Дроздова, И.Колкина. Соратники Петра. М. 2001.
31. И.Корб. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом. - История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII - XX вв. Рождение империи. М. 1997.
32. В.Ф.Левинсон-Лессинг. История картинной галереи Эрмитажа (1764-1917). (Приложение - Первое путешествие Петра I за границу). Л. 1986.
33. Л.Н.Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. Спб. 1891.
34. Х.-Г.Манштейн. Записки о России. - История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII - XX вв. Перевороты и войны. М. 1997.
35. Б.-Х.Миних. Очерк управления Российской империи. - История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII - XX вв. Перевороты и войны. М. 1997.
36. Л.А.Никифоров. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М. 1959.
37. Е.Оларт. Ведьмы. М. 1913.
38. М.А.Орлов. История сношений человека с дьяволом. В кн.: Дьявол. М. 1992.
39. Н.И.Павленко. Петр Великий. М. 1994.
40. Н.И.Павленко. Птенцы гнезда Петрова. М. 1992.
41. Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н.Тихонравовым. Спб.-М. 1863.
42. П.П.Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб. 1862. Тт.I-II.
43. Петр I и Голландия. Русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого. С-Пб. 1998.
44. Письма и бумаги императора Петра Великого. Тт.1-10.
45. Письма, указы и заметки Петра I. - Сборник императорского русского исторического общества. М. 1873. Т.I.
46. Полный и лучший сонник, собранный из лучших сочинений древних и средневековых магов и астрологов, а так же и позднейших снотолкователей, Брюса, Калиостра, Сведенборга, Мартина Задеки и других. М. 1884.
47. В.В.Похлебкин. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах,фактах. М. 1995.
48. А.Н.Пыпин. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Ред. и примеч. Г.В.Вернадского. Петроград. 1916.
49. Родословная Я.В.Брюса. (Публ.В.И.Синдеева). - Исторический архив. 1996. NN 5-6.
50. А.Ю.Саплин. Астрологический энциклопедический словарь. М. 1994.
51. И.П.Сахаров. Русское народное чернокнижие. СПб. 1997.
52. М.И.Семевский. Петр Великий - как юморист. Русская старина. 1872. Т.5.
53. С.Р.Серков. Первые ордена России. - Военно-исторический журнал. 1990. N 1.
54. Р.Симонов. Астрология эпохи реформ. - Наука и религия. N 10. 1993.
55. И.М.Снегирев. Сухарева башня в Москве./Русские достопамятности. (Под ред.

А.Мартынова). Т.1. М. 1877.
56. С.М.Соловьев. История России. - Любое издание.
57. П.В.Сытин. Сухарева башня (1692-1926). Народные легенды о башне, ее история, реставрация и современное состояние. М. 1992.
58. В.Н.Татищев. Записки. Письма. 1717-1750 г.г. М. 1990.
59. В.Н.Татищев. История Российская. М.-Л. 1962. Т.1.
60. С.А.Фейгина. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. 1959.
61. А.Н.Филимон. Яков Брюс. М. 2003.
62. Философский энциклопедический словарь. М. 1989.
63. И.И.Фомин. Сухарева башня в Москве. М. 1913.
64. В.Хлебников. И видели тень Лжедмитрия над Кремлем. - Вечерняя Москва, 3 апреля 1996 г.
65. В.Хлебников. Тайны короля московских чернокнижников. - Я - телохранитель. 1996. N 27.
66. Л.М.Хлебников. Русский Фауст. - Вопросы истории. N 12. 1967.
67. М.Д.Хмыров. 2-ой генерал-фельдцейхмейстер граф Яков Вилимович Брюс. - Артиллерийский журнал. NN 2-4, 1866.
68. Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. Сборник статей. Пер. со шведского В.Возгрина. М. 1999.
69. А.И.Юхт. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20-х - начале 30-х годов XVIII века. М. 1985.
70. V.Boss. Sir Isaac Newton and Russia. The early influence, 1698-1796. Cambridge, Mass. 1972.
71. P.H.Bruce. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia and Great Britain. London. 1782.